

ASSASSIN'S — CREED — BLACK FLAG

КОМАНДА ПЕРЕВОДЧИКОВ

[Aviann Te](#)

[Kayo](#)

[Jinger](#)

[CherrySUN](#)

[Полина Макарова](#)

[Nomadka](#)

**Перевод третьей главы скопирован из игры, он
принадлежит локализаторам.**

Источник:

<http://assassins-creed.ru/>

Иллюстрации и обложка:

Ubisoft

Поддержите правообладателей, купив книгу.

Копирование материала без указания
переводчиков и источника запрещено

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

1719 (ИЛИ ПРИМЕРНО ТОГДА)

Однажды я отрезал человеку нос.

Я не помню, когда точно это случилось: в 1719 или примерно тогда. И не помню, где. Но это случилось во время налета на испанский бриг. Разумеется, нам нужна была добыча. Я горжусь тем, что на *Галке* всегда есть добро. Но там на борту было еще кое-что. То, чего не было у нас, но в чем мы нуждались. *Кто-то*, если быть точным. Кок.

Наш собственный кок и его напарник были мертвы. Напарник кока был пойман мочащимся в балласт, чего я не разрешал, и я традиционно наказал его, заставив выпить кружку мочи экипажа. Должен признаться, у меня ни разу так не было, что из-за кружки мочи умирал человек, но это произошло с напарником кока. Он выпил кружку мочи, пошел спать той ночью и больше не встал. Кок был в порядке какое-то время, но он любил украдкой глотнуть рома, и после глоточка рома он обычно выходил на ют подышать ночным воздухом. Я часто слышал его топот на крыше моей каюты, когда он отплясывал джигу. Но однажды ночью я услышал, как за его топотом по крыше моей кабины и пляской джиги последовал крик и всплеск.

Зазвенел колокол, и команда помчалась на палубу, затем мы опустили якорь и зажгли лампы и факелы, но кока нигде не было видно.

С ними работали какие-то ребята, конечно, но это были всего лишь мальчишки; никто из них не умел

ничего более кулинарного, чем помешать в котелке или начистить картофеля, и с тех пор мы жили на сырой жратве. Среди нас не было никого, кто знал хотя бы как вскипятить воды.

И вот не так давно мы взяли мановар - вкусненькое отклонение от курса, из которого мы разжились новейшей огромной бортовой артиллерией и кучей оружия: сабли, пики, мушкеты, пистолеты, порох и ядра. От одного из схваченных членов экипажа, который потом стал членом моего экипажа, я узнал, что у испанцев был товарный корабль, на котором служил искусный кок. Говорили, что он готовил при дворе, но оскорбил королеву, и его прогнали. Я не поверил ни слову, но это не мешало мне повторить все точь-в-точь, говоря команде, что он будет готовить для нас уже до конца этой недели. Ясное дело, мы сразу приступили к охоте на этот бриг, и, когда мы его нашли, не теряя ни минуты, напали.

Наша новая бортовая артиллерия пришлась кстати. Мы подплыли к бригу борт о борт и усеяли его выстрелами, пока он не был разбит; его паруса разорвались в клочья, а штурвал разломался в воде.

Корабль уже начал накреняться, когда моя команда ринулась на abordаж; в воздухе витал тяжелый запах пороха, вокруг звучали выстрелы мушкетов и звон сабель. Я был со своей командой, как обычно, с саблей в одной руке и скрытым клинком наготове - сабля для ближнего боя, клинок для добивания. Двое ринулись на меня, и с первым я расправился быстро - резкий удар сверху вниз разрезал его треуголку пополам и почти рассек голову надвое.

Он опустился на колени с моей саблей меж глаз, но беда была в том, что я вонзил слишком глубоко, и когда я попытался вытащить лезвие, тело приподнялось вместе с ним. Потом второй, со страхом в глазах, очевидно не привыкший к сражениям, напал на меня, и взмахом лезвия я срезал его нос, отчего, как я и хотел, тот отступил назад. Пока он пытался остановить кровь, я двумя руками наконец высвободил свою саблю из черепа первого и вернулся к славной драке. Скоро все закончилось с потерями с их стороны настолько малыми, насколько это было возможно, и я отдал специальное распоряжение, чтобы коку ни в коем случае не причинили вреда. *"Что бы ни случилось,"* - сказал я, - *"нам надо взять его живьем."*

Когда их бриг скрылся под водой и мы уплыли, оставив облако порохового дыма и море расщепленных досок и торчащих кусков потонувшего корабля позади, мы собрали их команду на главной палубе, чтобы вычислить среди них кока; едва бы у нас нашёлся человек, чей рот не заполнялся слюной или живот не раздражался урчанием, и мы не могли не заметить их откормленный вид. Совсем нет.

Именно Кэролайн научила меня ценить хорошую пищу. Кэролайн, моя единственная истинная любовь. За то слишком короткое время, которое мы провели вместе, она облагородила мои вкусы, и мне нравилось думать, что она бы одобрила мое отношение к трапезе, и как я передал любовь к вещам покачественней к команде. Она знала, как и я - частично благодаря тому, что она объяснила мне, - что сытый человек - это счастливый человек, и счастливый человек меньше склонен к тому, чтобы подвергать сомнению авторитет

на корабле, из-за чего за все эти годы на море у меня никогда не было ни намека на бунт. Ни одного.

"Это я," - сказал он, делая шаг вперед. Но прозвучало это скорее как "эфо я", чему он был обязан своим перебинтованным лицом, с которого какой-то дурак отрезал нос.

ГЛАВА ВТОРАЯ

1711

Но, ладно, где я остановился? *Кэролайн*. Ты хотела знать, как я познакомился с ней.

Ну, здесь есть что рассказать, как говорят. Здесь есть что рассказать. Для этого мне придется вернуться назад, в то время, когда я был простым фермером, когда я еще не знал ничего ни об ассасинах, ни о тамплиерах, о Черной Бороде, о Бенджамине Хорнигольде, о Нассау или об Обсерватории, и я бы никогда не узнал ни о чем этом, если бы не случайная встреча в "Старой дубинке" одним жарким летним днем в 1711.

Дело в том, что я был одним из тех молодых смутьянов, которые любили выпить, несмотря на то, что из-за этого я попадал в пару передряг. Было совсем немного... скажем так, *инцидентов*, которыми я не очень горжусь. Но это крест, который приходится нести, если ты чуть излишне любишь выпивку; пьющих с чистой совестью практически не найти. Большинство из нас зарекались от спиртного рано или поздно, чтобы изменить свою жизнь и, возможно, обратиться к Богу или сделать что-нибудь путное из себя. Но вот потом наступает полдень, и ты понимаешь, что твоей голове совсем не помешала бы еще выпивка, и вот ты идешь к таверне.

Таверны, о которых я говорю, были в Бристоле, на юго-западном берегу старой доброй Англии, где мы привыкли к суровыми зимами и расцветанию лета, и в тот год, именно в тот год, в год, когда я впервые

встретился с ней, в 1711, как я уже говорил, мне было всего семнадцать лет.

И, да, да, я был пьян, когда это случилось. В те дни я был пьян немалую часть времени. Возможно... ну, не буду преувеличивать, я не хочу дурно говорить о себе. Но, возможно, половину времени. Может, чуть больше.

Дом был на окраине деревни Хазертон, в семи милях до Бристоля, где у нас был небольшой участок, в котором мы держали овец. Отец был заинтересован только скотом. Он всегда был заинтересован им, и поэтому мое присутствие освободило его от той части дела, которую он презирал более остальных - путешествие в город с товаром, споры с торговцами, переговоры, сделки. Когда я подрос - читай: как только я стал способен договариваться с партнерами и торговать как равный - ну, этим я и стал заниматься. Отец был чрезмерно рад уступить мне эту роль.

Отца звали Бернард. Мать - Линетт. Они были родом из Свонси, но переехали в Уэст-Кантри, когда мне было десять лет. У нас до сих пор был уэльский акцент. Я не думаю, что он мне не нравился, раз он делал нас не похожими на других. Я был овцеводом, а не самой овцой.

Отец и мать часто говорили, что у меня подвешенный язык, и мать обычно добавляла, что я - привлекательный молодой человек, способный очаровать каждого, и это правда, я и сам так говорю, но мне было проще найти общий язык с леди. Короче говоря, дела с женами торговцев завершались по-райски успешно, нежели торговля с их мужьями.

То, как я проводил дни, зависело от сезонов. С января по май было время ягнения - наш самый занятый сезон, в течение которого я к рассвету должен был быть в сарае - с гудящей головой или нет - и проверять, не родились ли новые ягнята ночью. Если родились, то их относили в сарай поменьше и оставляли в загонах - мы называли их клетками ягнения - и дальше ими занимался отец, а я чистил кормушки, заполнял их снова, менял сено и воду, и мать старательно записывала детали родов в журнале. Я тогда не умел писать или читать. Сейчас, конечно, умею; Кэролайн научила меня этому вместе с остальным, что сделало из меня мужчину, но тогда эта роль отводилась матери, которая писала не слишком умело, но достаточно, чтобы вести записи.

Мать и отец любили работать вместе. Это было еще одна причина, по которой отцу нравилось, что я отправлялся в город. Казалось, что он и моя мать были соединены. Я никогда не видел еще кого-нибудь, столь влюбленных друг в друга, и кому надо было показывать так мало, чтобы дать знать об этом. Было очевидно каждому, что они поддерживали друг в друге жизнь. На них было приятно смотреть.

Осенью мы приводили баранов и овец на пастбище, чтобы к весне у нас были ягнята. За полями требовалось ухаживать; заборы и стены нужно было строить и чинить.

Зимой, если погода была очень плохой, мы приводили овец в стойло и держали их в тепле до января, когда начинался сезон ягнения.

Но именно лето было моим временем. Сезон стрижки овец. Мать и отец трудились день и ночь, пока я бегал в город чаще обычного, и не с пустыми руками за мясом, а с загруженной шерстью тележкой. Летом, когда появлялась такая возможность, я частенько забегал в местные таверны. Можно сказать, я примелькался там, в длинном камзоле, брюках по колено, белых чулках и слегка потрепанной треуголке, которую считал своим отличительным знаком, потому что мама говорила, что она идет к моим волосам (которым, к слову, не повредила бы стрижка, но они были потрясающего песочного цвета, и это даже я признавал).

Копирование материала без указания
переводчиков и источника запрещено

Именно в тавернах я узнал, что мой талант к болтовне раскрывался после нескольких кружек эля. Знаешь, выпивка оказывает такой эффект, да? Развязывает языки, размывает мораль... Не то что бы я был очень робким и застенчивым в трезвом состоянии, но эль давал мне дополнительное преимущество. Ну, или, по крайней мере, я так себе говорил. В конце концов, деньги, вырученные от моих продаж по пьяни полностью покрывали то, что я потратил на алкоголь. Ну, или, по крайней мере, я так себе говорил.

Было что-то еще кроме того, что Эдвард пьяный был лучшим торговцем, чем Эдвард трезвый, и этим "что-то" был мой настрой.

Потому что, по правде говоря, я думал, что был особенным. Нет, я знал, что был особенным. Я часто сидел один ночью и смотрел на мир по-своему, по-особенному. Теперь-то я знаю, что это такое, но тогда я не мог объяснить это другими словами, кроме как сказать, что я чувствовал себя не таким, как все.

Либо из-за этого, либо несмотря на это я решил, что не хочу быть фермером всю свою жизнь. Я знал это с самого первого дня, когда пришел на ферму как работник, а не как ребенок, посмотрел на отца и понял, что игры кончились, а дома меня ждут лишь мечты о том, как я буду бороздить моря. Нет, вот оно, мое будущее, прямо передо мной. Я проведу всю свою жизнь как фермер, работая на отца, женюсь на местной девушке. Она родит мне сыновей, которые тоже станут фермерами, как их отец и дед. Я видел всю свою жизнь перед собой, но вместо того, чтобы почувствовать тепло удовлетворенности и счастья, я пришел в ужас.

И правда была в том, что - прости меня, отец, да упокоит Бог твою душу - я ненавидел свою работу, и это нельзя сказать мягче. После нескольких кружек эля, что ж, я ненавидел ее чуть меньше, но это все, что я могу сказать. Выбалтывал ли я свои мечты по пьяни? Возможно. Тогда я толком не думал об этом. Я знал только то, что во мне сидело глубокое отвращение к тому, как разворачивалась моя жизнь - или, что еще хуже, то, как она уже развернулась.

Возможно, когда речь шла о моих настоящих чувствах, я был слегка несдержанным. Возможно даже, у моих собутыльников сложилось обо мне впечатление, что я чувствовал, что жизнь готовила мне что-то получше. Что я могу сказать? Я был молодым надменным выпивохой. Плохой набор и в лучшие времена, а те времена лучшими никак нельзя было назвать.

"Ты думаешь, ты выше людей типа нас, да?"

Я частенько такое слышал. Или как минимум разные вариации этой фразы.

Наверно, было бы вежливее отвечать "нет", но я так не делал, из-за чего частенько оказывался в драках. Наверно, я хотел доказать, что я был лучше них, в бою в том числе. А может, так я защищал имя своей семьи. Да, возможно, я был пьяницей. Обольстителем. Наглым. Ненадежным. Но я не был трусом, нет. Я никогда не убегал, поджав хвост.

Именно летом моё безрассудство достигало самых высот. Именно тогда я был самым пьяным и самым буйным, и, по правде сказать, той еще занозой в

заднице. С другой стороны, именно тогда я был более готов спасти молодую девушку в беде.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Мы встретились в "Старой дубинке" - таверне примерно на полпути между Хазертоном и Бристолем. Я частенько захаживал туда - иногда несколько раз в день. Такое случалось, когда мои родители подолгу не могли отлучиться в город, занятые стрижкой овец, и мне приходилось ходить туда вместо них.

Признаюсь, вначале я почти не обратил на нее внимания. Ума не приложу, как такое могло выйти - в те времена я очень гордился как раз тем, что знал буквально всех хорошеньких женщин в округе. К тому же в такой дыре, как "Дубинка", как-то не ждешь увидеть хорошенькую женщину. Женщину - да. Женщина "известного склада" - да. Но эта девушка явно к таким не относилась: юная, примерно моих лет, одетая в льняной чепец и блузу, она скорее напоминала служанку

Однако мое внимание привлекло не столько ее платье, сколько голос. Девушка говорила очень громко, и это сильно не вязалось с ее обликом. За одним столом с ней сидели трое мужчин, все намного ее старше. Их я узнал сразу: это были Том Кобли, его брат Сет, а третьего звали Джулиан - его фамилию я никогда не слышал; он работал вместе с Кобли. С этой троицей мы едва ладили и всегла были готовы обменяться если не ударами, так колкостями. Им казалось, что я ворочу от них нос, и они отвечали мне тем же. В общем, приязни у нас друг к другу не было ни на грош. Когда я их увидел, они сидели на скамьях, подавшись вперед и ухмыляясь, и пожирали девушку глазами, выдававшими дурные намерения. При этом все трое

вели себя как ни в чем не бывало: широко улыбались, болтали без умолку, не забывая подбадривать девушку, которая тем временем осушила целый кувшин эля.

Нет, она вовсе не походила на тех женщин, окторых часто можно было встретить в этой таверне, но судя по всему, очень хотела подражать им - опустошенный кувшин был чуть ли не с нее размером. Вытерев рот рукой, она брякнула его об стол. Мужчины, которые сидели рядом, тут же разразились одобрительными возгласами, призывая ее расправиться с еще одним. Девушка уже немного покачивалась, сидя на скамье, и это явно их радовало. Похоже, троица никак не могла поверить в свою удачу - еще бы, вот так легко задурить голову очаровательной девушке.

Я продолжал наблюдать за этими негодяями. Они дали девушке выпить еще эля и так же радостно встретили новый пустой кувшин. Как и прежде, она вытерла рот рукой, правда, на скамье сидела теперь еще менее уверенно. Ее соседи это тоже заметили - и переглянулись. В их взглядах читалось победное: *"Ну все, дело сделано!"*

Том и Джулиан встали. Если верить их словам, они хотели "проводить" ее до двери, мол: "Ты слишком много выпила, милая, мы проводим тебя домой, да?"

- В кровать, - с ухмылкой пробормотал Сет. Он думал, что произнес эти слова едва слышно, на выдохе, хотя на самом деле его слышали все, кто был в таверне. - Отведем тебя прямо в кровать.

Я бросил быстрый взгляд на бармена, который в ответ лишь опустил глаза и начал сморкаться в

передник. Посетитель, сидевший с другой стороны стойки, тоже отвернулся, стоило мне перевести взгляд на него. Вот же выродки. С тем же успехом можно и кошку о помощи просить - со вздохом подумал я, затем с грохотом поставил кружку на сто, встал и вышел на улицу следом за Кобли.

После полутьмы, царившей в таверне, яркий солнечный свет резанул глаза, и я невольно зажмурился. Неподалеку жарилась на солнце моя повозка. Рядом стояла еще одна, судя по всему, принадлежавшая Кобли. По ту сторону дороги находился загон для скота, а вдалеке за ним виднелся дом. Правда, самого фермера нигде поблизости я не заметил. На пустынной дороге были только мы: я, братья Кобли, Джулиан, ну и, конечно, девушка.

- Эй, Том Кобли, - произнес я, - чего только нынче не увидишь. Скажем, как ты наливаешься с друзьями - да еще заодно спаиваешь беззащитную девушку!

Услышав эти слова, Кобли резко отпустил девчонку - та едва не упала - и повернулся ко мне, заранее подняв руку с выставленным вперед пальцем.

- Не лезь не в свое дело, Эдвард Кенуэй, малолетний ты бездельник! Ты так же пьян, как и я, и, как и я, далеко не праведник. С какой стати мне слушать поучения от таких, как ты?

Сет и Джулиан тоже повернулись ко мне, а взгляд девушку совершенно остекленел - похоже, ее рассудок отправился на боковую, хотя тело еще бодрствовало.

- Что ж, Том Кобли, - улыбнулся я в ответ, - я, может, и правда, далеко не праведник, но мне вовсе нет нужды заливать в девчонку несколько кувшинов эля

для того, чтобы затащить ее в постель. И уж точно мне не требуется для этого помощь сразу двоих дружков.

Том Кобли побагровел.

- Послушай, ты, пронырливый сукин сын! Я вообще-то собирался просто погрузить ее на повозку и отвезти домой.

- О, я не сомневаюсь в том, что ты собирался именно так и поступить. Меня больше интересует то, что ты собирался сделать с ней после того, как положишь на повозку, и прежде, чем довезешь до дома.

- Вишь, интересует его! Если не перестанешь лезть в чужие дела, то, пожалуй, тебя скоро будут интересоваться только сломанный нос и ребра. Твои же!

Я украдкой бросил взгляд на пыльную дорогу, обрамленную зеленью и золотом деревьев, которые купались в лучах яркого солнца, - и увидел вдалеке одинокую фигуру всадника, пока еще мерцающую и нечеткую.

Тогда я шагнул вперед. Если вначале в моем обращении к ним еще можно было углядеть нотки юмора и теплоты, то теперь они сами собой исчезли. Когда я снова заговорил, мой голос приобрел твердость стали.

- Сейчас же отпусти девчонку, Том Кобли, или я за себя не ручаюсь.

Все трое переглянулись. В каком-то смысле они сделали то, чего я потребовал: выпустили девушку из рук. Она, похоже, с облегчением соскользнула вниз и замерла в сидячем положении, опираясь рукой о землю и глядя на нас осоловевшими глазами. Судя по всему,

она совершенно не понимала того, что сейчас говорилось о ней.

Тем временем я рассматривал Кобли и оценивал свои шансы. Приходилось ли мне когда-нибудь драться сразу с тремя? Вообще-то нет. Да и дракой такое назвать сложно - при подобном раскладе тебя попросту беспорядочно избивают. Но тут я сказал себе: "Эй, Эдвард Кенуэй, не вешай-ка нос!" Да, их трое, а ты один, но один из этой троицы - Том Кобли, человек в годах - в отцы тебе годится. Второй - Сет Кобли, сын Тома. Если вы можете представить себе подонка, который вместе с отцом подпаивает девчонку, то наверняка поймете, что представлял собой Сет. Прогнившая душонка, способная действовать только исподтишка. Такой испугается любой драки и сразу убежит, обмочив штаны. Ко всему прочему, оба Кобли были в изрядном подпитии.

Правда, я и сам успел изрядно выпить. К тому же с ними был Джулиан - о нем я мало что знал, но, судя по виду, он вполне еще мог держаться на ногах.

Но у меня уже созрел новый план. Я помнил о всаднике, которого видел вдалеке. Сумею я продержаться, отбиваясь от Кобли, пока всадник не окажется рядом, у меня будет неплохой шанс победить. Ведь если это будет человек добропорядочный, то наверняка остановится и придет мне на помощь.

- Что ж, Том Кобли, - сказал я, - сила на твоей стороне, это любому ясно. Но я вряд ли смогу смотреть в глаза своей матери, если позволю тебе и твоим дружками увезти эту девушку.

Я снова бросил взгляд на дорогу и увидел, что всадник еще немного приблизился. "Давай же! - подумал я. - *поторапливайся!*"

- Поэтому, - продолжил я вслух, - даже если вы в конце не оставите на мне живого места и бросите на обочине подыхать в луже крови, а девчонку таки увезете с собой, я все равно сделаю все, что смогу, чтобы вам помешать. И поверьте - уж парочку фонарей я точно наставлю, а кому-то причиндалы отобью.

Том Кобли сплюнул и, прищурив морщинистые веки, уставился на меня.

- Так что же ты, Эдвард Кенуэй, так и будешь стоять весь день, рассусоливая, или все-таки приступишь к тому, что тут наобещал? Время-то никого не ждет... - он зловеще оскалился. - Меня ждут дела, видишь ли.

- Ах, да, ты прав. Ведь чем дольше мы тут стоим, тем меньше времени остается до того момента, как эта бедная девушка протрезвеет, так ведь?

- Знаешь ли, Кенуэй, мне надоела твоя пустая болтовня. - Он повернулся к Джулиану: - Ну что, проучим этого малолетнего поганца? Ах да, и еще кое-что я скажу, мастер Кенуэй, пока мы еще не начали: ты и в подметки не годишься своей матери, ясно?

Не буду скрывать - это меня чертовски задело. Подумать только: Том Кобли, в котором добродетели было не больше, чем у похотливого кобеля, а ума - вдвое меньше, сумел залезть мне в душу! Моя вина была подобна открытой ране, а он засунул в нее свои грязные пальцы, тем самым сделав еще больнее. Но в то же время это придало мне и больше решительности.

Джулиан выпятил грудь и с глухим рыком начал приближаться. В двух шагах от меня он поднял кулаки, отклонился правой частью тела назад и замахнулся. Уж не знаю, с кем Джулиану раньше доводилось биться возле кабаков, но это точно были люди, дравшиеся намного реже меня. Я уже давно понял, что он правша, а теперь он и вовсе выдал свои намерения с головой.

Я легко увернулся от удара - лишь облачко пыли взвилось у меня из-под ног - и резко выбросил вверх правый кулак, угодив Джулиану точно под челюсть. Мой противник громко вскрикнул от боли. Дерись мы один на один - победа была бы уже за мной, но ему на помощь вовремя пришел Том Кобли. Я успел заметить его лишь краем глаза, и времени увернуться уже не было. Ошеломляющий удар пришелся мне прямо в висок.

Покачнувшись, я повернулся лицом к новому противнику, при этом мои кулаки начали молотить воздух намного чаще, чем мне бы того хотелось. Я надеялся, что смогу случайно кого-нибудь зацепить - стоило мне вырубить одного из них, и шансы бы уравнились. Но ни один из моих ударов не пришелся в цель: Том Кобли уже отскочил назад. Джулиан тем временем подозрительно быстро оправился от первого моего удара и снова пошел на меня.

Он размахнулся и врезал мне в подбородок, чуть не сбив с ног - меня аж развернуло. Шляпа слетела у меня с головы, волосы лезли в глаза, я был весь растрепан. И, кто бы вы думали, решил вступить в этот момент в драку, пнув меня сапогом? Червяк Сет Кобли - да еще подбадривая при этом криками своего папашу и Джулиана. Маленькому выродку повезло - он попал

мне прямо под дых. Потеряв равновесие, я оступился - и растянулся на земле.

В драке сразу с тремя противниками падение - это худшее, что может с тобой приключиться. Упал - тебе конец. Сквозь частокол их ног я снова увидел одинокого всадника, ехавшего по дороге. Теперь он был моим единственным шансом выжить в этой передрыге. Но то, что я увидел, заставило мое сердце в отчаянии замереть. На лошади ехал вовсе не торговец или другой мужчина, который мог спешиться и рвануть мне на помощь. Нет, всадником, на мою беду, оказалась женщина. Правда, она ехала не в дамском седле и сидела на лошади по-мужски, но перед нами оказалась леди. На ней была шляпа и светлое летнее платье. "Какая красавица," - это было последнее, что я успел подумать прежде, чем сапоги Кобли загородили мне обзор и сверху один за другим посыпались удары.

К несчастью, спасти меня эта красота не могла.

- Эй! - вдруг услышал я, - вы, трое! Прекратите немедленно!

Они повернулись, чтобы посмотреть на нее. Все мои противники проворно сняли шляпы и поспешно выстроились в ряд, чтобы загородить меня - я, кашляя, лежал в пыли.

- Что здесь происходит? - требовательно спросила она. По голосу я понял, что женщина молода и, хотя и не из знатной, но явно хорошей семьи. Пожалуй, даже слишком хорошей, чтобы развезжать по дорогам в одиночку.

- Просто хотели преподать урок хороших манер этому малому, - проскрипел Том Кобли, запыхавшись.

Да уж, тяжелая на его долю выдалась работенка - запинать меня до полусмерти.

- Неужели вы только втроем можете с этим справиться? - парировала она. Теперь я наконец смог ее увидеть. Девушка показалась мне вдвое красивее, чем на первый взгляд. Она сердито уставилась на Кобли, а те, в свою очередь, уже совсем присмирели.

Девушка спешила.

- И главное, что вы сделали с этой юной леди? - поинтересовалась она, указав на все еще пьяную девчонку, которая так и сидела на земле, слабо соображая, что происходит.

- О, мэм, это просто наша юная подружка. Она немного перебрала.

Девушка помрачнела.

- Она вовсе не ваша подружка. Это наша служанка, а если я не верну ее домой до того, как моя мать обнаружит, что она тайком улизнула, то станет вдобавок и бывшей служанкой.

Она многозначительно обвела взглядом троих мужчин, стоявших перед ней.

- Я прекрасно знаю вашу мужскую натуру, и, кажется, вполне понимаю, что здесь произошло. Лучше вам оставить этого молодого человека и убраться восвояси, пока мне не пришлось обратиться к властям

Кланясь и шаркая ногами, Кобли вскарабкались на свою телегу, и вскоре их и след простыл. Девушка подошла ко мне и, опустившись на колени, заговорила:

- Меня зовут Кэролайн Скотт. Наша семья живет в Бристоле, на Хокинс-лейн. Я отвезу тебя туда, и мы сразу займемся твоими ранами.

- Простите, сударыня, но мне нельзя в Бристоль, - сказал я в ответ, встав и попытавшись соорудить ухмылку. - Меня работа ждет.

Она встала.

- Понимаю. Скажите, я верно оценила обстановку?

Я поднял свою шляпу и начал отряхивать ее от пыли. Теперь она была совсем расплющена.

- Да, все верно, сударыня.

- В таком случае, примите мою глубокую благодарность. То же сделает и Роза, когда придет в себя. Она, конечно, девица своевольная и не самая

Копирование материала без указания переводчиков и источника запрещено

послушная прислуга, но я все равно не хочу, чтобы она пострадала из-за своего дерзкого нрава.

"Вот настоящий ангел", - решил я тогда для себя. Когда я помогал девушке поудобнее расположиться в седле - она все время заботливо поддерживала Розу, которая, так и не протрезвев, мешком свисала с шеи лошади, - мне в голову неожиданно пришла одна мысль.

- Скажите, сударыня, мог бы я увидеть вас еще раз? И поблагодарить вас как следует, когда я успею привести себя в божеский вид?

Она одарила меня взглядом, полным сожаления.

- Боюсь, мой отец не одобрит, - сказала она, тряхнула поводьями и направилась домой.

В тот день я встретил закат, сидя под соломенной крышей нашего домика и глядя поверх пастбищ куда-то вдаль. Обычно мне приходили в голову мысли о собственном неизбежном будущем, и я размышлял, что лучше: бежать от него или все же бороться.

Но тем вечером я думал о Кэролайн. Кэролайн Скотт с Хокинс-лейн.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Через два дня меня разбудил крик. Впопыхах я натянул штаны и выскочил из комнаты в незастегнутой рубашке, натягивая сапоги на босые ноги. Я узнал этот крик. Он принадлежал моей матери. Скоро ее крики затихли до плача, уступив место бранной речи отца. Бранной речи человека, который в итоге оказался прав.

После того, как я подрался у "Старой дубинки", я вернулся в таверну, чтобы сделать что-нибудь со своими порезами и синяками. Чтобы заглушить боль, так сказать. И что могло с этим справиться лучше, чем выпивка или две? И вот, когда я наконец вернулся домой, я был в том еще состоянии. Когда я говорю "состояние", я имею в виду "состояние", как если бы говорил о человеке, который выглядел так, словно принял участие не в одной войне - и я принимал, если судить по синяками на лице и шее и по одежде, порванной тут и там. Но еще - как если бы я говорил о человеке, который перебрал с выпивкой.

И то, и это разозлило отца, и мы поругались, и мне стыдно признаться, что я не выбирал слова в присутствии матери. Конечно, отец взбесился, и за это я ощутил тяжесть его руки. Но его по-настоящему вывело из себя то, что пьяная драка, как он назвал ее (потому что он не понимал, что я защищал честь леди, и что он сделал бы то же самое на моем месте), случилась в рабочее время. Он видел их, изнуренных работой, и меня, напивавшегося и дерущегося, порочащего доброе имя Кенуеев, и в данном

конкретном случае припасавшего еще больше неприятностей на будущее.

- Кобли. - Он вскинул руки от злобы. - Та еще масть чертовых негодяев, - сказал он. - Это обязательно должны были быть они, да? Они этого просто так не оставят, ты же знаешь, да?

Само собой, тем утром я помчался в палисадник, и там в своих рабочих одеждах стоял отец, успокаивал мать, которая уткнулась лицом ему в грудь, тихо сопя и повернувшись спиной к тому, что лежало на земле.

Я закрыл рот рукой, увидев причину их горя: две зарезанные овцы лежали рядышком в запачканной кровью пыли. Их оставили там, чтобы мы знали, что они не стали жертвами лисы или дикой собаки. Чтобы мы знали, что овец убили не просто так.

Предупреждение. Месть.

- Кобли, - процедил я, чувствуя, как гнев бурлил во мне, подобно закипающей воде. С ним пришло и острое, колющее чувство вины. Мы все знали, что это случилось из-за того, что я натворил.

Отец не смотрел на меня. На его лице была печаль и тревога, которые можно было ожидать. Как я говорил, он был уважаемым человеком, и ему нравились плоды, которые ему приносило это уважение; даже с конкурентами у него были обходительные и почтительные взаимоотношения. Ему не нравились Кобли, конечно нет - а кому они нравились вообще? - но до сих пор не было никаких проблем, ни от них, ни от кого-либо другого. Такое случилось впервые. Такое для нас было ново.

- Я знаю, о чем ты думаешь, Эдвард, - сказал он. Я заметил, он не мог заставить себя взглянуть на меня, он просто стоял, держа мать, и глядел в какую-то точку вдалеке. - Но ты можешь подумать еще раз.

- О чем же я думаю, отец?

- Ты думаешь, что ты навлек это на нас. Ты думаешь о том, чтобы выяснить отношения с Кобли.

- И? А о чем думаешь ты? Хочешь, чтобы это просто так сошло им с рук? - Я взглянул на два истекающих кровью трупа в грязи. Уничтоженный скот. Потерянный заработок. - Они должны заплатить.

- С этим ничего не поделаешь, - сказал он.

- То есть ничего не поделаешь?

- Два дня назад мне предложили вступить в организацию - Торговую Организацию, как мне ее представили.

Когда я взглянул на отца, я задумался, смотрел ли я на старую версию себя, - и да накажет меня за это Бог, - но я очень надеялся, что нет. Он когда-то был привлекательным человеком, но его лицо покрылось морщинами и осунулось. Широкие поля его фетровой шляпы прикрывали глаза, всегда опущенные и усталые.

- Они хотели, чтобы я вступил, - продолжил он, - но я отказался. Кобли и большая часть торговцев согласились. Они пользуются в свое удовольствие защитой Торговой Организации, Эдвард. Как ты думаешь, по какой еще причине они бы пошли на такую жестокость? Они защищены.

Я закрыл глаза.

- Мы что-нибудь можем поделать?

- Займемся тем же, чем и всегда, Эдвард, и будем надеяться, что это закончилось и что Кобли подумают, что их честь восстановлена. - Он впервые обратил свои усталые, старые глаза на меня. В них не было ничего, ни злобы, ни осуждения. Только поражение. - Я могу рассчитывать на то, что ты приберешь здесь, пока я побуду с твоей матерью?

- Да, отец, - сказал я.

Он и мать направились в дом.

- Отец, - позвал я, когда они дошли до двери, - почему ты не вошел в Торговую Организацию?

- В один день ты поймешь, если когда-нибудь вырастешь, - ответил он, не оборачиваясь.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Тем временем мои мысли вернулись к Кэралайн. Первое, что я сделал, это узнал, кто она такая. Поспрашивав людей из Хокинс-лейн, я выяснил, что ее отец, Эмметт Скотт, был богатым торговцем чаем. Не сомневаюсь, что большая часть его клиентов относилась к нему, как к *мешку с деньгами*, но он все-таки сумел пробить себе путь к вершине общества.

Кто-нибудь менее упрямый и самонадеянный, скорее всего, выбрал бы совершенно не тот путь к сердцу Кэралайн, каким пошел я. В конце концов, ее отец был поставщиком отборного чая для богатых семей в Уэст-Кантри. У него были деньги, достаточно денег, чтобы нанять слуг в довольно большой дом в Хокинс-лейн. Он не был мелким собственником - а значит, ему не приходилось вставать в 5 утра, чтобы покормить скот. У него были средства и влияние. Что мне надо было бы сделать - даже зная, что это бесполезно - это познакомиться с ним. Но большая часть того, что в итоге произошло, могла бы и не произойти, если бы я хотя бы попытался.

Но я не попытался.

Видишь ли, я был молод, я был заносчив. Неудивительно, что люди типа Тома Кобли ненавидели меня. Но несмотря на свое положение, я искренне полагал, что втереться в доверие к торговцу чаем - это ниже меня.

Если я что-то и знаю, так это то, что если ты любишь женщин - а я их люблю и не стыжусь признаться в этом - ты можешь найти что-то красивое в любой из них, и не важно, являются ли они красивыми

в классическом смысле этого слова. Но Кэролайн... Моим проклятием было влюбиться в девушку, чья внешняя красота не уступала внутренней, и, разумеется, это не могло не привлечь внимания других. Так что следующим, что я узнал, было то, что Мэттью Хэйг, сын сэра Обри Хэйга, крупнейшего землевладельца в Бристоле и руководителя Ост-Индской кампании, положил на нее глаз.

Как я понял из того, что мне удалось выяснить, Мэттью был примерно моего возраста, много о себе о воображал и считал себя невесть каким важным. Он любил напускать на себя умный вид, как и его отец, хотя было ясно, что таланты отца в сфере бизнеса обошли его стороной. Более того, он возомнил себя кем-то вроде философа и частенько надиктовывал свои мысли писаке, который вечно следовал за ним с пером и чернилами наготове. "Шутка - это камень, брошенный в воду, а смех есть рябь". Ужас.

Возможно, его болтовня и обладала глубоким смыслом. Но ясно, что я бы не уделял ему особо внимания - я бы просто посмеивался вместе с остальными, как только слышал его имя - если бы он не был заинтересован в Кэролайн. Возможно, даже это не волновало бы меня столь сильно, если бы не два момента. Во-первых, отец Кэролайн, Эммет Скотт, очевидно помолвил свою дочь с сынишкой Хэйга; во-вторых, у этого сынишки Хэйга, имевшего склонность делать критические ошибки даже в простейших деловых сделках и свойство быстро злить людей - вероятно, вследствие своей снисходительной манеры, - был телохранитель по имени Уилсон - огромный

бестактный мужлан, который, как говорили, был крепким малым, с косоватым глазом.

- Жизнь - это не битва, ибо битвы существуют, чтобы выигрывать или проигрывать их. Жизнь же нужно испытать, - слышал я, как Мэттью надиктовывал своему худенькому писцу.

Ну разумеется, Мэттью Хэйг вел свою маленькую милую битву, ибо, во-первых, он был сыном сэра Обри Хэйга, а во-вторых, этот чертов телохранитель следовал за ним абсолютно повсюду.

* * *

В общем, я загорелся идеей узнать, где Кэролайн будет одним чудесным солнечным днем. Если точнее, я хотел потребовать возвращения долга. Помнишь Розу, служанку, которую я спас от участи куда более страшной, чем смерть? Я напомнил ей об этом однажды, когда последовал за ней от Хокинс-лейн до рынка, и представился, пока она ходила между рядами со своей корзинкой, старательно игнорируя крики лоточников.

Естественно, она меня не узнала.

- Сэр, я понятия не имею, кто вы такой, - сказала она, затравленно озираясь по сторонам, словно ожидая, что ее работодатель выскочит прямо посреди ряда, (как черт из табакерки).

- Зато я точно знаю, кто ты такая, Роза, - сказал я. - Это меня побили вместо тебя на прошлой неделе около "Старой дубинки". Ты, конечно, была пьяна, но, надеюсь, помнишь доброго самаритянина?

Копирование материала без указания переводчиков и источника запрещено

Она неохотно кивнула. Да, пользоваться плачевными обстоятельствами, в которые попала леди для... ну, сказать, что для *шантажа* – это перебор, но чтобы вытянуть из нее информацию, было не самым моим благородным поступком, но пришлось. Я был избит и, учитывая, что писать-читать я не умел, решил, что лучшим выходом будет встретиться с Кэролайн лицом к лицу.

Мне нужно было всего лишь очаровать ее. Это прокатывало с торговцами, это прокатывало с девушками в тавернах. Почему это не должно было сработать на ком-то более знатного происхождения?

От Розы я узнал, что Кэролайн любила подышать воздухом в порту Бристоля по вторникам. "Но", - добавила она, быстро оглядевшись, - "ты должен остерегаться мистера Хэйга". Его и его слуги Уилсона. Мистер Хэйг души не чаял в Кэролайн, а потому берег ее как зеницу ока, говорила мне Роза.

Следующим утром я поехал в город, продал товар так быстро, как только мог, а затем направился напрямик в порт. В воздухе висел тяжелый запах морской соли, навоза и кипящей смолы; тут и там слышались крики чаек и рабочих порта, загружающих и разгружающих судна, мачты которых слегка покачивались под мягким бризом.

Я начал понимать, почему Кэролайн любила здесь бывать. Вся жизнь была сосредоточена в порту: от людей с корзинами, полных свежих яблок, и связками фазанов до торговцев, расставляющих корзины на пристани и окликивающих посетителей порта, и женщин, убеждающих покупателей купить ткань по якобы очень выгодной цене. Дети либо продавали

цветы и грибы, либо сновали среди матросов и убегали от торговцев, почти так же незаметно, как собаки бегали вокруг стен порта и нюхали кучи мусора и сгнившей еды, выброшенные днем ранее.

И среди них была Кэролайн, которая - вместе с бантиком на чепчике, зонтиком за плечом и Розой на почтительном расстоянии позади - выглядела как истинная леди. Но, она, как я заметил - я временно сохранял дистанцию, выжидая подходящего момента, - она не смотрела на происходящее вокруг. Ее притягивало сюда не непреодолимое любопытство. Судя по ее поведению, ей, как и мне, нравилось наблюдать за жизнью во всех ее проявлениях. Мне стало интересно, смотрела ли она, подобно мне, на море, которое сверкало сокровищами, на корабли, с едва наклонившимися мачтами, на чаек, улетающих на край света, и задумывалась ли о том, какие истории мог рассказать горизонт?

Я романтик, это правда, но не романтичный дурак, и с того дня у таверны бывали мгновения, когда я спрашивал себя, не был ли мой интерес к Кэролайн продуктом собственной головы. Она спасла меня, в конце концов. Но там, пока я ходил по пристани, я влюбился в нее снова.

Собирался ли я встретиться с Кэролайн в своей рабочей одежде? Конечно, нет. Я предусмотрительно сменил и продал свои грязные сапоги на туфли с серебряной пряжкой, надел белейшие чулки и темные брюки, недавно постиранный жилет поверх рубашки и подходящую треуголку вместо моей старой доброй коричневой шляпы. Можно сказать, я выглядел как джентльмен. Я был молодым, привлекательным и

полным уверенности сыном хорошо уважаемого здесь торговца. Кенуеem. У меня было хотя бы звучащее имя, и я еще взял с собой молодого разбойника по имени Альберт, которого я подкупил, чтобы он сделал для меня работенку. Не нужно иметь семь пядей во лбу, чтобы догадаться, что именно мне от него требовалось: он должен был помочь произвести впечатление на Кэролайн. Одно дельце с цветочницей - и у меня появились средства к осуществлению плана.

- Итак, ты помнишь план, - сказал я Альберту. Тот посмотрел на меня исподлобья с выражением смертной скуки на лице.

- В общем, ты должен вручить этот букет вон той прекрасной леди. А она спросит тебя: "О, молодой человек, по какому поводу вы дарите мне этот букет?" И ты махнешь рукой вон туда, - я показал, где я буду стоять, довольный, как павлин. Кэролайн либо узнает меня, либо хотя бы захочет поблагодарить своего таинственного благожелателя и прикажет Альберту пригласить меня. Вот тогда-то миссия по ее очарованию и начнется.

- А мне что с того? - спросил Альберт.

- Тебе что с того? А то, что тебе повезет, что я не дам тебе в ухо.

Он усмехнулся.

- Может, лучше ты спрыгнешь с гавани?

- Ладно, - сдавшись, сказал я, - пол-пенни.

- Пол-пенни? Ты больше ничего не можешь предложить?

- По сути, Сонни Джим, я больше ничего не могу, черт побери, предложить, и это еще самые легкие в мире пол-пенни за то, чтобы подойти к прекрасной даме и вручить ей цветы.

- Ее никто не сопровождает? - Альберт вытянул шею, чтобы посмотреть.

Скоро ты поймешь, почему Альберт заинтересовался, сопровождал ли кто Кэролайн. Но тогда я решил, что это просто любопытство. Так, просто разговор. И сказал ему, что нет, она была одна, дал ему букет и половину пенни и отправил его к ней.

То, как он старательно прятал что-то в своей руке, заинтересовало меня, и я понял, какую ошибку совершил.

Это был маленький сверкающий клинок, а взгляд Альберта был устремлен на ее руку, там, где висела сумочка на ленточке.

"О Боже," - дошло до меня тогда. Карманник. Юный Альберт был карманником.

- Ах ты мелкий ублюдок, - выдохнул я и ринулся за Альбертом сквозь порт.

К тому времени он был уже на полпути к Кэролайн. Мелкий мерзавец с легкостью проскальзывал среди толпы, в отличие от меня. Я видел Кэролайн, которая абсолютно не замечала надвигающейся опасности - которую я сам же к ней и послал.

Следующим, что я увидел, были трое мужчин, направляющихся к Кэролайн. Их я узнал: Мэттью Хэйг, его худенький писака и его телохранитель, Уилсон. Внутри у меня все сжалось. В особенности,

когда я увидел, как Уилсон быстро перевел глаза с Кэролайн на Альберта и обратно. Он был не таким уж и дураком и быстро понял, что к чему.

Я замер. В какой-то момент я был в абсолютном замешательстве и не знал, что делать дальше.

- Эй, - окликнул его Уилсон, чей грубый голос сильно выделялся среди криков и болтовни посетителей порта.

- Эй, ты!

Он ринулся вперед, но Альберт одним быстрым движением перерезал ленточку на сумочке Кэролайн и поймал ее другой рукой.

Кэролайн не заметила кражи, но не заметить нависающего над ней Уилсона было невозможно. Она вскрикнула от удивления, а Уилсон проскочил мимо и схватил Альберта за плечи.

- У этого мошенника есть кое-что, что принадлежит Вам, мисс, - прорычал Уилсон и так сильно тряхнул Альберта, что шелковый кошелек упал на землю.

Кэролайн взглянула сначала на кошелек, затем на Альберта.

- Это так? - спросила она, хотя доказательство было прямо перед ней. Ну, если точнее, доказательство валялось в куче конского навоза около них.

- Да подними же ты это! - Хэйг был тут как тут и уже вел себя так, будто это он поймал воришку, а не его двухметровый охранник.

- Уилсон, преподай-ка урок этому обрванцу, - Хэйг взмахнул рукой, будто хотел отогнать какую-то особо назойливую муху.

- С удовольствием, сэр.

Между мной и ними еще оставалось несколько метров. Уилсон схватил Альберта. Альберт отыскивал меня глазами в толпе, и его взгляд переменялся с испуганного на умоляющий.

Я сжал зубы. *Мелкий ублюдок* чуть не расстроил мои планы, а теперь умолял меня спасти его задницу. Вот ведь наглец.

Но Уилсон уже держал его за шкурку и со всей силы ударил его кулаком в живот. И тут что-то внутри меня перевернулось. То же самое ощущение несправедливости, которое я почувствовал тогда в таверне, вернулось, и в следующую секунду я пробивался через толпу на помощь Альберту.

- Эй!

Уилсон обернулся и увидел меня и, хотя он был крупнее меня и гораздо страшнее, он только что ударил ребенка у меня на глазах. И это меня взбесило. Это был не самый честный прием, но я знал - в том числе, на собственном опыте - что нет способа быстрее вырубить мужика, так что выхода особо не было. Удар коленом в пах, быстрый и точный, превратил Уилсона из притеснителя, готового набить мне морду, в хныкающего мальчишку.

Не обращая внимания на гневные вопли Мэттью Хэйга, я схватил Альберта и приказал ему извиниться перед Кэролайн.

- Простите меня, мисс, - послушно выдавил из себя Альберт.

- А теперь проваливай отсюда, - рявкнул я. Альберту не нужно было повторять дважды: через пару секунд его и след простыл, что крайне возмутило Мэттью, но я благодарил Бога за то, что крысеныш удрал и, следовательно, не мог меня сдать.

Я спас Альберта от побоев, но моя победа была недолгой. Уилсон уже поднялся на ноги и, хотя, наверно, место, куда пришелся удар, все еще дико болело, в тот момент он чувствовал только злость. Скорости ему было не занимать, и прежде, чем я успел что-либо сделать, он схватил меня. Я попытался вырваться, высвободив одну руку и ударив его кулаком в грудь, но это не принесло желаемого результата. Довольно рыча, он протащил меня к воде; люди разбежались перед ним, освобождая ему дорогу. В честном бою шансы у меня были, но Уилсон был гораздо крупнее меня. Кратковременная вспышка злости также придала ему сил, и в следующую секунду мои ноги потеряли опору, и я полетел напрямик в воду.

Ну, я всегда мечтал бороздить моря и океаны, и со звенящим смехом в ушах я схватил ближайшую веревочную лестницу и начал подниматься. Кэролайн, Роза и Хэйг с телохранителем и писакой уже ушли; я увидел, как ко мне протянулась рука помощи.

- Давай я тебе помогу, парень, - произнес голос. Я благодарно взглянул вверх, чтобы ухватиться за руку моего Самаритянина, но увидел злобно ухмыляющееся лицо Тома Кобли, смотрящего на меня через край пристани.

- Вот что бывает, когда ты разгуливаешь без пистолета, - сказал он, и ничто не могло помешать его кулаку ударить меня в лицо, и тем самым сорвать меня с веревочной лестницы и послать обратно в воду.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Том Кобли незаметно улизнул, но Уилсон не мог не вернуться. Он, наверняка убедившись, что Хэйг и Кэролайн были в порядке, поспешил назад в пристань и увидел, как я сидел на ступеньках и зализывал раны. Он подошел, и когда я взглянул на него, мое сердце ушло в пятки.

- Если пришел за продолжением, - сказал я, - то на этот раз так легко не отделаешься.

- Не сомневаюсь, - ответил он, даже не вздрогнув, - но я вернулся не для того, чтобы выбросить тебя еще раз в море, Кенуэй.

Услышав это, я впился в него взглядом.

- Знаешь, парень, у меня есть шпионы, и они подсказали мне, что молодой джентльмен по имени Эдвард Кенуэй интересовался Кэролайн Скотт. Этот же молодой джентльмен по имени Эдвард Кенуэй на той неделе подрался у таверны "Старая дубинка" на пути в Хазертон. В тот же день мисс Скотт была на той же дороге в Хазертон, потому как ее служанка сбежала, и случилось так, что ты и мисс Скотт обменялись парой фраз после той перебранки.

Он подошел так близко, что до меня донесся из его рта стухший запах кофе. Это было доказательством - если кто в таковом и нуждался - что он ни капли не боялся ни меня, ни моей грозной репутации.

- Я прав, мастер Кенуэй?

- Возможно.

Он кивнул.

- Так и думал. Сколько тебе лет, парень? Семнадцать? Почти столько же, сколько и мисс Скотт. Я полагаю, вы питаете к ней особенные чувства, я прав?

- Возможно.

- Я думаю, что прав. Итак, я скажу это только один раз и не более, но мисс Скотт обещана мистеру Хэйгу. Это союз благословлен родителями... - Он поднял меня на ноги, прижав мои руки к бокам. Я был слишком мокр, слишком испачкан, слишком изнурен, чтобы сопротивляться - я знал, что ожидало меня так или иначе.

- И если я еще раз увижу, как ты болтаешься рядом с ней, или как ты по-идиотски пытаешься привлечь ее внимание, то купанием в море дело не ограничится. Я ясно выражаюсь?

Я кивнул.

- А что насчет удара коленом в бубенцы в отместку?

Он мрачно улыбнулся.

- А, это? Это личное.

Он добросовестно сдержал слово, и прошло немало времени, прежде чем я смог подняться на ноги и добраться до своей повозки. Тогда пострадали не только причиндалы - моя гордость тоже была изрядно избита.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

В ту ночь я лежал в кровати и проклинал свою удачу. Я уничтожил свой единственный шанс с Кэролайн. Она была навсегда потеряна для меня благодаря этому жадному оборванцу Альберту, не говоря о Хэйге и компании. Я вновь пострадал от рук Тома Кобли, и отец одарил меня неодобрительным взглядом, когда я чуть позже обычного и - хоть я и переоделся - чуть более чумазый вернулся домой.

- Ты же не был опять в таверне? - спросил он мрачно. - Боже упаси, если я еще раз услышу, как ты чернишь наше доброе имя...

- Нет, отец, не был.

Он был неправ, я не зашел в таверну по пути домой. По правде говоря, я обходил пабы стороной с той драки у "Старой дубинки". Я говорил себе, что это встреча с Кэролайн так повлияла на меня. Практически буквально заставила *протрезветь*.

Теперь я уже не знал. Я стал сомневаться; возможно, мне была уготована такая жизнь - в пивной пене, около доступных женщин, у которых едва оставались зубы и еще меньше - приличия, и к тридцати годам продажи шерсти на бристольтском рынке, я уже привыкну к такому. Я забуду все надежды о том, как сильно хотел увидеть мир.

Но потом произошли два события, которые все изменили. Первое воплотилось в джентльмене, который сидел на соседнем месте в баре "Георг и Дракон", одним солнечным полуднем. Аккуратно одетый джентльмен с пышно украшенными

манжетами и цветастым галстуком снял свою шляпу, положил ее на стойку и указал на мою выпивку.

- Заказать вам еще, сэр? - спросил он меня.

Такое обращение внесло разнообразие в привычные "сынок, "паренек", "мальчишка", которые мне приходилось слышать ежедневно, если не ежечасно.

- И кого прикажете благодарить за выпивку? И что он может захотеть в обмен? - осторожно спросил я.

- К примеру, возможность поговорить, друг, - просиял от улыбки мужчина. Он протянул руку для рукопожатия. - Меня зовут Дилан Уоллэс, рад нашему знакомству, мистер... Кенуэй, не так ли?"

Уже второй раз за последние несколько дней я знакомился с человеком, который знал, как меня звали, но мне и в голову прийти не могло, откуда.

- Ах, да, - сказал он, улыбаясь, ("Он хотя бы дружелюбнее Уилсона", - заметил я про себя) - Мне знакомо ваше имя, Эдвард Кенуэй. У вас та еще репутация в округе. Более того, я видел вас в деле.

- Да ну? - спросил я, сузив глаза.

- Да, безусловно, - сказал он. - Люди, с которыми мне довелось общаться, говорят, что вам не в диковинку драться, тем более вы не могли забыть вашей драки у "Старой дубинки".

- Не думаю, что мне позволят забыть ее, - вздохнул я.

- Я вот что вам скажу - и скажу напрямик, потому как вы похожи на молодого человека, у которого есть нрав, и который потому не поддастся моим

убеждениями, какими бы они не были. Вы когда-нибудь хотели выйти в море?

- Раз уж вы заговорили об этом, мистер Уоллэс, однажды я думал покинуть Бристоль и оказаться на корабле, вы правы.

- И что же вас останавливает?

Я покачал головой.

- *Хороший* вопрос.

- Вы знаете, кто такие каперы, мистер Кенуэй, сэр?

Я не успел ответить, как он это сделал за меня.

- Это буканьеры, которым Корона выдала каперские свидетельства. Понимаете, испанцы и португальцы собирают сокровища Нового Света, заполняя свою казну, и каперы или останавливают их, или захватывают их добычу. Вы понимаете?

- Я знаю, кто такие каперы, но все равно спасибо, мистер Уоллэс. Я знаю, что тебя не осудят за пиратство, если только не нападешь на корабли своего государства, так?

- Да, это так, мистер Кенуэй, сэр, - улыбнулся Дилян Уоллэс. - Как бы вы назвали ситуацию, если бы я потянулся за стойку за кружкой эля? Это была бы кража, так? Бармен может попытаться остановить меня, но что если бы я был освобожден от наказания? Что если бы у меня была печать одобрения? Вот о чем я говорю, мистер Кенуэй. Я говорю о возможности выбраться в открытое море и набрать столько золота и сокровищ, сколько найдется места на корабле вашего капитана. Тем самым вы не только будете работать с одобрения Ее Величества Королевы Анны, но и

помогать ей. Вы же наверняка наслышаны о капитане Кристофере Ньюпорте, о Фрэнсисе Дрейке, об адмирале Сэре Генри Моргане? Все они - каперы. И почему бы не внести в этот громкий список имя Эдварда Кенуэя?

- К чему вы клоните?

- К тому, чтобы вы стали капером, сэр.

Я изучающе взглянул на него.

- Допустим, я обещаю подумать об этом, вам-то что с этого?

- Проценты, конечно же.

- А разве обычно вы не силой втягиваете людей в это?

- Не вашего калибра, мистер Кенуэй. Не тех, из кого могут получиться офицеры.

- Только потому, что я устроил многообещающую драку?

- Потому, как вы показали себя в этой драке, мистер Кенуэй, во всех смыслах.

Я кивнул.

- Если я пообещаю подумать об этом, то не надо же будет угощать вас элем в ответ?

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Когда я лег спать той ночью, я знал, что мне предстояло сказать отцу, что моя судьба лежала не в овцеводстве, а в безрассудном приключении в роли капера.

Он расстроится, само собой, но, наверное, и вздохнет с облегчением. Да, с одной стороны, я помогал, принося пользу семье своими отточенными навыками торговли. Но с другой стороны, я пил, дрался и, конечно, охладил отношения с Кобли.

Вскоре после того, как мы обнаружили две овечьи туши в переднем дворе, случился еще один инцидент, когда мы, проснувшись, обнаружили, что кто-то выпустил ночью скот. Отец решил, что заграждение было намеренно подпилено. Я не рассказал ему, что случилось на причале, но было и без того ясно, что Том Кобли все еще точил зуб, и навряд ли это изменится в скором времени.

Я навлек эту беду на голову отца, и, может, если бы я ушел, то месть была бы прекращена.

И, когда я отправился на боковую тем вечером, в моей голове были только мысли о том, как преподнести отцу эту новость. И как мой отец преподнесет ее моей матери.

Но потом я услышал звук со стороны окна. Стук.

Я выглянул не без тревоги. Чего я ожидал увидеть? Я не был уверен, но воспоминания о Кобли были все еще свежи. Но там оказалась Кэролайн Скотт, сидевшая на своей лошади в бледном лунном свете двора, будто сам Бог озарял фонарем ее красоту.

Она была одета словно для урока верховой езды. Ее одежды были темны. На ней были высокая шляпа, белая блузка и черный камзол. Одно рукой она держала поводья, а вторая была приподнята, готовая бросить вторую пригоршню гравия в мое окно.

Я сам делал точно так же, когда хотел привлечь внимание девушки, и помню, как боялся поднять на уши весь дом. И поэтому когда я бросал камни в оконную створку, я сам безопасности ради стоял за каменной стеной. Но не Кэролайн. В этом и была разница между нашими положениями в обществе. Ее не пугало, что ее могут погнать с чужой собственности сапогом в спину и громкой пощечиной. Она была Кэролайн Скотт из Хокинс-лейн в Бристоле. За ней ухаживал сын человека со знатной должностью в Ост-Индской Компании. Тайная встреча или нет - а я не сомневался, что она была таковой - прятки за стеной были не для нее.

- Ну... - прошептала она. Я видел, как блики в ее глазах плясали в лунном свете. - Ты хочешь, чтобы я здесь простояла всю ночь?

Нет. Миг спустя я был уже во дворе рядом с ней и, взяв поводья, уводил ее с земли, пока мы беседовали.

- То, что ты сделал тогда, - сказала она. - Ты подверг себя опасности, чтобы защитить того юного воришку.

(Да, да, знаю, о чем ты думаешь. Да, мне было немного стыдно)

(Но не сильно.)

- Я ненавижу никого сильнее, чем обидчиков, мисс Скотт, - сказал я, что хотя бы было правдой.

- Я так и поняла. Я уже второй раз впечатлена вашей отвагой.

- Тогда вы мне дважды оказали честь своим присутствием.

- Вы интересуете меня, мистер Кенуэй, и ваша заинтересованность во мне не осталась незамеченной.

Я молчал некоторое время. И хотя никто не сказал ни слова, у тишины было значение, будто мы осознавали свои чувства друг к другу. Я ощущал близость ее сапога для верховой езды. Мне казалось, помимо лошадиного тепла и запаха, я мог услышать аромат пудры на ней. Никогда прежде я не ощущал так отчетливо присутствие другого человека, ее близость.

- Я так полагаю, что вам уже сказали, что я помолвлена с другим, - сказала она.

Мы остановились посреди тропинки. По обе стороны от нас стояли стены, за которыми простирались зеленые пастбища с белыми скоплениями овец. Воздух был теплым и сухим, и даже деревья на горизонте молчали. Откуда-то донесся крик животного, из-за потерянной любви или нанесенной раны, но явно дикого животного, и внезапный шорох в кустах испугал нас. Мы почувствовали себя чужаками, неприглашенными гостями во владениях природы.

- Я не думаю, что...

- Мистер Кенуэй...

- Вы можете называть меня Эдвард, мисс Скотт.

- В таком случае, вы можете дальше называть меня Мисс Скотт.

- Правда?

- Ну ладно, называйте меня Кэролайн.

- Спасибо, мисс Скотт.

Она искоса взглянула на меня, проверяя дразнил я ее или нет.

- Так вот, Эдвард, - продолжила она, - я прекрасно знаю, что ты спрашивал обо мне, и хотя я не совру, если скажу, что не знаю, что именно тебе сказали, я, думаю, суть мне известна. Тебе сообщили, что Кэролайн Скотт помолвлена с Мэттью Хэйгом, что Мэттью Хэйг засыпает ее стихами о любви, что этот союз благословлен не только отцом Кэролайн Скотт, в чем сомневаться не стоит, но еще и отцом Мэттью Хэйга.

Я признал, что она угадала.

- Возможно, исходя из наших коротких встреч, ты догадываешься, что я думаю об этой договоренности?

- Я бы так не сказал.

- Тогда позволь мне объяснить. Меня воротит от мысли о свадьбе с Мэттью Хэйгом. Думаешь, мне хочется прожить свою жизнь в доме Хэйгов? Обихаживать мужа, как короля, закрывать глаза на его любовные интрижки, следить за хозяйством, орать на прислугу, выбирать цветы и салфеточки, наносить визиты, принимать чай, обмениваться сплетнями с другими женами?

- Думаешь, мне хочется глубоко спрятаться под одержимостью манерами и зарыться за мелочными заботами об этикете так, чтобы я больше не могла найти себя? Сейчас я живу в двух мирах, Эдвард, я вижу их. И мир, который я вижу, когда посещаю пристань, - он для меня настоящий, Эдвард. Он живой.

Что касается Мэттью, то он противен мне столько же, сколько его стихи.

- Не думай, что я - девица в беде, потому что это не так. Я пришла не за твоей помощью. Я пришла, чтобы помочь себе.

- Ты пришла ко *мне*, чтобы помочь себе?

- Если тебе так угодно. Следующий шаг за тобой, и если ты сделаешь его, то знай, что любое отношение между нами не будет иметь благословения отца, но зато будет иметь мое.

- Ты, конечно, прости, но меня беспокоит не столько твой отец, сколько его пистолет.

- Тебя отталкивает перспектива сделать Хэйгов своими врагами, да?

В тот момент я уже прекрасно знал, что меня ничто не могло оттолкнуть.

- Нет, Кэролайн, не отталкивает.

- Я рада.

Мы расстались, обусловившись о новой встрече, и после этого наши отношения приняли серьезный оборот. Мы смогли сохранить их в тайне. В течение нескольких месяцев, если быть точным. Наши встречи проводились скрытно, мы урывками вылавливали мгновения для прогулок по тропе между Бристолем и Хазертоном и катанию верхом по пастбищам.

Но вот в один день она сказала, что Мэттью Хэйг собирается просить ее руки следующим утром, и мое сердце зашлось от страха.

Я был решительно настроен не потерять ее. Потому что из-за моей любви к ней, из-за того, что я ни

о чем, кроме нее, не мог думать, из-за того, что когда мы бывали вместе я жадно ловил каждый миг; каждое слово, каждый жест Кэролайн были даром небес для меня - каждый изгиб и контур, ее аромат, ее смех, ее утонченные манеры, ее ум.

Я думал обо всем этом, и опустился на одно колено и взял ее за руку, потому что то, что она мне сказала, могло быть не приглашением, а прощанием, и если это было так, то хотя бы эта унижительная картина, доступная лишь птицам на деревьях да коровам, стоявшим на поле и наблюдавшим за нами сонными глазами с травой во рту, не станет общественным достоянием.

- Кэролайн, ты выйдешь за меня? - спросил я.

Я затаил дыхание. Во время наших встреч и украденных поцелуев, что мы разделили, меня преследовал страх, что не стоило верить в свое счастье. Что все это было огромной шуткой, разыгранной надо мной, я был почти готов увидеть Тома Кобли, выпрыгивающего из теней и хрюкающего со смеху. И даже если не так, - даже если это не было жестокой проделкой из мести, - то я мог быть всего лишь забавой для Кэролайн, последней прихотью перед тем, как приступить к исполнению своего истинного долга. Конечно, она скажет нет.

- О, Эдвард, - улыбнулась она, - я боялась, что ты никогда не согласишься.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Однако я все еще не мог свыкнуться с этой мыслью. На следующий день я отправился в город, моя дорога лежала в Хокинс-лейн. Я знал лишь то, что Мэттью Хэйг намеревался нанести Кэролайн визит с утра. Поэтому, когда я свернул с главной дороги и оказался у ряда домов, среди которых был и ее, мне пришло в голову, что он уже мог быть внутри и делать ей предложение.

Если я в чем-то и не сомневался насчет Кэролайн, так это в том, что она была отважной женщиной, возможно даже, храбрейшей из всех, что мне довелось встретить. Но она вот-вот собиралась упустить возможность прожить всю свою жизнь в роскоши и богатстве, и, что хуже, своим решением она опозорит отца и мать. Я сам прекрасно знал, как искушало и одновременно угнетало желание оправдать ожидания родителей. Что было невыносимее: сожаление или угрызения совести?

Если я буду рядом, Кэролайн примет решение легче, ведь она - в чем я не сомневался - любила меня. Но что, если ночью к ней закралось дурное предчувствие, а вместе с ним и сомнение? Возможно, к утру она передумала и сейчас, прямо сейчас, стояла, покрывшись румянцем, и соглашалась выйти замуж за Мэттью Хэйга, сочиняя про себя мне письмо.

"Если это и правда так", - подумал я, - "то всегда есть Дилан Уоллэс".

Но потом краем глаза я заметил, как открылась передняя дверь, и показался Уилсон, за которым последовал тот самый писака, и завершали процессию

Мэттью Хэйг с Кэролайн под ручку; Роза, держась поблизости, отправилась на прогулку с ними.

Оставаясь поодаль, я проследил за ними вплоть до пристани, все пытаюсь угадать, что же он задумал. Не на пристани же он станет делать ей предложение? Не на грязной, вонючей гавани, пропахшей навозом, жженной смолой, вот-вот пойманной рыбой и моряками, которые провели месяцы в открытом море без какого-либо подобия купанию.

Они, казалось, шли к шхуне, пришвартованной к доку, на котором стояло несколько мужчин. Покрывало, протянутое с конца судна, спрятало его имя, но по мере их приближения к нему, до меня вдруг начало доходить. Я, кажется, понял задумку Мэттью.

Конечно же, он привел их к шхуне, и я заметил, как Кэролайн, вероятно, тоже догадавшись о цели их визита, переводила беспокойный взгляд с Хэйга на судно.

Затем Хэйг присел на колени, и экипаж шхуны, Уилсон и секретарь, спрятали руки за спины, готовясь к бурным аплодисментам. Он наконец задал свой вопрос:

- Моя дорогая, окажешь ли ты мне честь стать моей женой?

Кэролайн, сглотнув, запнулась:

- Мэттью, это обязательно делать здесь?

Он одарил ее снисходительным взглядом и широким жестом приказал людям снять с хвостовой части шхуны покрывало. Там, на золотистой пластине, было выгравировано имя судна: КЭРОЛАЙН.

- Разве здесь не лучшее место, моя дорогая?

Если бы не серьезность ситуации, я бы немного полюбовался на растерянную Кэролайн, которая не могла подобрать слов. Обычно она была уверена в себе. Сомнение и практически паника, отразившиеся в ее глазах, были ей непривычны. И я видел ее такой впервые.

- Мэттью, должна признать, ты смущаешь меня.

- Моя дорогая, дорогая Кэролайн, мой бесценный цветок... - Он сделал едва заметный жест своему секретарю, который тут же заметался в поисках пера, чтобы записать поэтичные слова своего хозяина.

- Но как иначе мне было преподнести свадебный подарок? Итак, я должен услышать твой ответ. Пожалуйста, при всех этих людях...

Оглядевшись, я заметил, что гавань и впрямь замерла в ожидании слов Кэролайн, и ответила она...

- Нет, Мэттью.

Хэйг встал так резко, что его секретарь попятился назад и едва не споткнулся. Лицо Хэйга помрачнело, и губы сжались так, словно он едва сдерживал пыл и изо всех сил натягивал улыбку.

- Это, что, одна из твоих шуточек?

- Боюсь, что нет, Мэттью. Я помолвлена с другим.

Хэйг выпрямился в полный рост, словно чтобы припугнуть Кэролайн. Я стоял было в толпе, но увидев это, я почувствовал, как во мне закипела кровь, и направился к ним

- С другим, - прохрипел он. - И кто же этот "другой"?

- Я, сэр, - громко ответил я, пробившись сквозь передние ряды и представ перед ним.

Он сузил глаза.

- Ты, - процедил он.

Уилсон, стоявший позади Хэйга, направился было ко мне, сверля полными злобы глазами, за то, что я пренебрег его угрозами. И как тем самым стал причиной его провала.

Хэйг остановил его жестом руки.

- Нет, Уилсон, - сказал он и многозначительно добавил, - не здесь. Не сейчас. Я уверен, что моя сударыня благоволит передумать.

Возгласы удивления вместе с совсем не тихими смешками рябью прокатились по толпе.

- Нет, Мэттью, мы с Эдвардом поженимся, - произнесла Кэролайн, и вновь послышался хохот.

Хэйг склонился над ней.

- Твой отец знает об этом?

- Еще нет, - ответила она и добавила, - но скоро, видимо, узнает.

Какое-то время Хэйг просто стоял, сотрясаясь от гнева, и это был первый - и, как впоследствии выяснится, не последний - раз, когда мне стало его жаль. В следующий миг он уже лаял на зевак, гоняя их работать дальше, затем наорал на экипаж шхуны, чтобы они снова накрыли шхуну покрывалом, и позвал Уилсона и писаку за собой покинуть пристань, подчеркнуто развернувшись спиной к Кэролайн и впившись в меня ненавидящим взглядом перед тем,

как уйти. Уилсон стоял позади него. Он поймал мой взгляд, и провел пальцем по горлу.

Наверное, не стоило так поступать - Уилсон был не из того рода людей, которых можно было дразнить, но я нахально подмигнул в ответ.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Так Бристоль и узнал, что Эдвард Кенуэй, фермер с заработком всего в семьдесят пять фунтов в год, женится на Кэролайн Скотт.

Скандал был тот еще. То, что Кэролайн Скотт вышла за кого-то, ниже ее по статусу, уже было достаточной пищей для сплетен. Но то, что в процессе она отвергла Мэттью Хэйга, подняло настоящую суматоху, и все это, наверное, в итоге пришлось нам на руку, потому как пока я морально готовился к отмщению, высматривая Уилсона за каждым углом и тревожно выглядывая каждое утро во двор, все было спокойно. Я не видел Уилсона, я ничего не слышал о Мэттью Хэйге

В конечном счете, наш брак под угрозу поставили не Кобли, не Эмметт Скотт, не Мэттью Хэйг или Уилсон. Наш брак под угрозу поставил я.

У меня было полно времени, чтобы понять, почему. Дело было в том, что я все вспоминал встречу с Диланом Уоллэсом и его обещания о богатствах Вест-Индии. Я хотел отправиться туда и вернуться к Кэролайн богачом. Со временем мне стало казаться, что по-другому стать достойным ее не получится. Конечно же, ты можешь сказать, что сделав Кэройлайн Скотт своей женой, украв ее из-под носа Мэттью Хэйга, я мгновенно прославился и *поднялся* в глазах людей, но вскоре наступило что-то типа... если честно, не могу назвать это никак иначе, как *застоем*.

Эмметт Скотт нанес свой сокрушительный удар на свадьбе. Мы, наверное, должны были быть благодарны, что он и мать Кэролайн соблаговолили

прийти, но если, честно, благодарить за это мне никого не хотелось, и я бы вообще предпочел, чтобы их там не было. Меня угнетало, как мой отец, с шапкой в руках кланялся и трясся перед Эмметтом Скоттом, которого едва ли можно было назвать благородного происхождения; в конце концов, он был всего лишь торговцем, и отличала его от нас не голубая кровь, а лишь сумма денег.

Но я радовался за Кэролайн. Не то, чтобы они одобрили наш брак - как раз напротив - но, по крайней мере, они не собирались отказываться от дочери за это.

Краем уха я услышал, как ее мать сказала: "Мы просто хотим, чтобы ты была счастлива", и понял, что эти слова предназначались для меня. Эметт Скотт не

Копирование материала без указания переводчиков и источника запрещено

разделял такого мнения. У него был взгляд человека, которому отказали в возможности вскарабкаться невообразимо выше по социальной лестнице, человека, чьи мечты о безграничном влиянии стерли в пыль. Он явился на свадьбу из милости или, возможно, чтобы потешить себя, сделав заявление в церковном дворе после того, как мы произнесли клятвы.

У Эмметта Скотта были зачесанные назад черные волосы, темные впалые щеки и рот, на тот момент сжатый до размера кошачьего ануса. На лице его, по сути, воцарилось выражение человека, жевавшего большой кусок лимонной мякоти.

И только в этот раз за всю церемонию его губы растянулись в тонкой улыбке, когда он сказал:

- Приданного не будет.

Его супруга, мать Кэролайн, крепко зажмурила глаза, словно она опасалась этого момента и надеялась, что он не наступит. Полагаю, они говорили об этом, но последнее слово осталось за Эметтом Скоттом.

Мы поселились в надворной постройке на ферме отца. Мы обжили ее как могли, но она так и осталась надворной: спресованная глина и палки для стен не исправили ситуации, и соломенная крыша сильно нуждалась в ремонте.

Наш союз начался летом, когда дом был прохладным прибежищем от беспощадно жаркого солнца, но зимой, во время ветров и дождей, его можно было назвать как угодно, но не прибежищем. Для Кэролайн были привычны кирпичный городской дом и бристольский образ жизни, слуги в придачу, которые стирали и готовили за нее, удовлетворяли каждый ее

каприз. Здесь она не была богата. Она была бедной, и ее муж был бедным. Без всяких надежд на будущее.

Я снова зачастил в трактирах, но теперь я был другим человеком, не веселым шумным подвыпившим шутником, каким был до женитьбы. Когда я сидел там, повернувшись спиной ко всем и задумчиво склонившись над элем, я чувствовал на своих плечах тяжесть всего мира. Казалось, что все вокруг говорили обо мне: "Это Эдвард Кенуэй, который не может обеспечить жену".

Конечно, я сказал Кэролайн, что хочу пойти в каперы. И хотя она не сказала "нет" - она была моей женой, в конце концов, - она и не сказала "да", и в ее глазах читались сомнение и беспокойство.

- Я не хочу бросать тебя, но я могу, уплыв отсюда бедняком, вернуться богачом, - сказал я ей.

Обстоятельства сложились так, что если я уплывал, то без благословения Кэролайн и оставив её одну в фермерской хижине. Её отец скажет, что я её бросил, а её мать возненавидит меня за то, что я сделал Кэролайн несчастной.

Выигрыша не было.

- Это опасно? - спросила она однажды ночью, когда я завел речь о каперстве.

- За это бы не платили столько, если бы оно не было опасно, - ответил я, и, конечно, она нехотя согласилась отпустить меня. Она же была моей женой, какой у нее был выбор? Но я не хотел оставлять ее с разбитым сердцем.

* * *

Копирование материала без указания переводчиков и источника запрещено

Одним утром я очнулся из пьяного оцепенения, щурясь от солнечных лучей, и увидел, что Кэролайн уже была одета на день грядущий.

- Я не хочу, чтобы ты уходил, - сказала она и, развернувшись, покинула комнату.

* * *

Как-то ночью я сидел в "Синем вареве". Хотелось бы сказать, что сидел не как обычно, отвернувшись от всех и ссутулившись над пивной кружкой, что хлестал эль огромными глотками, погруженный в мрачные мысли, и смотрел, как напиток становилось все меньше. В который раз смотрел, как напиток становилось все меньше.

Но, увы, печальный факт состоял в том, что я сидел *вполне* себе как обычно. Тот юноша, тот сорванец с колкостью и улыбкой всегда наготове, исчез. На его месте появился другой юноша, но обремененный заботами всего света.

Кэролайн на ферме помогала матери, которая вначале пришла в ужас от одной этой мысли и сказала, что Кэролайн была слишком благородна, чтобы работать. Кэролайн в ответ лишь посмеялась и настояла на своем предложении. Поначалу я чувствовал гордость, когда видел, как она ходила в белоснежном чепчике, рабочих сапогах, свободной рубаше и переднике по тому же двору, на который она впервые явилась верхом на лошади. Но ее рабочие

одежды вскоре стали напоминанием о том, что я не удался как мужчина.

Кэролайн, казалось, была совсем не против такой жизни, и от этого становилось только хуже. Она была словно единственной, кто не заметил, что ее текущее положение было социально ниже на несколько ступеней. Это заметили все остальные, и никто не прочувствовал это так сильно, как я.

- Еще эля?

Я узнал голос, послышавшийся из-за спины, и обернулся. То был Эммет Скотт, отец Кэролайн собственной персоной. В последний раз мы виделись на свадьбе, когда он отказал своей дочери в приданном. И вот он стоял здесь и предлагал выпивку своему ненавистному зятю. Впрочем, у выпивки есть такое свойство. Когда ты пристрастился к ней, как я, когда следишь за тем, как осушается кружка, и гадаешь, откуда же ты добудешь следующую, ты принимаешь угощение от кого угодно. Даже от Эмметта Скотта. Твоего заклятого врага. От человека, который ненавидел тебя почти так же сильно, как ты его.

И я принял его угощение. Он взял две кружки (вторую - для себя), пододвинул стул, расцарапав плитняк, и сел.

Ты же помнишь выражение лица Эмметта Скотта? То самое, с лимоном во рту? Так вот, стоит сказать, что там, когда он заговорил со мной, презируемым Эдвардом Кенуеем, он выглядел еще более страдальчески. Я чувствовал себя в таверне, как рыба в воде, но он сидел в постоянном напряжении.

Периодически он поглядывал за одно плечо, потом за второе, словно боялся, что на него нападут сзади.

- Кажется, у нас не было возможности поговорить,
- сказал он.

Я саркастично усмехнулся в ответ.

- Ваша выходка на свадьбе внесла свою лепту, не думаете?

Конечно, выпивка развязала мой язык и придала храбрости. Но немаловажную роль сыграло и то, что я выиграл в борьбе за его дочь. В конце концов, ее сердце принадлежало мне, и не нужно было доказательства более весомого, чем ее решимость отказаться от столь многого, чтобы понять, что она была предана именно мне. Даже он это понимал.

- Мы оба светские люди, Эдвард, - произнес он, и было очевидно, что он пытался взять ситуацию под контроль. Но я видел его насквозь, я видел, каким он был в действительности: трусливым омерзительным человеком, который добивался сделок, нагоняя страх на партнеров, который, возможно, избивал своих слуг и жену, который полагал, что люди вроде меня должны были кланяться и трепетать перед ним, как моя мать и отец на свадьбе (и одно только это воспоминание приводило меня в бешенство).

- Может, поговорим, как дельцы?

Я сделал долгий глоток эля, не сводя с него взгляда.

- Что вы предлагаете, дорогой тесть?

Его лицо посуровело.

- Ты бросишь ее. Прогонишь. Делай, что хочешь. Ты освободишь ее. Отправишь назад ко мне.

- И если я так и поступлю?

- Я озолочу тебя.

Я осушил кружку пива. Он кивком указал на нее, задав вопрос одним лишь взглядом. Я согласился. проследил, как мне налили еще, затем выпил эль до дна, почти в один присест. Комната начала кружиться.

- Вы же знаете, что сделать со своим предложением?

- Эдвард, - произнес он, подавшись вперед, - мы оба знаем, что ты не сможешь обеспечить мою дочь. Мы оба знаем, что ты сидишь здесь из *отчаяния*, потому что ты не сможешь обеспечить мою дочь. Ты любишь ее, я знаю, потому что и я когда-то был таким же бесполезным, как ты.

Я взглянул на него и стиснул зубы.

- Бесполезным?

- Это же очевидно, - процедил он, сев на место. - Ты - овцевод, мальчишка.

- Куда делось "Эдвард"? Я думал, вы говорили со мной на равных.

- На равных? День, когда ты будешь ровней мне, никогда не наступит, и мы оба это знаем.

- Вы ошибаетесь. У меня есть планы.

- Слышал я о твоих планах. Каперство. Стать состоятельным в открытом море. У тебя не получится, Эдвард Кенуей.

- Получится.

- Ты морально не устойчив. Я же предлагаю тебе путь из той ямы, что ты сам себе вырыл, мальчишка. Хорошенько подумай об этом.

Я выдул очередную кружку эля.

- Может, еще одна порция эля убедит меня?

- Как пожелаешь.

Передо мной на столе возникла еще одна полная кружка, и мысли в моей голове заплясали с новым жаром. Он был прав. Во всем этом разговоре самым ужасным было то, что Эмметт Скотт был прав. Я любил Кэролайн, но я не мог ее обеспечить, и если я был воистину послушным долгу мужем, я должен был согласиться на его предложение.

- Она не хочет, чтобы я уходил, - сказал я.

- А ты хочешь уйти?

- Я хочу, чтобы она одобрила мои планы.

- Она никогда не одобрит.

- Мне остается только надеяться.

- Если она действительно любит тебя, как говорит, то никогда не одобрит.

Даже пьяный я не мог не согласиться с ним. Я знал, что он был прав. Он знал, что он был прав.

- Ты сделал себе врагов, Эдвард Кенуэй. Много врагов. Кое-кто из них довольно влиятелен. Как ты думаешь, почему они тебе еще не отомстили?

- Боятся? - спросил я не без хмельной бравады в голосе.

Он усмехнулся.

- Конечно, они не боятся. Они оставили тебя в покое из-за Кэролайн.

- Значит, если я приму выше предложение, моих врагов больше ничего не сдержит?

- Кроме моей защиты.

В этом я сомневался.

Я отхлебнул еще эля. Эмметт Скотт топил меня глубже и глубже в уныние. Он досидел там до глубокой ночи, напоминая мне одним своим присутствием, как ничтожны были мои варианты.

Когда я встал, чтобы уйти, мои ноги отказались держать меня, и мне пришлось опереться на стол, чтобы хотя бы не свалиться. Отец Кэролайн с отвращением на лице подошел, чтобы помочь мне, и не успел я опомниться, как он уже тащил меня домой. Разумеется, не потому что хотел убедиться, что со мной все будет в порядке, а потому что хотел показать Кэролайн ее пьянчугу-мужа, и ему это удалось, когда я, безудержно смеясь, вскарабкался внутрь. Эмметт Скотт весь раздулся и сказал:

- Это - пропащий пьяница, Кэролайн. Он столько же непригоден для жизни на суше, сколько и на море. Если он отправится в Вест-Индию, пострадаешь только ты.

- Отец... отец...

Она совсем расплакалась, и стоило мне завалиться на постель, как я понял по одним лишь его сапогам, сдвинувшимся с места, что он ушел.

- Этот скряга, - еле выговорил я, - он ошибается во мне.

- Надеюсь, - ответила она.

Я позволил хмелю охватить мое воображение.

- Ты же веришь в меня? Неужели ты не видишь, как я стою на палубе корабля, который заходит в порт? Я, разбогатевший... и тысячи дублонов вываливаются у меня дождем из кармана. Я это вижу.

Когда я взглянул на нее, она мотнула головой. Она - не могла увидеть.

На следующее утро, протрезвев, не мог уже и я.

Наверное, это был лишь вопрос времени. Отсутствие надежд на будущее словно стало третьим человеком в нашей семье. У меня было два варианта: взять деньги Эмметта Скотта и вернуть ему дочь или воплотить мечты об открытом море.

Сердце Кэролайн разбивалось в обоих случаях.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

На следующий день я вернулся в Хокинс-лейн, чтобы вновь увидеться с Эмметом Скоттом. Когда я постучал в дверь, мне открыла никто иная как Роза.

- Мастер Кэнуэй, - удивленно поздоровалась она, слегка краснея. После нескольких секунд неловкого молчания меня попросили подождать, и вскоре я уже направлялся к кабинету Эммета Скотта. Первым, что бросилось в глаза при входе в комнату, был стол, расположенный в центре, панельная отделка которого придавала ему мрачную, серьезную атмосферу. Когда я вошел, мистер Скотт стоял перед этим столом, и в тени комнаты он, с темными волосами, бледный, как мертвец, и с темными и впалыми щеками, был похож на ворона.

- Полагаю, ты обдумал мое предложение? - спросил он.

- Да, - ответил я, - и посчитал своей обязанностью как можно быстрее сообщить вам о моем решении.

Он скрестил руки, и на его лице засияла победная улыбка.

- Значит, вы пришли требовать? И сколько же стоит моя дочь?

- Сколько вы *были* готовы отдать за нее?

- Был?

Теперь уже улыбался я, хоть я и старался не переборщить. Эммет Скотт был опасен. Я играл в опасную игру с опасным человеком.

- Верно. Я отправляюсь в Вест-Индию.

Я знал, где найти Дилана Уоллэса. Я сообщил новости Кэролайн.

- Понятно.

Он, казалось, задумался и стал барабанить пальцами друг о друга.

- Но уплываешь ты не навсегда.

- Нет.

- Мои условия были иными.

- Согласен, иными, – ответил я. – Вообще-то, у меня встречное предложение. И надеюсь, вы отнесетесь к нему благосклонно. Я из рода Кэнуэй, мистер Скотт, у меня есть гордость. Надеюсь, это вы понимаете. И понимаете, что, как бы вам это ни претило, я люблю вашу дочь и желаю ей самого лучшего. Я хочу вернуться богатым человеком и нажитым состоянием обеспечить Кэролайн ту жизнь, которую она заслуживает. Жизнь, которую, я уверен, вы ей желаете.

Он кивал, хотя складки его губ выдавали его полнейшее презрение к тому, что я сказал.

- И?

- Клянусь, что я не ступлю на эту землю, пока не разбогатею.

- Понятно.

- И даю слово, что не скажу Кэролайн ни слова о том, что вы пытались ее выкупить.

Он помрачнел.

- Понятно.

- Я только прошу дать мне возможность сделать состояние, чтобы обеспечить Кэролайн такую жизнь, к которой она привыкла.

- Но ты останешься ее мужем. Я так не согласен.

- Вы считаете меня никчемным, не годным ей в мужа. Я надеюсь доказать, что вы ошибаетесь. Пока меня не будет, вы, без сомнения, чаще будете видеть Кэролайн. Возможно, ваша ненависть ко мне так сильна, что вы используете эту возможность и своим ядом настроите её против меня. Более того, я могу умереть в море, и тогда она вернется к вам насовсем молодой вдовой, все еще женщиной на выданье. Таковы мои условия. Взамен, я прошу вас не мешать мне, дать мне возможность стать кем-то.

Он кивнул, обдумывая сказанное, возможно, лелея надежду о том, что я все-таки умру в море.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Дилан Уоллэс определил меня в команду судна "Император", пришвартованного в порту Бристоля и готового отправиться в путь через два дня. Я вернулся домой и сообщил об этом отцу, матери и Кэролайн.

Меня встретили слезами, упреками и мольбой остаться, но я был настроен решительно. Когда я сказал ей об этом, она была безутешна. Сказала, что ей нужно время, чтобы подумать об этом, и убежала домой, к семье, передать новость Эммету Скотту, который узнает о том, что я был верен своему слову. Я мог лишь надеяться, что он поступит так же.

Сейчас я рассказываю тебе это все, столько лет спустя... но я должен сказать, что не знаю, выполнил ли он свою часть уговора. Но я узнаю. Узнаю - и скоро, и тогда настанет день расплаты...

Но это сейчас. А тогда я был лишь молодым, глупым, заносчивым хвастуном. Я был хвастлив настолько, что сразу же после того, как Кэролайн ушла, я направился напрямик в таверну - возможно, повеселев - и растрепал всем, кому мог, что мистер и миссис Кэнуэй скоро разбогатеют благодаря моим морским дерзаниям. Боже, как же я хвастался этим. Я упивался их возражениями. "Ты слишком много на себя берешь", "Да у тебя не хватит силы воли", "Держу пари, ты скоро вернешься, поджав хвост", "Ты расстраиваешь своего отца".

Но я лишь продолжал ухмыляться: "Посмотрим".

Но даже будучи пьяным и готовым отчалить через денек-другой - или *из-за* этого, я не уверен - я воспринял их слова близко к сердцу. Я спрашивал себя,

хватит ли у меня характера, чтобы выжить в качестве капера? Вернусь ли я, поджав хвост?

О том, что я мог умереть, я предпочитал не задумываться.

К тому же, они были правы. Я подвел своего отца. Я видел разочарование в его глазах, когда я принес ему эту весть, и это разочарование не покидало его. Его мечты о том, как мы будем вместе вести дела на ферме, были окончательно и бесповоротно разрушены, и это опечалило его. Я не просто отправлялся в погоню за новой жизнью. Я отверг старую жизнь, которую он запланировал для себя, меня и мамы. Решил, что я был слишком хорош для такого.

Наверно, я никогда не думал, как скажется мой отъезд на отношениях Кэролайн с моими родителями. Это сейчас я понимаю, что глупо было надеяться, что она просто останется на ферме.

Однажды я вернулся домой и увидел, как она прихорашивается.

- Куда ты сбрлась? - выговорил я с заплетающимся языком - последствия очередного вечера в таверне.

Она старательно избегала моего взгляда. У ее ног я заметил простыню, свернутую в мешок, резко контрастирующий с ее одеянием. Когда я наконец сумел сфокусировать на ней взгляд, я понял, что она была одета куда лучше обычного.

- Я... - она наконец сумела поднять на меня глаза. - Родители попросили меня приехать и пожить с ними. И я бы очень хотела навестить их.

- Что значит "пожить с ними"? Ты живешь здесь. Со мной.

Она сказала мне, что я не должен был бросать работу на ферме. Платили неплохо, и меня это должно было устраивать.

Я должен был быть счастлив с ней.

Пытаясь совладать с опьянением, я сказал ей, что *был* счастлив с ней. Что все, что я делал, было лишь для нее. Она поговорила с родителями, пока меня не было, это было очевидно. Я, конечно, ожидал, что ее отец начнет настраивать ее против меня, но я не ожидал, что этот ублюдок начнет это делать настолько скоро.

- Неплохо платят? - вскинулся я. - Да это самый настоящий грабеж. Ты хочешь всю жизнь быть замужем за простолудином?

Я говорил слишком громко. Кэролайн одарила меня недобрый взглядом, и внутри меня все съежилось от одной мысли о том, что отец мог нас слышать. И затем она ушла, а я все звал ее, тщетно пытаясь убедить ее остаться.

На следующее утро, когда я протрезвел и вспомнил все, что произошло предыдущим вечером, отец и мать были погружены в раздумья, то и дело бросая на меня обвиняющие взгляды. Они любили - да черт побери, они *обожали* Кэролайн, и не только за то, что она помогала вести хозяйство. Много лет назад назад мама потеряла ребенка, и Кэролайн была дочерью, которой у нее никогда не было.

Кроме того, что она помогала на ферме и в ней души не чаяли, она также учила меня и мать читать и считать.

И теперь ее с нами не было - и все потому, что я был недоволен своей жизнью. Потому что я хотел приключений. Потому что выпивки больше не хватало на то, чтобы справиться со скукой.

Почему я не мог быть счастлив с ней, спрашивала она меня. Я *был* счастлив с ней. Почему я не мог быть доволен своей жизнью, спрашивала она. Нет, жизнью я доволен не был.

Я отправился к ней, чтобы попытаться убедить ее переменить свое решение. Насколько я знал, я все еще был ее мужем, и то, что я делал, должно было пойти на пользу нашей семье, на пользу *нам обоим*, а не лишь мне.

(Наверно, я обманывал себя, но это было правдой. Совсем на чуть-чуть. Но я знал, да и она, наверно, тоже знала, что, хоть я и хотел обеспечить ее, я хотел увидеть мир за пределами Бристоля).

Все было тщетно. Она говорила, что беспокоится обо мне. Я же в ответ обещал быть осторожен, обещал вернуться с деньгами или же послать за ней. Я убеждал ее, что мне нужна ее вера, но она не слушала меня.

Наступил день отъезда. Я отправился домой, собрал свои вещи, закинул их на лошадь и покинул дом, чувствуя, как все те же обвиняющие взгляды сверлили мне спину. К вечеру я прибыл в порт с тяжелым сердцем и увидел "*Императора*". Но судно встретило меня неожиданной тишиной. На корабле было лишь шесть палубных матросов, рассеявшихся на ведрах вокруг ящика, заменявшего им стол, и игравших в карты, попивая ром из фляг.

Я осмотрел "Императора". Пустые палубы, погасшие фонари, поблескивающие в лунном свете бортовые лееры. Он был спящим гигантом, и, хотя я был в недоумении из-за такой тишины, я все еще был в восхищении от самого корабля, его размера и мощи. Я буду работать на этих палубах. Я буду спать в каютах под палубами. Буду карабкаться на мачты.

Я смотрел на свой новый дом.

Один из матросов внимательно следил за мной.

- Чем могу быть полезен? - спросил он.

Я сглотнул и внезапно почувствовал себя молодым и неопытным, и задумался: а что, если все, что мне говорили выпивохи в тавернах, отец Кэролайн, сама Кэролайн, было правдой? Что, если жизнь в море не для меня?

- Я здесь, чтобы присоединиться к команде, - ответил я. - Меня послал Дилан Уоллэс.

До меня донесся сдавленный смешок, и четверо матросов посмотрели на меня с нескрываемым любопытством.

- Дилан Уоллэс, значит? Наш вербовщик? - сказал один из них. - Он отправил сюда двоих из нас. И что же ты умеешь, парниша?

- Мистер Уоллес счел меня полезным для команды, - ответил я, надеясь, что хотя бы говорил более убедительно, чем чувствовал себя на самом деле.

- Как у тебя со зрением? - поинтересовался он.

- Хорошо.

- Высоты боишься?

Я наконец понял, на что они намекали. Матросы указали мне на мачту, где можно было разглядеть крохотную площадку для обзора.

- Я думаю, что мистер Уоллэс хотел бы, чтобы я был палубным матросом.

Вообще он сказал "офицером", но этого я говорить не собирался. Я был молодым и нервным, а не тупым.

- Хм, а шить ты умеешь, парень?

Они явно насмехались надо мной.

- А как шитье связано с каперством? - огрызнулся я, хотя обстоятельства явно к этому не предрасполагали.

- Палубный матрос должен уметь шить, парень, - раздался голос еще кого-то из членов команды. Как и у других, его волосы были затянуты в косу, а из-под рубашки на руках и груди были видны татуировки. - А еще он должен уметь вязать узлы. Ты умеешь вязать узлы?

- Этому всему я могу научиться.

Я смотрел на корабль, на паруса, аккуратно перевязанные веревками, на медные орудия, видневшиеся из-под оружейной палубы. Я видел себя, как одного из матросов, сидящих на ведрах вместо стульев, с лицом, загоревшим под другим солнцем, с глазами, светившимися обещаниями опасностей и приключений. Я видел себя обитателем корабля.

- Тебе ко многому еще нужно будет привыкнуть, - сказал мне матрос. - Например, очищать корпус корабля от ракушек, замазывать щели в лодках смолой.

- А морской болезни у тебя нет? -
полюбопытствовал другой матрос. - Сможешь не
проблеваться на палубу, когда корабль будет качаться
на высоких волнах или бороться с ураганными
ветрами?

- Думаю, что смогу, - ответил я, добавив немного
злости голосу. - В любом случае, мистер Уоллэс не
поэтому счел меня ценным дополнением для команды.

Они обменялись настороженными взглядами.
Атмосфера переменилась.

- Н-да? И почему же наш вербовщик счел тебя,
как ты выразился, "ценным дополнением"? - спросил
матрос в штанах из парусины, лениво покачивая
ногами.

- Он видел меня в бою и подумал, что я буду
полезным бойцом.

- Бойцом, значит? - матрос встал.

- Именно.

- Что ж, у тебя будет куча возможностей проявить
себя в этом деле. И начнем завтра. Может, я и сам в
этом поучаствую, хм?

- Что значит "завтра"? - спросил я.

Матрос вновь сел и вернулся к игре.

- Завтра, когда мы отправимся в путь.

- Мне сказали, что мы отбываем сегодня.

- Мы отбываем завтра, парень. Капитана еще нет.
А завтра - так первым делом.

Я оставил их, прекрасно понимая, что только что
обзавелся первыми врагами на корабле. Но у меня еще

было время, чтобы все исправить. Я сел на лошадь и отправился домой.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

Я поскакал домой, в Хазертон. Почему? Наверное, сказать им, что мне жаль. Наверное, хотел им всё объяснить. В конце концов, я был их сыном. Возможно, отец узнал бы во мне частичку себя и тогда простил меня.

Там, на главной дороге, торопясь попасть домой, я понял, что больше всего на свете хотел, чтобы он простил меня. И он, и мать.

Неудивительно, что, отвлеченный мыслями, я был неосторожен.

Я уже подъезжал к дому, к месту, где деревья образовывали собой узкий проход, когда заметил какое-то движение в изгороди. Я остановился и прислушался. Когда живешь в деревне, ты учишься улавливать изменения. И что-то изменилось. Сверху раздался резкий свист - так мог звучать только предупредительный сигнал, и одновременно я увидел движение впереди, только на этот раз оно было во дворе нашей фермы.

Мое сердце бешено заколотилось. Я пришпорил коня и поскакал во двор. В то же мгновение я разглядел огонь от факела. Не лампы, а факела. Такого, который используют, чтобы что-нибудь поджечь. И в то же время я увидел бежавших людей, и света от факела хватило, чтобы разглядеть, что они были в капюшонах.

- Эй, - крикнул я. И чтобы разбудить мать и отца, и чтобы спугнуть незваных гостей.

- Эй, - крикнул я ещё раз.

И тут я увидел, как по воздуху, описывая дугу, пролетел зажженный факел, оставляя за собой

оранжевый след на фоне темного ночного неба, и, рассыпая во все стороны искры, приземлился на соломенную крышу нашего дома. Солома была сухой, *очень сухой*. Летом мы старались время от времени её промачивать, потому что риск пожара был довольно высок, но всегда находились дела поважнее, и навскидку скажу, что в тот раз прошло больше недели, потому что крыша вспыхнула *мгновенно*.

Я увидел еще людей, троих, может, четверых. Как только я въехал во двор и остановился, на меня налетел кто-то со стороны, его руки схватились за мою одежду, и меня стащили с лошади.

Я тяжело ударился оземь, отчего у меня перехватило дыхание. Рядом были разбросаны камни для построения стены. *Оружие*. Затем, закрывая собой луну, надо мной возвысилась фигура, в капюшоне, как и остальные. Прежде, чем я успел среагировать, он на мгновение задержался, и мне показалось, что я уловил дрожь ткани капюшона от его тяжелого дыхания, а затем последовал удар кулаком в лицо. Я задергался, и его второй удар пришелся по шее. Позади него появилась еще одна фигура, и я уловил блеск стали. Зная, что бессилён что-либо сделать, я приготовился к смерти. Но тот первый остановил новоприбывшего, пролаяв "*Нет*". Это спасло меня от удара клинка, но не от побоев, и чей-то сапог два раза ударил меня по животу.

Сапог... Я узнал этот сапог.

Он вернулся ещё раз, а затем ещё, пока наконец это не прекратилось, и напавший на меня сплюнул и убежал. Я накрыл руками побитые места на животе, перевернулся и закашлялся. Тьма угрожала поглотить

меня. Возможно, я бы позволил этому случиться. Мысль о том, чтобы провалиться в забвение, казалось такой привлекательной. Чтобы вместе с сознанием ушла и боль. Просто отправила меня в будущее.

Я помню звуки убегающих шагов нападавших. Крики, который я не мог разобрать. Беспокойное блеяние овец.

Но нет. Я был жив, не так ли? Я чуть не познакомился со сталью, но получил второй шанс, и это стоило того, чтобы не лишаться сознания. Нужно было спасти родителей, и уже тогда я знал, что заставлю виновных за это людей заплатить. Владелец этих сапог пожалеет, что не убил меня, когда у него была такая возможность. В этом я не сомневался.

Я с трудом встал на ноги. По двору фермы расплылся дым от огня, подобно туману с берега реки. Один из сараев уже горел. Дом тоже. Нужно было разбудить их, нужно было разбудить мать и отца.

Грязь вокруг меня залилась рыжеватым отсветом от огня. Пока я поднимался, до меня донесся стук лошадиных копыт, и я, развернувшись, увидел нескольких всадников. Они скакали прочь от нашей фермы - их работа была сделана, место уже было охвачено огнем. Я схватил с земли камень и хотел замахнуться в одного из всадников, но у меня были задачи поважнее. Со стоном, частично из-за боли, частично из-за усилий, я кинул камень в верхнее окно дома.

Я целился верно, и я молил бога, чтобы этого было достаточно, чтобы разбудить родителей. Дым от

пожара стал плотным, пламя ревело, словно выбралось из ада. В сарае, сгорая заживо, громко блеяли овцы.

И вот они показались у дверей. Отец, с матерью на руках, пробирался сквозь пламя. Его лицо было решительным, а глаза ничего не говорили. Всё, о чём он мог думать, это спасти свою жену. Он вынес мать из-под огня и аккуратно положил ее на землю, недалеко от того места, где стоял я. Потом он выпрямился и, как и я, беспомощно смотрел, как горит ферма. Мы поспешили к сараю, но истощное блеяние овец к тому времени уже стихло - наш скот, отцовский заработок, погиб. И тогда я увидел то, чего не видел никогда в жизни - там, при отблесках пожара, с раскрасневшимся лицом, плакал мой отец.

- Отец, - я протянул у нему руку, но он зло отдернул плечо, и когда он повернулся ко мне, я увидел следы слез на его почерневшем от копоти лице. Он трясся от сдерживаемого гнева. Казалось, он прилагал все усилия до последнего, чтобы не потерять контроль над собой и не сорваться. Чтобы не сорваться на меня.

- Яд. Вот что ты такое, - сказал он сквозь сжатые зубы, - яд. Ты рушишь нашу жизнь.

- Отец...

- Убирайся отсюда, - бросил он мне. - Убирайся отсюда, и никогда больше не показывайся мне на глаза.

Мать попыталась как-то возразить, но, пока никто не расстроился еще сильнее - пока я никого не расстроил еще сильнее - я сел на коня и ускакал.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Промчавшись в ночи в бешенстве и с разбитым сердцем, я свернул на дорогу в город и остановился у «Старой дубинки», где все и началось. Я проковылял внутрь, придерживая руку у больной груди. Мое лицо все еще ныло после побоев.

Все в таверне мигом умолкли. Я был в центре внимания.

- Мне нужен Том Кобли и его пронырливый сынок, - выговорил я, тяжело дыша и сверля всех взглядом исподлобья. - Они были здесь?

От меня отвернулись, вжав головы в плечи.

- Здесь не ищут проблем, - сказал из-за барной стойки Джек, хозяин трактира. - Ты тут и так наломал нам дров до конца жизни, спасибо тебе большое, Эдвард Кенуей.

Он произнес "спасибо тебе большое" так, будто это было одно слово. *Спасиботебебольшое.*

- Ты узнаешь, что такое настоящие проблемы, если укрываешь Коблей, - предупредил я и прошагал к стойке, за которой он потянулся к висевшей на гвозде сабле, о существовании которой я знал. Я добрался до туда первым, вытянулся одним рывком, из-за которого заострилась боль в животе, но все же вцепился руками в саблю и выхватил ее из ножен одним ловким движением.

Джек не успел среагировать, все произошло слишком быстро. В один миг он только хотел достать до оружия, и в следующую - то самое оружие уже было приставлено лезвием к его горлу, *спасиботебебольшое.*

Свет в помещении едва горел. Огонь дрожал в камине, украшая стены плясавшими тенями. Посетители следили за мной, внимательно сузив глаза.

- Теперь говори, - произнес я, повернув лезвие у горла Джека, и тот вздрогнул, - были ли здесь сегодня Кобли?

- А ты не должен был этой ночью отчалить на "Императоре"?

Ответил не Джек, а кто-то другой. Кто-то, кого в полутьме я не мог разглядеть, и чей голос я не мог узнать.

- Да, но мне повезло, что мои планы изменились. Иначе бы мои мать и отец сгорели заживо в своей постели. - Я заговорил громче. - Вы этого хотели? Все вы? Потому что так бы оно и случилось. Вы знали об этом?

В таверне стало так тихо, что можно было бы услышать, как падает волос. Из темноты на меня смотрели глаза мужчин, с которыми я пил и дрался, и женщин, с которыми я спал. У них были свои секреты. Они будут хранить их и дальше.

Снаружи донесся грохот и лязг подъехавшей телеги, и этот звук никто не оставил без внимания. Напряжение в таверне изменилось. Это могли быть Кобли. Вероятно, чтобы сделать себе алиби. Я вывел Джека из-за стойки и направил его к входной двери, все еще держа саблю у горла.

- Держите язык за зубами, - предупредил я присутствующих, - держите свой язык за чертовыми зубами, и горло Джека не продырявится. Я пришел только за тем, кто принес факел на ферму моего отца.

Снаружи послышались голоса. Среди них я узнал Тома Кобли. Я встал за дверью как только она открылась, прячась за Джеком, в шею которого упирался кончик сабли, как за щитом. Тишина была настолько гробовая, что входившая троица заметила ее мгновенно, но среагировала слишком медленно, чтобы понять, что было что-то не так.

Когда они зашли, я услышал грудной хохот, затихавший на губах Кобли, и увидел пару сапог, которые я узнал ранее - они принадлежали Джулиану. И тогда я вышел из-за двери и пронзил его саблей.

Следовало убить меня, когда был шанс. Я попрошу написать это на моей могильной плите.

Джулиан, застрявший в дверном проеме, встал и округлил глаза, сначала глядя на саблю, вонзенную в его грудь, затем на меня. Последним, что он увидел в своей жизни, был его убийца. Последним, что он сказал, были брызги крови, брызнувшие из его горла мне в лицо. Это был не последний человек, которого я убил. Напротив - первый.

- Том! Это Кенуэй! - послышался крик из толпы, но в нем вряд ли была необходимость даже для такого тупицы, как Том Кобли.

Глаза Джулиана остекленели, и свет в них погас. Он соскользнул с моей сабли и рухнул на пол, как последний пьяница. За ним с открытыми ртами, будто увидев приведение, стояли Том Кобли и его сын Сет. Все планы утонуть в кружках выпивки и нахвалиться о том, как они гульнули этой ночью, забылись, когда эта парочка бросилась бежать.

Им на радость потратив драгоценные секунды на то, чтобы перешагнуть через тело Джулиана, я бросился в ночную темень. Сет поскользнулся на грязи и силился подняться, в то время как Том, не остановившись, чтобы помочь сыну, погнал по главной дороге со всей дури, направляясь к фермерскому дому напротив. В следующий миг я уже склонился над Сетом с той же окровавленной саблей в руках, и собрался сделать его вторым, кого мне придется убить. В конце концов, мои руки уже были в крови, и, говорили, что это первое убийство дается тяжелее всего. Не окажу ли я миру милость, избавив его от Сета Кобли?

Но нет. Существовало еще милосердие. А кроме него - и сомнение. Был шанс - небольшой, но шанс - что Сета могло и не быть на ферме.

Я ударил эфесом сабли по его затылку и был вознагражден криком боли и возмущения. Затем он упал - я надеялся, что от потери сознания - в грязь, и я промчался мимо него, работая руками и ногами со всей силы, в погоне за Томом.

Я знаю, о чем ты думаешь. Ты думаешь, что у меня не было доказательств против того, что на ферме не было и Тома. Но я просто знал. Я просто знал.

Пересекая дорогу, он с опаской посмотрел назад, затем обеими руками уцепился за верхний край каменной стены и броском перевалился через нее. Увидев меня, он тихо и испуганно заскулил, и я понял, что хотя он и был довольно шустрым для своих лет (я не сомневался, что страх придавал ему скорости), я его уже догонял его. Я перебросил саблю из одной руки в другую, чтобы перескочить через стену, затем

приземлился на ноги по ту сторону и продолжил погоню.

Я был достаточно близок, чтобы учуять вонь Кобли, но он добрался до надворной постройки и скрылся из виду. Я услышал, как кто-то наступил на камень неподалеку, будто во дворе присутствовал кто-то третий, и подумал, что это мог быть Сет. Или хозяин фермы. Или, может быть, один из выпивох "Старой дубинки". Мне некогда было раздумывать над этим: мои мысли были сосредоточены на поимке Тома Кобли.

Я пригнулся у стены флигеля и прислушался. Где бы не находился Том Кобли, он застыл. Я взглянул направо и налево и увидел только фермерские сооружения, темными блоками высившиеся в серой ночи. Я услышал случайное блеяние козы и шум насекомых. В окне таверны по другую сторону дороги горел свет, но в ней было тихо.

Потом, в почти угнетающей тишине послышался хруст гравия с другой стороны здания. Он стоял там, выжидая, что я необдуманно наброшусь оттуда.

Я обдумал наши позиции. Он ожидал, что я появлюсь из-за угла. Поэтому я подкрался с противоположной стороны настолько бесшумно, насколько это было возможно. Я вздрогнул, неосторожно ступив сапогом на камни, звук от которых, как я надеялся, утонул в тишине. Я тихо прошел вдоль стены и, прислушавшись, остановился за углом. Если я был прав, Том Кобли поджидал меня с другой стороны. Если я был не прав, то в моем животе мог оказаться кинжал.

Я затаил дыхание и осторожно выглянул из-за угла.

Я рассудил верно. Кобли был там, у дальнего конца стены. Он стоял спиной ко мне, в его руке сверкнул нож. Он был легкой приманкой, карауля меня вот-так. Я мог за три шага добраться до него и вонзить свое лезвие в его хребет, - и все это быстрее, чем он успел бы пернуть.

Но он был нужен мне живым. Я должен был узнать, кто сопровождал его. Кем был тот высокий человек с перстнем, которому удалось помешать Джулиану убить меня?

Поэтому я нейтрализовал его. Ну, не столько его, сколько его руку. Отрубив ее.

Или по крайней мере, я попытался. Я был неопытным фехтовальщиком, и это было очевидно, но, возможно, тупость лезвия тоже сыграла свою роль. Во всяком случае, я нацелился на предплечье Кобли, ухватившись за саблю двумя руками. Я разрезал его рукав и вонзил лезвие глубоко в руку, но мне не удалось ее отрубить. Хотя бы я добился того, что он уронил оружие.

Кобли закричал и отступил. Он схватился за раненую руку, кровь из которой омыла стены флигеля и грязь под ним. В тот же момент я уловил какое-то движение в темноте и вспомнил звук, который я счел за возможный знак постороннего присутствия. Было слишком поздно. В лунном свете тени породили фигуру, и я увидел равнодушный взгляд из-под капюшона. Рабочие одежды и сапоги были почему-то слишком чистыми.

Бедняга Том Кобли. Он не мог этого предвидеть. Он практически насадил себя на лезвие незнакомца. Новоприбывший вонзил саблю в его спину до самой грудной клетки, и лезвие выглянуло из плоти омытым в крови. Кобли опустил на него взгляд, пробормотал свои последние слова, и его тело соскользнуло с сабли и шумно упало в пыль, когда незнакомец вытащил лезвие.

Есть такая поговорка, да? *«Враг моего врага - мой друг»*. Звучит она примерно так. Но для этого правила нередки исключения, и в моем случае оно воплотилось в человеке в капюшоне и с окровавленной саблей. Моя шея все еще болела от следа его кольца, а лицо - от его кулаков. Я не мог понять, почему он убил Тома Кобли, и не очень это меня интересовало. Я сделал выпад вперед с воинским кличем, и лезвия наших мечей колокольным звоном нарушили ночную тишину.

Он легко парировал удар. Раз. Два. Не успел я сделать рывок, как мне пришлось уже отступить, неуклюже и неумело защищая себя. Я сказал, что был неопытным фехтовальщиком? Да я не был фехтовальщиком вообще. С не меньшим успехом я мог орудовать дубинкой или палицей. Его сабля со свистом глубоко ранила мою руку. Сначала я почувствовал тепло крови, потекшей вниз по бицепсу и намочившей рукав, а затем - как силы начали покидать руку, державшую оружие. Мы не боролись. Больше - нет. Он играл со мной. Играл со мной, чтобы потом убить.

- Покажись, - задыхаясь, произнес я, но он не ответил. Я понял, что он слышал меня только по отблеску улыбающихся из-под капюшона глаз. Обманутый дугой, описанной его саблей, я не успел - и

не немного не успел, а *сильно* не успел - защититься от удара, нанесшего вторую рану.

Он снова попал. Снова. Со временем я понял, что он нанес порезы с точностью медика - достаточные, чтобы причинить боль, но не чтобы мгновенно обездвижить меня. Но определенно достаточные, чтобы обезоружить. В конце концов, я не почувствовал, как оружие выскользнуло из пальцев. Я просто услышал, как оно упал на землю, и увидел, как оно лежало в пыли и крови, вытекавшей на него прямо из раны.

Пожалуй, я ожидал, что он снимет капюшон. Но он его не снял. Вместо этого он, приложив кончик сабли под мой подбородок, жестом руки указал, чтобы я сел на колени.

- Ты не очень-то хорошо знаешь меня, незнакомец, если думаешь, что я умру, стоя на коленях, - сказал я ему, чувствуя себя удивительно спокойно перед лицом поражения и смерти. - Если тебе все равно, то я бы предпочел стоять.

- Ты не сегодня встретишь свой конец, - сказал он глубоким и ровным тоном. - Мне тебя жаль. Но вот, что я тебе скажу. Если "*Император*" не уйдет с тобой завтра утром, эта ночь станет началом конца для любого, носящего фамилию Кенуэй. Исчезни с первым светом, и никто не тронет твоих мать и отца. Но если этот корабль отчалит без тебя, то они пострадают. Вы *все* пострадаете. Я ясно выражаюсь?

- Не соизволите сказать, кто мои милосердные враги? - спросил я.

- Не соизволю. Знай только, что существуют силы в этом мире куда более могущественные, чем ты можешь себе представить, Эдвард Кенуей. Этой ночью ты увидел их в деле. Ты пострадал от их рук. Да наступит этому сейчас конец. Не возвращайся на эту землю. А теперь, Эдвард Кенуэй, *ты сядешь на колени.*

Промелькнула сабля, и ее гарда ударила меня в висок.

Когда я очнулся, я был уже на борту "Императора".

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

По крайней мере, я думал, что был на "Императоре". Я искренне на это надеялся. С больной головой я вылез из койки, но стоило мне вытащить сапоги, как меня откинуло в сторону.

Недолгий полет завершился ударом по лицу. Некоторое время я мог лишь стонать от боли, пытаюсь понять, какого черта я чувствовал себя таким пьяным, хотя не помнил, чтобы я пил. Ну и, конечно, я не был действительно пьян.

Но если я не пил, почему пол подо мной просто ходил ходуном, накрываясь то в одну сторону, то в другую? Я подождал некоторое время, надеясь, что качка прекратится, пока не осознал, что заканчиваться она не собиралась.

Мои ноги то и дело неустойчиво танцевали и месили древесные опилки, а руки были расправлены, как у человека, пытавшегося устоять на бревне. Тело все еще ныло от побоев, но мне уже становилось лучше.

Следующим, что я почувствовал, был запах. Хотя нет, не "запах", а самая настоящая *вонь*.

Боже ж ты мой, как же сильно воняло помесью дерьма, мочи и морской воды. Позже я узнал, что этот запах можно было встретить лишь на нижних палубах, так же, как некоторые запахи можно было встретить лишь в определенных тавернах или в лавках мясников. Но что действительно пугало, так это то, насколько быстро ты привыкал к этим запахам.

Это был людской запах, а команда "Императора" насчитывала 150 человек. И если вся эта толпа не занималась работой, висая на такелажных канатах или

толпясь на камбузе, то они мирно посапывали на оружейной палубе, либо в койках, подобных моей.

Я слышал, как кто-то из матросов хихикнул во тьме, когда корабль вновь трянуло, из-за чего меня отбросило сначала на деревянную подпорку, а затем на мачту напротив. Так вот что они подразумевали под "морской болезнью". Мне нужно было привыкнуть к непрекращающейся морской качке.

- Это "Император"? - поинтересовался я у хихикающей тьмы.

Скрип досок корабля. К этому тоже надо было привыкнуть, как к качке и вони.

- Ну дык, а где ж еще? - пришел незамедлительный ответ.

- Я новичок на корабле, - сказал я, держась за балку так, будто от этого зависела моя жизнь.

- Да неужели? - тьма вновь нагло захихикала.

- Мы далеко отплыли?

- Уже день, как плывем. Тебя сюда притащили не то уснувшим, не то вырубившимся. По-моему, ты слегка перебрал.

- Есть немного, - ответил я, не ослабляя своей хватки на балке. Мои мысли вернулись к прошлому дню, но это напоминало расчесывание едва зажившей раны. Слишком быстро. Надо осознать произошедшее, встретиться лицом к лицу с чувством вины и написать письма (которые, как мне подло напомнил разум, я бы не смог написать, если бы Кэролайн не обучила меня грамоте). Но всему этому надо было чуть-чуть подождать.

Сзади послышался мучительный скрежет. Развернувшись, я прищурился в полутьме, и, когда мои глаза привыкли к освещению, я увидел кабестан. Сверху донеслись топот ног и крики мужчин, работавших на верхней палубе. Кабестан страдальчески закрипел и повернулся.

- *Тащи*, - раздался крик сверху. - *Та-ащи!*

Несмотря на все пережитое, от этих криков я вновь почувствовал себя маленьким удивленным мальчиком.

Я осмотрелся. По обе стороны расположились ряды пушек. Их стволы тускло поблескивали в темноте. С другой стороны палубы виднелась веревочная лестница, свисавшая с квадрата, излучавшего дневной свет. Туда я и направился и, забравшись наверх, оказался на шканцах.

Скоро я выяснил, как остальные члены экипажа справлялись с морской качкой. Они не только одеждой отличались от рабочих на суше - короткие куртки, рубашки в клетку, длинные парусиновые штаны - но и походкой. Казалось, они всем телом передвигались вместе с кораблем, руководствуясь исключительно инстинктом. Первую пару дней волны под нами то и дело перебрасывали меня от мачты к подпорке, и мне пришлось привыкнуть к смеху, доносившемуся всегда, когда я снова, раз за разом, падал на палубу. Но вскоре, как раз когда я привык к запаху на нижних палубах, к постоянному скрипу корпуса, к мысли, что от воды меня отделяло только несколько древесных досок и слой смолы с паклей, которыми заделали дыры, я научился ходить вместе с волнами и "*Императором*". Вскоре я тоже ходил, как любой другой член экипажа.

Мои товарищи по кораблю, все до единого, были орехово-коричневого цвета. У них были морщинистые и обветренные лица, кожа некоторых мужчин постарше напоминала растаявший воск свечи. Со скрытными и настороженными взглядами, последние были в основном молчаливы.

Большинство носили платки или косынки, небрежно повязанные вокруг шеи, они ходили с наколотыми татуировками и отращенными бородами, на их ушах висели золотые серьги. Товарищи по кораблю постарше, те, что с обветренными лицами, напоминавшими растаявшие свечи, были всего лишь лет на десять старше меня. Как я вскоре выяснил, моряки прибыли из самых разных уголков: Лондон, Шотландия, Уэст-Кантри. Многие из нас, примерно треть, были чернокожими; некоторые из них были беглыми рабами, нашедшими свободу на море, где и капитан, и члены экипажа обращались с ними, как с равными - или скорее, где и капитан, и члены экипажа обращались с ними одинаково по-скотски. Среди членов экипажа были и мужчины из американских колоний - из Бостона, Чарльстона, Ньюпорта, Нью-Йорка и Сейлема. Большинство постоянно держали при себе оружие: сабли, кинжалы, кремневые пистолеты. Как я потом узнал, по причине того, что выстрел из первого мог обернуться осечкой из-за отсырения пороха, они всегда носили с собой хотя бы второй пистолет.

Они любили выпить рома, они были невероятно грубы в выражениях, особенно когда речь шла о женщинах, и им ужасно нравилось рвать глотки в

спорах. Но ничто не объединяло их так, как это делал устав капитана.

Он был шотландцем. Капитан Александр Долзелл. Много важничал и редко улыбался. Ему нравилось соблюдать устав корабля, но куда больше удовольствия он получал, напоминая нам о нем. Он, стоя на ахтердеке и положив руки на поручни, любил предупреждать нас, пока мы толпились, собранные на шканцах, основной палубе и баке, что любой, кто уснет при исполнении долга будет облит смолой и посыпан перьями. И что любой мужчина, которого застали с другим мужчиной будет наказан кастрацией. И что было запрещено мочиться в балласт. (Конечно, как я уже тебе сказал, это правило я позаимствовал для своей команды.)

Но я все же был новичком, свежей кровью. На этом этапе моей карьеры о нарушении правил я не мог и помыслить.

Скоро я свыкся с темпом жизни на море. Я научился сохранять равновесие на корабле, запомнил, какой частью корабля пользоваться в зависимости от ветра, и наловчился есть с локтями на столе, которыми я удерживал тарелку, чтобы она не ускользала. Меня назначали на наблюдательный пункт или в дозор, и так и проходили мои дни. Я научился измерять глубину вод на поверхности и постиг азы навигации. Моими наставниками были члены экипажа, которые - когда не бахвалились сказками о том, как они сражались с испанцами - жутко любили делиться крупницами мудрости мореходства: *"Красный закат - к хорошей погоде. Красный восход - быть погодной невзгоде"*.

Погода. Ветра. Мы были их рабами. Когда погода была плохой, обычно веселая атмосфера на корабле сменялась мрачной озабоченностью. Штормовые ветра превращали обыкновенное дело - держать корабль на плаву - в вопрос жизни и смерти. В такие дни ели мы урывками, в перерывах между поддержанием курса, латанием корпуса и откачкой воды. И всё это делалось с тихим сосредоточенным отчаянием людей, занятых спасением собственной жизни.

Такие дни были физически утомительными, опустошающими. Мне не давали спать, отправляли карабкаться по вантам или приставляли к помпам под палубой, где я и урывал короткие мгновенья сна, свернувшись клубочком у корпуса корабля.

Затем погода налаживалась, и жизнь продолжалась. Я смотрел, как проводили свои дни более опытные матросы - как они пьянствовали, играли и путались с женщинами, и понимал, насколько относительно скромными были мои собственные похождения в Бристоле. Я вспоминал тех парней, которых я встречал в тавернах Уэст-Кантри, считавшими себя матёрыми пьяницами и дебоширами. Если б они видели моих товарищей в деле! Драки возникали на пустом месте. В одно мгновение. Обнажались ножи. Проливалась кровь. За первый месяц на море я услышал больше хруста костей чем за предыдущие семнадцать лет моей жизни. А не забывай, ведь я рос в Сwonси и Бристоле.

Но какими бы яркими ни были эти драки, они гасли так же внезапно, как и разгорались. Мужчины, которые мгновение назад держали ножи у горла друг другу, мирились, похлопав по спине. Хлопки эти

казались столь же жесткими, что и удары в драке пару секунд назад, но желаемого эффекта достигали. Согласно правилам, все конфликты следовало завершать на берегу дуэлью, саблями или на пистолетах. Конечно, этого никто не хотел. Ссора - это одно дело, умереть - совсем другое. Поэтому драки заканчивались так же быстро, как начинались. Гнев вспыхивал и угасал.

Поэтому мало кто на корабле враждовал по-настоящему. Просто мне не повезло, что нашелся тот, кто точил зуб на меня.

Впервые я это понял на второй или третий день на борту. Я ощутил пристальный взгляд мне в спину, повернулся и ответил улыбкой. Дружелюбной улыбкой. По крайней мере, я считал её таковой. Но иногда дружелюбная улыбка может показаться дерзкой усмешкой, и это только разозлило того парня. В ответ мне был послан яростный взгляд.

На следующий день, когда я шёл по шканцам, меня ударили локтем, причем так сильно, что я упал на колени, и когда я взглянул вверх, ожидая увидеть улыбающееся лицо - "попался!" - то увидел лишь усмешку на лице того самого парня, когда он повернулся через плечо, шагая в свою сторону. Огромный был амбал. У такого не хочется стоять на пути. Но похоже было, именно там я и оказался.

Позже я рассказал об этом Пятнице, чёрному матросу с палубы, у которого гамак был рядом с моим. Когда я описал ему ударившего меня мужика, он сразу понял о ком речь.

- Это Блэйни.

Блэйни. Вот и всё, что я знал об этом мужике. К несчастью, - имеется в виду, к несчастью для *меня*, - Блэйни меня ненавидел. Он терпеть меня не мог.

Наверное, была причина. Учитывая, что мы ни разу не говорили, вряд ли это была основательная причина, но важным было то, что причина эта существовала - у Блэйни в голове, и, в конечном счете, только это и имело значение. Это, и то, что Блэйни был огромен и, по словам Пятницы, умело владел саблей.

Ты, наверное, уже догадалась, что Блэйни был одним из первых, кого я встретил в первый вечер, когда прибыл перед отплытием "*Императора*". Я знаю, что ты думаешь: он был тем, с кем я заговорил первым, весь готовый преподать мне пару уроков за проявленную дерзость.

Нет, если ты так думаешь, то ошибаешься. Блэйни был одним из парней, сидевших на бочках за игрой в карты. Обычный, грубоватый мужлан, с выступающим лбом, толстыми бровями, которые постоянно собирались вместе, как будто бы он всегда был чем-то озадачен. В ту ночь я едва обратил на него внимание, и теперь, когда я вспоминаю это, мне кажется, что поэтому он и озлобился на меня; тогда и родилось его недовольство: он почувствовал, что я не заприметил его, и этого было достаточно, чтобы раздражение переросло в ненависть.

- Почему он зол на меня? - спросил я, на что Пятница лишь пожал плечами и пробормотал "*Не обращай внимания*". Потом он закрыл глаза, указывая, что разговор окончен.

Так я и делал. Не обращал внимания.

Ясное дело, это злило Блэйни ещё больше. Он не хотел, чтобы его игнорировали, он хотел, чтобы все его видели. Чтобы все его боялись. Я этого не делал - и да, это подливало масла в огонь его ненависти.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

Тем временем стоило задуматься о другом. Например, о том, что прошел слушок, будто капитану не хватало награбленного. Вот уже два месяца как мы не совершили ни одного налета, и пока наш заработок был едва более полпенни. По кораблю разносился шум недовольства, причем он исходил в основном из каюты капитана. Скоро стало всем ясно, что ему казалось, будто он придерживался условий сделки, но получал при этом одни гроши.

Какой сделки, спрашиваешь? Короче, как каперы мы обеспечивали присутствие Ее Величества; мы были кем-то вроде незавербованных солдат в ее войне против испанцев. В обмен нам позволялось совершать налеты на их корабли совершенно безнаказанно, читай: нам разрешалось брать у них все, что душе угодно. До сих пор мы так и делали.

Но ряды испанской флотилии редели с каждым днем. В портах ходила молва, что война шла к концу, что скоро подпишут мир.

Капитан Долзелл, стоит отдать ему справедливость, был прозорлив, и он, углядев, откуда дул ветер, решил, что нам, со скудной добычей, пришла пора действовать иначе, чем уговаривалось по свидетельству.

Капитан снял треуголку, смахнул пот с бровей, и снова надел шляпу. Трэфффорд, старпом, стоял рядом с ним, когда тот обратился к нам:

- Этот налет озолотит нас всех, ребята, ваши карманы треснут по швам. Но я должен предупредить -

и я подведу вас как капитан, если не сделаю этого, - что ради этой наживы придется рисковать.

Рисковать. Точно. Рисковать быть пойманными, наказанными и кончить на виселице.

Говорили, у висельника в кишках пусто. Штаны пирата сшивали у щиколоток, чтобы не вываливалось дерьмо. Больше всего меня пугало именно это унижение. Не хотел бы я, чтобы Кэролайн запомнила меня болтавшимся на веревке и смердящим дерьмом.

Не ради того, чтобы оказаться вне закона, стать пиратом, я покинул Бристоль. Если бы я остался на корабле и согласился с планом капитана, то так оно бы и вышло. За нами бы погнался объединенный флот Ост-Индской компании и Ее Величества.

Я присоединился к каперам не чтобы стать пиратом, но возвращаться домой без гроша в кармане тоже не входило в мои планы. Мне пришла в голову мысль, что я смогу откупиться от своих врагов, что если я вернусь с состоянием, то смогу заплатить за свою голову.

Но нет, я записался сюда не для пиратства. "Я заработаю деньги законными путями," - решил я.

Умоляю, прекрати ухмыляться. Сейчас я знаю, что это звучало старомодно, но тогда-то во мне пылало рвение, а голова была забита мечтами. И поэтому, когда капитан, предложив нам пиратство и добавив, что он знал, что далеко не всех устраивал такой расклад, посоветовал несогласным дать знать об этом немедленно или навеки смириться, чтобы он смог организовать им высадку с корабля, я почти шагнул вперед. Почти.

Пятница остановил меня незаметным движением руки. Даже не взглянув на меня. Он просто остановил меня, так и глядя вперед. "Погоди," - сказал он, едва пошевелив губами, и причины не заставили себя ждать. Пятеро членов экипажа - пятеро хороших мужей, не желавших быть причастными к пиратству, - поднявшись на шканцы и последовали совету капитана, по первому же слову которого старпом выбросил их за борт.

Там и тогда я решил хранить молчание и до поры до времени - и лишь до поры до времени - следовать за капитаном. "Я попиратствую, получу свою долю, затем покину корабль," - подумал я. - "Затем присоединюсь к каперам (в конце концов, я к тому времени был уже бывалым моряком) и буду отрицать собственное присутствие на *"Императоре"*, когда экипаж совершил столь позорное преступление, как пиратство".

Это был не самый хитрый план, согласен. Я знал, что у него были свои недостатки, но мне, оказавшемуся снова между молотом и наковальней, выбирать не приходилось.

Как только выброшенные за борт скрылись за нами из виду, капитан вкратце обрисовал свой план. Он не стал заходить далеко и предлагать наброситься на Королевский Флот - это было бы самоубийством. Зато он знал, что один определенный корабль - наша цель - плавал в водах в Вест-Индии. Туда в январе 1713 года и направился *"Император"*.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

ЯНВАРЬ, 1713

Переплывая с острова на остров, мы пришвартовывали корабль в укрытых бухтах или устьях рек, и моряки отправлялись на берег за запасами древесины, воды, пива, вина и рома. Мы могли торчать там целыми днями напролет, убивая время охотой на черепах, пальбой по птицам или, когда нам было особенно везло, угоняя крупный рогатый скот, коз или свиней.

Однажды нам пришлось кренговать "*Императора*", и для этого мы протащили судно на берег и затем, не без помощи такелажа и кильблока, перевернули его. Мы сожгли водоросли и раковины факелами, залатали дыры, а все сгнившие доски заменили, и все это произошло под руководством плотника, который обычно ожидал подобных работ с нетерпением. Его можно было понять, потому что мы, пользуясь случаем, ремонтировали ещё мачты и рангоуты, и у него появилась приятная возможность покомандовать старшим рулевым и первым и вторым помощниками, у которых не было выбора, кроме как подчиниться, заткнув рот.

Это были счастливые дни, проведенные за охотой, рыбалкой и наблюдением за неудобствами, которые испытывали старшие по званию. Я почти жалел, когда нам вновь пришлось выйти в море. Но мы снова отправились в путь.

Корабль, который был нам нужен, был торговым судном Ост-Индской компании. Многие матросы

считали эту затею довольно опрометчивой. Мы понимали, что нападением на это судно мы фактически объявляли себя в розыск. Но капитан заявил, что весь патруль Карибского моря состоял из трех военных кораблей да двух шлюпок, а на *"Галере Амазонки"*, корабле Ост-Индской компании, хранилось сокровище, так что от нас всего-то требовалось напасть на корабль в открытом море, ограбить и удрать как можно быстрее.

- Неужели команда *"Галеры"* не сможет опознать нас? - вслух спросил я. - Неужели они не скажут Флоту, что на них напал *"Император"*?

Пятница одарил меня недобрым взглядом, но мне было все равно.

Мы нашли *"Галеру"* на третий день нашей охоты.

- Вижу корабль! - раздался крик с мачты. Эту фразу мы слышали часто, так что особо ни на что и не рассчитывали в тот момент, а лишь смотрели, как капитан и квартирмейстер шептались между собой. Минутой спустя они кивнули, мол, это *"Галера"*, и мы взяли курс на него.

Подплыв ближе, мы подняли британский флаг, и *"Галера"* осталась на месте, приняв нас за дружественных британских каперов.

В принципе, мы ими и были. *В теории.*

Мы зарядили пистолеты и проверили сабли. Абордажные крюки и пушки были наготове. Когда мы поравнялись с *"Галерой"*, их команда поняла, что мы были настроены на битву. Мы находились достаточно близко, чтобы увидеть панику на их лицах.

Мы заставили их идти наравне с нами. Наши матросы кинулись к планширю, где встали, готовые к действиям, нацеливая пистолеты, заряжая пушечные орудия или обнажив сабли и оскалив зубы. У меня не было пистолета, а моя сабля была ржавым старьем, которое рулевой откопал на дне сундука, но тем не менее. Зажатый между мужиками вдвое старше меня, но в десять раз свирепее, я изо всех сил старался не уступать им в оскале, чтобы выглядеть так же свирепо и устрашающе.

Пушки были нацелены на "Галеру". Одно слово, и они бы открыли огонь, один залп, один выстрел - и судно разломалось бы надвое, отправляя всю его команду на морское дно. На их лицах было то самое отвратительное, испуганное выражение. Выражение лиц мужчин, пойманных в ловушку. Мужчин, которым предстояло испытать что-то ужасное.

- Пусть явится ваш капитан, - прокричал наш первый помощник сквозь расстояние между судами. Он вытащил часы и, перевернув их, поставил поверх рейки. - Пусть притащится до того, как закончится песок, не то мы откроем огонь.

Их время почти вышло, когда капитан "Галеры" наконец появился на борту. Разряженный во всё свое самое лучшее, он смерил нас взглядом, полным, по его мнению, смелости - которая ничуть не скрывала тревоги в его глазах.

Он сделал так, как было сказано, и приказал спустить лодку, затем спустился с борта и, орудуя вёслами, направился к нашему судну. Втайне я сочувствовал ему. Он сдался на нашу милость, чтобы защитить свою команду, и это было достойно

восхищения, и когда он поднимался по веревочной лестнице, когда над ним издевались матросы с нижнего уровня, которые заряжали пушки, когда потом его грубо схватили за плечи и протащили через перила реек и поволокли в ют, голова его оставалась высоко поднятой.

Когда его рывком подняли на ноги, он вырвался из рук державших его матросов, откинул плечи назад, и, поправив пиджак и манжеты, потребовал встречи с нашим капитаном.

- Да, я здесь, - откликнулся Долзел, спускаясь с кормы с Трэффордом, его первым помощником. На голове капитана красовалась треуголка, под которой была повязана бандана, а в руках он держал обнаженную саблю.

- Как ваше имя, капитан? - спросил он.

- Капитан Бенджамин Причард, - мрачно ответил тот, - и я требую объяснения происходящего.

Он старался выпрямиться в полный рост, но не дотягивал до Долзела. Мало кто мог до него дотянуть.

- Объяснения происходящего, - повторил Долзел. На лице капитана красовалась тонкая улыбка. Наверное, это был первый раз, когда я видел его улыбающимся. Он окинул взглядом своих людей, собравшихся на палубе, и среди команды раздались жестокие смешки.

- Да, - ответил капитан Причард с акцентом, присущим членам высшего класса. Почему-то это напомнило мне о Кэролайн. - Именно это я и имею в виду. Вы знаете, не так ли, что этот корабль принадлежит и управляется британской Ост-Индской

компанией, и находится под полным протекторатом флота Её Величества.

- Как и мы, - ответил Долзел, указывая на английское знамя, колыхавшееся над бомбраселем.

- На мой взгляд, вы утратили эту привилегию в момент, когда остановили нас под угрозой выстрела. Если только, конечно, у вас нет для этого веской причины.

- Есть.

Я бросил взгляд на команду "Галеры", застывшую под дулами наших пистолетов, но так же, как и мы, заинтересованную происходящим на палубе. В воцарившейся тишине можно было бы услышать звук упавшей иголки. Единственными звуками были шум волн, бившихся о корабли, да шепот ветра в парусах.

Капитан Причард растерялся.

- Есть?

- Есть.

- Понятно. Тогда, возможно, нам стоит выслушать её.

- Да, капитан Причард. Я приказал вашему судну встать борт о борт с нашим, чтобы мои люди смогли разграбить всё ценное. Видите ли, наши находки на море в последнее время стали чрезвычайно скудны. Мои люди начинают беспокоиться. Им интересно, сколько им заплатят за это путешествие.

- Вы - приватир, сэр, - ответил капитан Причард. - Продолжите это - и станете *пиратом*, вас будут искать. - Он обратился ко всей команде. - Вас *всех* будут искать. Флот Её Величества разыщет вас и арестует. Вас всех

повесят в доках и выставят в цепях в Уэппинге. Вы действительно этого хотите?

“А заодно обмочиться при смерти. И вонять дерьмом”, - подумал я.

- А я слышал, будто Её Величество вот-вот подпишет договоры с Испанией и Португалией. Как капер я буду больше не нужен. Как вы думаете, что я буду делать дальше?

Капитан Притчард нервно сглотнул, ибо не знал ответа. И впервые я увидел, как капитан Долзелл улыбался во все свои 32 черных и обломанных зуба, напоминавших расхищенное кладбище.

- А теперь, сэр, как Вы посмотрите на то, чтобы обсудить, где вы храните сокровище, которое, вроде как, находится у Вас на борту?

Капитан Притчард открыл было рот, чтобы возмутиться, но Трэфффорд молча схватил его за шкирку и зашвырнул в каюту навигатора. Команда же внимательно следила за матросами "Галеры", и воцарилась тяжелая, угрожающая тишина.

Потом мы слышали крики.

Я подскочил, сверля глазами каюту, откуда они доносились. Бросив взгляд на Пятницу, я увидел, что он тоже с каменным лицом неотрывно смотрел на дверь каюты.

- Что происходит? - спросил я.

- Ш-ш-ш. Говори тихо. По-твоему, что может происходить?

- Они его пытаются?

Он закатил глаза.

- А ты чего ждал? Рома и сахара?

Крики продолжались. Выражения лиц команды "Галеры" изменились. Секунду назад они смотрели на нас с ненавистью и презрением, будто бы высчитывали нужный момент для хитрой и неожиданной контратаки. Будто мы были подлецами и негодьями, и вот-вот получили бы как раз то, что и заслуживали подзаборные шавки вроде нас. Но сейчас в их глазах читался лишь ужас в ожидании нашего следующего шага.

Это было странно. Происходящее одновременно пристыдило и подстегнуло меня. Я причинил много боли и разбил много сердец, но никогда, никогда я не был жесток просто во имя жестокости. Долзелл сказал бы: "Это не жестокость ради жестокости, но жестокость ради того, чтобы узнать, где же сокровище", но это было бы правдой лишь наполовину. Ибо, если честно, наши люди смогли бы заметить, что и где плохо лежит, как только оказались на палубе. Но нет, истинной причиной пыток капитана были те самые изменившиеся лица команды. Истинной причиной пыток был страх и ужас.

Я не знаю, сколько времени прошло. Минут пятнадцать или около того. Но этого было достаточно, чтобы крики сделались невыносимыми, чтобы закончилось безжалостное хихиканье матросов и чтобы даже самые бессердечные из них вслух задумались, что, пожалуй, хватит уже с него, с капитана. И, словно по команде, дверь каюты распахнулась, и на пороге появились Долзелл и Трэффорд.

С выражением мрачного удовлетворения на лице капитан осмотрел свою команду, потом команду "Галеры" и затем показал пальцем и позвал:

- Ты, парень.

Показал пальцем на меня.

- Д-да, сэр, - заикаясь, ответил я.

- В каюту, парень, будешь следить за капитаном, пока мы не проверим, насколько правдивую информацию он нам скармлил. Ты тоже, - он показал еще на кого, но я не видел, на кого именно. Я поспешил к квартердеку, стараясь удержать равновесие и не улететь за борт, а наша команда готовилась к захвату следующего судна.

Я пережил два шока, когда зашел в каюту и увидел Притчарда.

В каюте был большой обеденный стол, отодвинутый к стене. Стол навигатора со всеми картами и инструментами стоял там же.

Посреди каюты, привязанный к стулу, сидел Притчард с руками, связанными за спиной. В каюте витал противный запах, который я никак не мог опознать.

Капитан Притчард сидел, свесив голову. Услышав скрип двери, он вскинулся, сфокусировав взгляд затуманенных глаз на мне.

- Мои руки, - прохрипел он. - Что они сделали с моими руками?

Прежде, чем я смог это выяснить, явился очередной сюрприз в виде второго "надзирателя". Им оказался никто иной как Блэни.

Вот черт. Он закрыл за собой дверь, посмотрел на меня, затем на избитого Притчарда, потом опять на меня.

Снаружи доносились крики нашей команды, готовившейся к атаке на другой корабль. Но мне казалось, будто это все происходит далеко и не имеет ко мне никакого отношения, будто бы я не знаю никого из них. Не спуская с Блэни глаз, я обошел Притчарда кругом и бросил взгляд на его связанные руки. И тут меня озарило, что это был за запах.

Это был запах обгоревшей плоти.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

По-видимому, Долезл и Трэфффорд вставили зажженные фитили между пальцев капитана Причарда, чтобы заставить его говорить - остатки от них были рассыпаны по полу. Рядом стоял кувшин с чем-то, напомнившим мне рассол, когда я принялся к нему. Видимо, использовали, чтобы лить на его раны и усилить боль.

Ладони Причарда были покрыты волдырями, где-то обуглены дочерна, где-то залиты кровью, напоминая по состоянию недожаренное разваренное мясо.

Я поискал взглядом фляжку воды, все ещё опасаясь Блэйни, гадая, почему он ничего не делает. Почему он ничего не говорит.

Он избавил меня от хлопот.

- Смотри-ка, - проскрипел он, - мы оказались вдвоём, наедине.

- Да, - сухо ответил я. - Повезло, правда, приятель?

Я увидел кувшин воды, стоявший на длинном столе.

Он не обратил внимания на мой сарказм.

- И что ты хочешь сделать?

- Ищу воду, чтобы промыть его раны.

- Капитан не приказывал промывать его раны.

- Парень, ему больно, не видишь?

- Не смей так говорить со мной, сопляк, - отрезал Блэйни с яростью, которая охладила мне кровь. Но я не собирался этого показывать. Хвастался удалью. Всегда притворялся перед окружающими крутым парнем.

- Ты как будто ищешь повод подраться, Блэйни.

Я надеялся, что слова звучали увереннее, чем я чувствовал себя на самом деле.

- Может, так и есть.

У него была пара пистолетов и абордажная сабля на поясе, но серебро, блеск которого показался в его руках, оказалось изогнутым кинжалом, появившемся словно из ниоткуда.

Я сглотнул.

- Чего ты хочешь, Блэйни, сейчас, когда начнётся атака на корабль, и нас оставили стеречь капитана? Понятия не имею, почему ты против меня, и как сильно я тебе не нравлюсь, но, боюсь, мы уладим это в другой раз, если, конечно, у тебя нет идеи получше.

Блэйни оскалился, сверкая золотым зубом.

- О, у меня есть идеи, мальчишка. Например, этот капитан постарался сбежать, и прикончил тебя по пути. А вот ещё одна - *ты* решил помочь капитану. Развязал его руки и постарался сбежать, а я тебя остановил, и убил вас обоих. Эта даже лучше. Как тебе?

Я видел, что он говорил серьёзно. Блэйни долго ждал своего часа. Несомненно, он хотел избежать порки, которую получил бы, если бы побил меня, но сейчас были время и место, которые играли ему на руку.

Потом случилось что-то, что отрезвило меня. Я присел, чтобы взглянуть на капитана, и моё внимание что-то привлекло. На его руках был перстень с символом, который я узнал.

В день, когда я очнулся на *Императоре*, я нашёл зеркало под палубой и проверил свои раны. У меня

были порезы, ссадины и царапины. Я выглядел так, как должен был - человек, которого побили. Была одна отметина, там, где меня ударил человек в капюшоне. Его кольцо оставило след на коже. Символ креста.

И теперь я увидел тот же самый символ здесь, на кольце капитана Причарда.

Несмотря на положение мужчины, я не удержался и спросил:

- Что это?

Мой голос, чуть слишком громкий, чуть слишком резкий, привлек внимание Блэйни, и он оттолкнулся от двери каюты и прошёл глубже в комнату, чтобы посмотреть, в чем дело.

- Что именно? - спросил Причард, но Блэйни уже приблизился к нам. Он тоже заметил кольцо, но его заинтересовало не значение, а стоимость. Без промедления и не обращая внимания на боль Причарда, он сдернул перстень, содрав вместе с тем сожженную кожу с пальца.

Крики капитана стихли далеко не сразу, и когда он наконец замолк, его голова поникла и опустилась на грудь, а слюна длинной нитью растянулась до пола каюты.

- Отдай мне кольцо, - сказал я Блэйни.

- С чего бы это?

- Ну же, Блэйни... - произнес я, но затем снаружи послышалось громкое "Вижу корабль!"

Наша вражда не забылась, но ее пришлось отложить на какое-то время.

- Жди здесь, - сказал Блэйни, заточив свой кинжал, и вышел из каюты посмотреть, что случилось.

В дверном проеме глазам открылась картина внезапной паники, но как только корабль накренился, дверь наглухо захлопнулась. Я переместил взгляд с нее на капитана Притчарда, стонавшего от боли. Я никогда не хотел быть пиратом. Я был пастухом из Бристоля. Да, я искал приключений, но честными путями, а не грязными. Я не был преступником или бандитом. Я никогда не хотел иметь ничего общего с пытками невинных людей.

- Развяжи меня, - сухим и полным боли голосом сказал капитан. - Я смогу помочь тебе. Я могу обеспечить тебе помилование.

- Сначала расскажи о кольце.

Капитан Притчард медленно мотнул головой из стороны в сторону, словно желая стряхнуть боль.

- Кольцо? Какое кольцо?.. - спросил он, совершенно сбитый с толку, пытавшийся понять, с чего этот палубный матрос задал такой неуместный вопрос.

- Некто, кого я считаю своим врагом, носил кольцо точно как у тебя. Мне нужно знать, что оно означает.

Он собрался. Он говорил хрипло, но взвешенно.

- Оно означает великую мощь, мой друг, такую великую мощь, которая может тебе помочь.

- А что если эту великую мощь использовали против меня?

- И это тоже можно будет уладить.

- Чувствую, ее уже использовали против меня.

- Освободи меня, и я своим влиянием разоблачу их. Какое бы зло тебе не причинили, я это исправлю.

- Это касается любимой женщины. И нескольких влиятельных людей.

- Есть влиятельные люди и *влиятельные люди*. Клянусь Библией, парень, нет проблемы, которую невозможно решить. Какое бы зло тебе не причинили, это можно исправить.

Мои пальцы уже возились с его узлами, но как только веревка ослабла и сплзла на пол каюты, дверь резко распахнулась. На пороге стоял капитан Долзелл. Глаза его дико горели, а в руках сверкнула обнаженная сабля. За его спиной на корабле поднялась настоящая суматоха. Моряки, мгновения назад готовые взять "Галеру Амазонки" на абордаж настолько организованно, насколько это было возможно, почему-то носились в смятении.

Капитан Долзелл сказал всего одно слово, и этого было достаточно.

- *Каперы.*

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

- Сэр? - спросил я.

Мне повезло, что Долзелл был слишком озабочен развитием событий, чтобы задаваться вопросом, чем же я занимался, стоя позади стула, на котором сидел капитан Притчард.

- Каперы прямо по курсу, - вскрикнул он.

В ужасе я перевел взгляд с Долзелла на развязанные руки капитана Притчарда.

Притчард аж ожил. Он не мог не съязвить Долзеллу, но ему хватило ума держать руки за спиной.

- Это прибыл Эдвард Тэтч, чтобы спасти нас. Лучше беги, капитан. В отличие от тебя Эдвард Тэтч - приватир, который верен короне, и когда я расскажу ему, что здесь произошло...

Долзелл сделал два размашистых шага вперёд и вонзил саблю в живот Притчарда. Тот, нанизанный на лезвие, туго выгнулся. Его голова откинулась назад и взгляд вверх-тормашками на миг застыл на мне, и затем тело безвольно рухнуло на стул.

- Ты ничего не скажешь своему дружку, - осклабился Долзелл и вытащил саблю.

Руки Притчарда свободно повисли по бокам.

- Его руки развязаны, - Долзелл перевел обвиняющий взгляд с Притчарда на меня.

- Ваша сабля, сэр, она разрезала веревку, - ответил я, и он вроде поверил.

Капитан развернулся и выбежал из каюты. В тот же момент "Император" тряхнуло; позже я узнал, что это корабль Тэтча взял нас на таран. Одни говорили,

что капитан ринулся в бой, но удар приватирского корабля стряхнул его с палубы, и тот перелетел через планшир напрямик в воду. Другие - что капитан при мысли об эшафоте спрыгнул с борта, чтобы избежать поимки.

В комнате навигатора я взял абордажную саблю и пистолет, который засунул за пояс, затем выскочил из кабины на палубу.

Бой на корабле шёл полным ходом. Каперы взяли нас на абордаж с правого борта, а моряки *"Галеры Амазонки"* воспользовались возможностью дать отпор с левого. Нас было безнадежно меньше, и я, когда еще только полез в драку, понял, что мы уже проиграли. По всей палубе, казалось, разлилась река крови. Куда бы я не взглянул, везде лежали моряки, с которыми я служил, мёртвые или умиравшие на планшире, с телами, исполосованными алыми ранами. Остальные все ещё сражались. Грохотали мушкеты и пистолеты, постоянно звенела сталь, умиравшие кричали от адской боли, и буканьеры издавали боевые кличи.

Но, тем не менее, каким-то образом я избежал сражения. Я никогда не был трусом, но я не уверен, что обменялся более чем парой ударов с врагом до того, как битва, казалось, завершилась. Многие из наших были мертвы. Остальные начали опускаться на колени, бросая сабли на палубу и надеясь, несомненно, на милосердие наших врагов. Кто-то все еще бился, включая старпома, Трэффорда, и рядом с ним был моряк, которого я не знал; вроде его звали Меллингом. Я увидел, как двое из нападавших буканьеров накинута на Меллинга и ударили саблями с такой силой, что, каким бы ты не был умельцем в

фехтовании, отразить нападение бы не удалось. Он, с заметными ранами и порезами на лице, оказался прижат к лееру, и затем раздался его крик - те двое пронзили его.

Там был Блейни. И еще, не очень далеко, там стоял капитан каперского судна - мужчина, имя которого, как я потом узнал, было Эдвард Тэтч, и который станет известен всему миру как Черная Борода. Он был таким же, как и говорят в легендах: высокий и худощавый с толстыми темными волосами, хотя его борода тогда еще была не столь длинной. Он полез в драку; его одежда забрызгалась в крови, и сабля была алой от нее. Он с одним из своих людей пробрались вперед по палубе, и вышло так, что я оказался с двумя из наших - с Трэффордом и Блейни.

Блейни. Иначе и быть не могло.

Сражение пришло к концу. Блейни переводил взгляд с меня на Трэффорда и затем на Тэтча. В его голове мгновенно зародилась идея, и он тут же высказал ее капитану Тэтчу.

- Сэр, разрешите мне прикончить их за вас? - спросил он и указал концом сабли на меня и Трэффорда. Для меня он припас особенно зловещую ухмылку.

Мы оба уставились на него, совершенно не веря собственным ушам. *Как он мог так поступить?*

- Ты, подлая трюмная крыса! - крикнул Трэффорд, возмущившись от предательства. Он кинулся к Блейни, замахнувшись саблей скорее и надеясь попасть, а не целясь, если только, конечно, он не целился умереть, ведь именно это и случилось.

Блейни легко увернулся и в то же время исподтишка рассек своей саблей рану на груди Трэфффорда. Рубашка старпома порвалась и залилась кровью. Он хрюкнул от боли и удивления, но это не удержало его от второй и, к сожалению для него, еще более необдуманной атаки. Блейни наказал его за эту оплошность, вновь занеся саблю. Он полосовал Трэфффорда по лицу и груди, удар за ударом, и он не остановился даже после того, как Трэфффорд выронил свою саблю, упал на колени и, источая жалобный скулеж и пуская кровавые пузыри, упал ничком на палубу и больше не шелохнулся.

На палубе стало тихо; каждый, кто выжил, поглядывали в то место, где стояли Блейни и я, зажатые между врагами и каютой капитана. Казалось, будто только мы остались в живых.

- Мне прикончить его, сэр? - спросил Блейни.

Не успел я среагировать, как кончик его сабли оказался у моего горла. Он снова ухмыльнулся.

Толпа расступилась вокруг Эдварда Тэтча, и он вышел вперед.

- Для начала скажи, - он махнул в сторону Блейни своей саблей, с которой все еще стекала кровь нашего экипажа, - с чего это ты называешь меня сэром, парень?

Кончик сабли Блейни щекотно касался моего горла.

- Я надеюсь присоединиться к вам, сэр, - ответил он, - и доказать свою верность вам.

Тэтч перевел свое внимание на меня.

- А ты, молодчик? Что у тебя на уме, кроме гибели от сабли своего товарища? Хочешь присоединиться к моей команде капером или предпочтешь умереть пиратом от руки этого человека или же в родимой Англии?

- Я никогда не хотел быть пиратом, сэр, - быстро ответил я. (Хватит улыбаться.) - Я просто хотел подзаработать для жены, сэр, вернуться с честно заработанными деньгами домой, в Бристоль.

(В Бристоль, из которого меня изгнали, и для жены, с которой мне запрещалось видеться. Но я решил не загружать Тэтча такими мелочами.)

- Само собой, - рассмеялся Тэтч и взмахом руки указал на толпу захваченных моряков позади него, - и, полагаю, точно так же можно сказать за любого выжившего из вашей команды. Каждый поклянется, что никогда не собирался становиться пиратом. Скажут, что был приказ капитана, что их вынудили пойти на это против воли.

- Он правил железной рукой, сэр, - сказал я. - Любой, кто сказал так, говорил правду.

- Соизволь ответить, как же вашему капитану удалось вовлечь вас в пиратство? - требовательно спросил Тэтч.

- Он сказал, что мы всяко станем скоро пиратами, сэр, когда подпишут договор.

- Ну, он скорее всего прав, - задумчиво вздохнул Тэтч, - я не отрицаю. Но это все же не оправдание. - Он улыбнулся. - Не пока я капер, поклявшийся защищать и помогать флоту Ее Величества, а это включает

защиту кораблей вроде "Галеры Амазонки". А теперь, ты же не фехтовальщик, парень?

Я мотнул головой, мол, нет.

Тэтч сдавленно посмеялся.

- Ага, это очевидно. Хотя это и не помешало тебе броситься здесь на этого человека, да? Ты же знал, что ты встретишь свой конец от его сабли. Зачем полез?

Я ощетинился.

- Блейни предал нас, сэр, это привело меня в ярость.

Тэтч вонзил конец своей сабли в палубу, положил свои руки на гарду и перевел взгляд с меня на Блейни, который добавил осторожность к привычному выражению злобного непонимания на лице. Я знал, каково ему было. По поведению Тэтча невозможно было определить, к кому он был расположен. Он просто смотрел то на меня, то на Блейни, снова и снова. На меня, на Блейни - и опять.

- У меня идея, - прорычал он наконец, и все на палубе, казалось, облегченно вздохнули. - Давайте решим это дело дуэлью. Что скажете, ребята?

Подобно чаше весов, настроение команды возросло, а мое - упало. Я умел просто махать саблей. Блейни, напротив, был умелым фехтовальщиком. Он мог решить это дело за один удар сердца.

Тэтч хихикнул.

- Но не на саблях, ребята, потому что мы уже видели, что этот малый определенно умеет обращаться с саблей. Нет, я предлагаю кулачный бой. Никакого оружия, ножей в том числе, а, как тебе такое, парень? Подходит?

Я кивнул, мол, да, и подумал, что мне бы подходило больше всего избежание драки вообще, но такой бой был наилучшим из того, что могло мне выпасть.

- Прекрасно. - Тэтч хлопнул в ладоши, и его сабля дрогнула в доске. - Тогда давайте начнем. Вперед ребята, встанем в круг, пусть эти два джентльмена займут его.

Шел 1713 год, и я был уверен, что вот-вот умру.

Так подумать, это ведь было девять лет назад, да? Должно быть, это был тот год, когда ты родилась.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ

- Тогда начнем, - скомандовал Тэтч.

Все вскарабкались на снасти и забрались на мачты. Моряки расположились на канатах и верхних палубах всех трех кораблей - каждый вытягивался, пытаясь увидеть происходящее получше. Работая на публику, Блейни снял с себя рубаху и остался в одних штанах. Зная, что мой торс был тощим, я сделал то же самое. Затем мы подняли кулаки, опустили локти и уперлись друг в друга взглядами.

Мой противник широко улыбнулся за поднятыми предплечьями - его кулачищи были вдвое больше свиной ляжки и во столько же раз тверже. Костяшки пальцев напоминали носы статуи. Нет, это был далеко не бой на саблях, которого так хотел Блейни, но он был не сильно хуже. Это был его шанс стереть меня в порошок с согласия капитана. Шанс избить меня до смерти не рискуя отведать девятихвостки.

С палуб и снастей донеслись крики членов экипажа, жаждавших увидеть зрелищный бой. Под "зрелищным" я имею в виду кровавый. Одних улюлюканий не хватало, чтобы определить, был ли у них фаворит, но я попытался подумать, как они: что бы я хотел увидеть на их месте? Я бы хотел увидеть *спорт*.

"Значит, - подумал я, - покажем им спорт." Я поднял кулаки и подумал о том, какой же занозой в заднице был этот Блейни с самого момента, как я ступил на борт. Никто, кроме него. Только он. Этот тупой, как свиное дерьмо, кретин. Все время, что я провел на корабле, я потратил на то, чтобы избегать Блейни, и гадать, почему же он меня ненавидел,

потому что я не был тем противным выскочкой, каким был дома. Жизнь в море укротила эту часть меня. Даже осмелюсь сказать, что я немного вырос, помудрел. Что я этим хочу сказать: у него не было реальных *причин* меня ненавидеть.

В тот момент до меня дошло, почему он меня ненавидел. Он ненавидел меня *потому*. Просто потому. Он бы точно так же ненавидел любого другого, не окажись меня рядом. Какого-нибудь юнгу, возможно, кого-нибудь из чернокожих. Ему просто нравилось ненавидеть.

И за это я, в свою очередь, возненавидел его, и я направил эту ненависть в русло. Недоумевал, откуда пришла его враждебность? Я обратил это в ненависть. Пытался не оказаться у него на пути день за днем? Я обратил это в ненависть. Приходилось терпеть эту глупую, тупую рожу? Я обратил это в ненависть.

Поэтому первый удар был за мной. Я сделал шаг вперед, и меня будто прорвало. У меня было преимущество в скорости и росте, я наносил удары из-под его кулаков, выставленных в защиту, и бил изо всех сил в солнечное сплетение. Он *охнул* и нетвердо попятился. Скорее от удивления, нежели от боли, он ослабил стойку, и я занес левый кулак в то место над правым глазом, ударить куда, как я думал одну сладкую секунду, было бы достаточно, чтобы прикончить его.

Раздался рев одобрения и жажды крови. Удар вышел хороший, егохватило, чтобы открыть рану, из которой начала течь по лицу стабильная струя крови. Но, увы, его не хватило, чтобы завалить Блейни. Напротив, то злобное непонимание, что он всегда

носил на лице, стало еще более глухим. Еще более злобным. Я нанес ему два удара, а он - ровным счетом ноль. Он даже с места не сдвинулся.

Я быстро шагнул назад. Я никогда мастерски не маневрировал ногами в бою, но на фоне Блейни я был шустрым. Плюс к тому, у меня было преимущество. Первая кровь осталась за мной, и меня поддерживала толпа. Давид против Голиафа.

- Ну же, жирный ублюдок! - задиристо произнес я. - Ну же, ты же этого хотел с той самой минуты, как я оказался на корабле. Посмотрим, каков ты, Блейни.

Члены экипажа слышали меня и крикнули в знак одобрения, возможно чисто за смелость. Краем глаза я увидел, как Тэтч откинул голову назад и захохотал, придерживая живот рукой. Блейни пришлось действовать, чтобы сохранить лицо. И стоит отдать ему должное. Он действовал.

Пятница как-то сказал мне, что Блейни искусно владел саблей, и что он был бесценным членом в абордажной команде. Но Пятница не упомянул, что Блейни и в кулачном бою был не промах, и я по каким-то причинам никогда и не предполагал, что он что-то смыслил в боксе. Но одна из крупниц морской мудрости гласила "никогда не предполагай" и, по крайней мере в тот раз, я забил на нее. Моя самоуверенность в очередной раз причинила неприятности.

Как быстро толпа поменяла своего фаворита, стоило Блейни нанести удар. Никогда не падай в бою. Это - единственное золотое правило. Но у меня особо не было выбора, когда я почувствовал его кулак. У меня зазвенело в голове, я упал на палубу на четвереньки и

сплюнул зубы, нанизанные на нить из крови и слизи. Картина перед глазами затряслась и размылась. Само собой, меня били до этого, причем много раз, но никогда, *никогда* так сильно.

Посреди прилива острой боли и ревущих зрителей - ревущих в жажде крови, которую Блейни намеревался им дать с большим удовольствием - он склонился ко мне и поднес свое лицо так близко, что до меня донеслось его зловонное дыхание, которое разносилось подобно густому туману поверх почерневших и прогнивших зубов.

- Жирный ублюдок, да? - спросил он, и его рот изогнулся в улыбке. Я почувствовал влажный слизистый плевок на лице. Что стоит сказать о словах "жирный ублюдок", так это то, что они всегда срабатывают.

Затем он выпрямился, и его сапог оказался так близко к моему лицу, что я смог разглядеть паутинообразные трещинки в коже. Все еще силясь стряхнуть боль, я приподнял руку в жалкой попытку защититься от неизбежного пинка.

Но Блейни целился не в лицо, а в живот, и он пнул так сильно, что меня подбросило в воздух, после чего я снова оказался на палубе. Краем глаза я увидел Тэтча, и, возможно, я позволил себе помечтать, что он был на моей стороне, но он хохотал так же громко над моей неудачей, как когда я бил Блейни. Я еле-еле повернулся на бок и увидел, что Блейни шел ко мне. Толпа хотела крови, они кричали об этом. Он поднял ногу, чтобы добить меня, и спросил Тэтча:

- Сэр?

Пошло все к черту. Я ждать не собирался. С хрипом я схватил его ногу, крутанул ее и отправил его валяться на палубу. По рядам зрителей пронесся трепет возобновленного интереса. Свистки и крики. Вопли одобрения и недовольства.

Им было плевать, кто выиграет. Они просто хотели зрелища. Блейни лежал, и, чувствуя свежий прилив силы, я бросился на него с тумаками, надавливая в то же время коленями на пах и диафрагму. Я боролся как ребенок в приступе истерики, надеясь, что мне удастся прикончить его удачным ударом.

Но мне не удалось. В тот день обошлось без удачных ударов. Блейни схватил меня за кулаки, вывернулся из-под меня и ударом ладони по лицу отправил меня в полет. Я услышал, как сломался мой нос и почувствовал струю крови на верхней губе. Блейни тяжело встал на ноги, и на этот раз он не собирался дожидаться разрешения Тэтча. На этот раз он собирался убить меня. В его руке сверкнуло лезвие...

Раздался выстрел пистолета, и в его лбу появилась дырка. Его рот открылся, и этот жирный ублюдок замертво упал на колени и затем, мертвый, на палубу.

Как только мое зрение прояснилось, я увидел Тэтча, протягивающего мне руку. В другой - у него был кремневый пистолет, от которого еще исходило тепло.

- У меня тут появилось свободное местечко на корабле, парень, - сказал он. - Не хочешь его занять?

Я кивнул, стоя глядя на тело Блейни. Нити дыма струились из кровавой дырки во лбу. *"Следовало убить меня, когда был шанс"*, - подумал я.

Копирование материала без указания
переводчиков и источника запрещено

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ

МАРТ, 1713.

В милях оттуда, в месте, в котором меня никогда не было и не будет - хотя, если честно, все бывает в первый раз - кучка представителей Англии, Испании, Португалии и Голландии уселись вместе, чтобы начиркать кипу договоренностей, которым предстояло изменить наши жизни, задать нам новый курс и разрушить наши мечты.

Но это было потом. А вначале я свыкался с новой жизнью - жизнью, которая мне очень нравилась.

Пожалуй, мне повезло, что Эдвард Тэтч принял меня. Называл он меня задирой, и мне кажется, ему нравилась моя компания. Он, бывало, говорил, что во мне видел надежную опору, и так оно и было, ведь это Эдвард Тэтч не дал мне скатиться по скользкой дорожке пиратства под началом капитана Долзелла, вместо которой мне оставалось только опуститься на дно океана вслед за теми беднягами. Благодаря его вмешательству, благодаря тому, что он взял меня под свое крылышко, мне подвернулась возможность сделать что-то путное из себя, вернуться в Бристоль и к Кэролайн знатным человеком, с высоко поднятой головой.

И, да - то, что мы оба знаем, что жизнь сложилась иначе, не делает это утверждение менее справедливым.

Жизнь в море в общем и целом была такой же, как и прежде, за исключением некоторых приятных моментов. Для начала, не было Блейни, конечно же. Когда я в последний раз видел эту надоедливую вошь, он погружался на морское дно, подобно мертвому

киту. Не было так же и капитана Александра Долзелла, позже я узнал, что его приговорили к смерти британцы в 1715. Без этих двоих жизнь на корабле заметно улучшилась. Это уже была жизнь капера. Мы палили по испанцам и португальцам, когда могли, и забирали трофеи, когда оказывались победителями. Я стал совершенствоваться не только как моряк, но и начал оттачивать бойцовское мастерство. От Тэтча я научился искуснее обращаться с саблей и освоился с пистолетами.

И еще от Эдварда Тэтча я научился определенной жизненной философии - философии, которую он, в свою очередь, позаимствовал у другого буканьера постарше, у человека, под началом которого Эдвард служил и который впоследствии станет и моим наставником. От человека по имени Бенджамин Хорниголд.

И где же еще мне было повстречать Бенджамина, если не в Нассау?

* * *

Портовый город Нассау на острове Нью-Провиденс для нас был чем-то вроде рая. Я не уверен, что мы когда-либо думали о нем, об этом крошечном кусочке Багамских островов, как о том, что действительно "принадлежало нам", потому что это было не по-нашему. Нассау отличался грядой крутых скал, обрамлявшей его длинный, косой берег, который уходил в мелководное море - слишком мелководное, чтобы позволить линейным кораблям Ее Величества

подойти достаточно близко для обстрела. Местный форт с холма надзирал за пестрой россыпью из хибарок, лачуг и крошащихся деревянных веранд и за пристанью, на которой мы разгружали награбленное и запасы. Там был Бенджамин Хорниголд, - а иначе и думать не приходилось, - он помогал укреплять гавань вместе с Томом Бэрроу. В Нассау была чудесная пристань, в которой наши суда наслаждались покоем от стихии и наших врагов. Еще больше затрудняло атаку с моря корабельное кладбище, на котором посаженные на мель галеры и мановары - корабли, воды для которых были слишком неглубоки - выброшенные на берег, разграбленные, часто сожженные, обнажали свои почерневшие скелеты, словно предупреждая тех, кто не знал этой ловушки.

Само собой, мне понравился Бенджамин. Он приходился наставником Черной Бороде так же, как и тот - мне, и не было на свете моряка лучше, чем Бенджамин Хорниголд.

И хотя ты, наверное, думаешь, что я говорю так только из-за того, что случится потом, тебе придется поверить мне, когда я клянусь, что это правда. Я всегда думал, что в нем было что-то чуждое, не нашего прихода. У Хорниголда была военная выправка, соколиный нос, напоминавший об английских генералах, и он одевался скорее как солдат, нежели как буканьер.

Но несмотря на это он мне нравился, и даже если не так же сильно, как Тэтч, что ж, то тогда я его ровно столько же уважал, если не больше. В конце концов, это Бенджамин помог обустроить Нассау. Он мне нравился хотя бы за это.

В июле 1713 я плавал с Тэтчем, когда квартермейстера убили на берегу. Через два месяца мы получили письмо, и меня позвали в каюту капитана.

- Читать умеешь, сынок?

- Да, сэр, - ответил я, вскользь подумав о жене, оставшейся дома.

Тэтч сидел не столько за навигаторским столом, сколько сбоку от него. Его ноги были сложены крест на крест, на них красовались высокие черные сапоги, красная повязка была обмотана вокруг его пояса, а на грудном ремне держались четыре пистолета. Перед ним валялись разные карты, но что-то подсказывало мне, что не их нужно было прочесть.

- Мне нужен новый квартермейстер, - сказал он.

- О, сэр, я не думаю...

Он разразился хохотом и хлопнул себя по ногам.

- Ага, сынок, я тоже не "думаю". Ты слишком молод, да и опыта у тебя никакого для того, чтобы быть им. Так же?

Я уперся взглядом в свои сапоги.

- Иди сюда, - сказал он, - и прочти это.

Я сделал так, как он и сказал, и прочитал краткое сообщение о сделке между Англией, Испанией, Португалией...

- Это значит... ? - спросил я, когда закончил.

- Это и значит, Эдвард, - ответил он (и это был первый раз, когда он обратился ко мне по имени, а не по прозвищам типа "сынок" или "парень" - более того, я не припомню, чтобы он с тех пор обращался ко мне по прозвищам вообще). - Это значит, что твой капитан

Александр Долзелл был прав, и каперство как таковое накрывается медным тазом. Я сделаю объявление для экипажа позже. Пойдешь за мной?

Я бы пошел за ним хоть на край света, но об этом решил умолчать. Я просто кивнул, будто у меня было много вариантов.

Он взглянул на меня. Все эти черные волосы и борода придавали его глазам какой-то особенно пронизательный блеск.

- Ты станешь пиратом, Эдвард, тебя будут разыскивать. Ты уверен, что хочешь этого?

Сказать по правде, не хотел, но был ли у меня выбор? Я не мог вернуться в Бристоль. Я не мог осмелиться явиться туда без золотых гор за спиной, а единственным способом добыть эти самые золотые горы было пиратство.

- Мы направим курс на Нассау, - сказал Тэтч. - Мы обещали встретиться с Бенджамином. если такое когда-нибудь случится. Осмелюсь предположить, что мы объединим силы, так как мы оба потеряем членов экипажа сразу после объявления этой новости.

- Я бы хотел, чтобы ты остался рядом, Эдвард. Ты храбр, у тебя большое сердце и ты умеешь драться, и я всегда смогу найти место для знающего грамоту.

Я, польщенный, кивнул.

Но когда я вернулся к своему гамаку и остался один, я закрыл глаза от страха, что у меня могут покатиться слезы. Я ушел в открытое море не для того, чтобы стать пиратом. Да, конечно, я видел, что у меня не было выбора, кроме как ступить на эту стезю. Остальные собирались ступить, включая Тэтча. Но

даже если так, я не хотел такой жизни для себя. Я хотел стать знатным человеком, а не преступником.

Но, повторяюсь, я понимал, что альтернативы не было. С того момента я бросил всякие планы о возвращении в Бристоль человеком достоинства. Наилучшее, на что я мог уповать - это вернуться в Бристоль человеком с достатком. Теперь мне надо было сколотить состояние. С того момента я стал пиратом.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ

Июнь, 1715 год.

На свете нет ничего оглушительнее звука залпа пушек на лафете. Особенно, когда он раздается прямо возле твоего уха.

Ощущения, как будто бы в тебя ударило ничто. Ничто, которое словно хочет раздавить тебя, и ты не можешь понять, то ли тебя обманывают глаза, шокированные и ослепленные взрывом, то ли мир и вправду качается. Может, это даже не имеет значения. Может, верно и то, и другое. Но суть в том, что мир и вправду качается.

Где-то ударяет снаряд. Доски лодок разбиваются вдребезги. Люди с оторванными руками и ногами и люди, которые за несколько мгновений до смерти успевают посмотреть вниз, чтобы увидеть, что другую половину их тела разнесло выстрелом, начинают кричать. Всё, что ты слышишь сразу после - это громкий скрежет поврежденного корпуса и крики умирающих.

Твоя реакция будет зависеть от того, как близко ты оказался к месту взрыва. Я бы не сказал, что можно привыкнуть к залпу пушек, к тому, как он словно оставляет дыру в твоём мире, но суть в том, что надо очухаться быстро. Быстрее, чем твой противник.

Мы были у берегов мыса Буэна-Виста на Кубе на корабле под командованием человека, известного как капитан Брама, когда на нас напали англичане. Мы звали англичанами любых моряков на бригантинах,

несмотря на то, что наша команда состояла в основном из тех же англичан. Я и сам был англичанином по рождению, по духу. Но для пирата это не имело значения. Ты был врагом Его Величества (король Георг сменил на троне королеву Анну), врагом Короны, а, значит, врагом флота Его Величества. Поэтому, когда мы видели флаг с красным крестом на горизонте, фрегат, несущийся к нам по волнам океана, и людей, метавшихся туда-сюда по палубе, то кричали: "Вижу корабль! Англичане атакуют! Англичане атакуют!", не вдаваясь в детали относительно нашей национальности.

Остаться в живых было важнее.

Этот настиг нас быстро. Мы пытались развернуться и установить расстояние между нами и его пушками с шестифунтовыми ядрами, но он налетел на нас, обрезав нос судна. Фрегат был так близко, что мы могли разглядеть глаза членов экипажа, отблеск их золотых зубов, отблеск серебра в их руках под лучами солнца.

Пушки фрегата дали залп, и по бокам корабля за клубился дым. В воздухе раздался свист стали. Когда ядро нашло свою цель, корпус нашего корабля громко заскрипел. То был дождливый день, но дым пороха превратил его в дождливую ночь. Порох заполнял легкие, мы задыхались и кашляли, пытаясь отхаркнуть эту гадость. Паника и беспорядок на корабле разрастались.

А потом наступило чувство, будто мир вокруг тебя рушится, затем - шок, и начинаются секунды, когда ты гадаешь, может, в тебя попали, и ты умер, и, наверное, вот так и выглядят небеса. Или, скорее всего -

по крайней мере, в моём случае - ад. И, наверное, это и впрямь должен быть ад, ведь именно в аду дым, пламя, и боль, и крики. Так что не так уж и было важно, умер ты или нет. В любом случае, ты был в аду.

Когда прогремел первый взрыв, я закрылся руками. Удачно. Я почувствовал, как в руки вонзились осколки раздробленного дерева, которые, не защитись я руками, впились бы мне в лицо и глаза. Сила удара была такой, что я попятился назад, споткнулся и упал.

Они воспользовались кнйпшлем - большим железным зарядом, способным проделать дыру на фактически любой поверхности при нужном расстоянии. Они делали свою работу. Англичанам было незачем брать нас на абордаж. Будучи пиратами, мы старались причинить нашим целям как можно меньший урон. Нас интересовал абордаж и грабеж, который мог длиться несколько дней, если была необходимость. Трудно было грабить тонущий корабль. Но англичане - или именно этот экипаж, по крайней мере - либо знали, что у нас на борту не было ничего ценного, или им было все равно, они просто пытались нас уничтожить и делали это чертовски хорошо.

Еле поднявшись на ноги, я почувствовал, как что-то теплое потекло по моей руке и, когда посмотрел, увидел кровь, сочившуюся от щепки на палубные доски. С гримасой боли я, потянувшись, вырвал из руки деревяшку и бросил ее на палубу. Едва-едва осознавая всю боль, я прищурился сквозь дым пороха и хлеставший ливень.

Английский фрегат проплыл мимо правого борта, и волна ликования прошла по его экипажу.

Раздались выстрелы и свистки мушкетов и кремневых пистолетов. На палубу дождем полетели химические шашки и гранаты, которые, взрываясь, усугубили беспорядок и повреждения, удушающий дым накрыл нас, как саван. Особенно отличились шашки - они источали отвратительный серный газ, опустивший моряков на колени и превративший воздух в густой черный дым, сквозь который стало трудно смотреть, оценивать расстояние.

Несмотря на это, я увидел его, человека в капюшоне, стоявшего на баке их корабля. Его руки были сложены, он стоял смирно в своем одеянии, всем своим поведением демонстрируя полнейшее безразличие к происходящему вокруг. Я понял все это по его осанке и по глазам, которые блестели из-под капюшона. По глазам, взгляд которых на секунду застыл на мне.

Потом наших противников поглотил дым - корабль-призрак, окутанный туманом из клубов пороха, шипящего дождя и удушающих паров химических шашек.

Меня окружал треск древесины и крики людей. Мертвые были везде, валявшиеся обломки досок были омыты в их крови. Сквозь мусор на главной палубе виднелась вода, заполнявшая нижнюю палубу, а сверху раздался жалобный скрип древесины и разрыв вант. Я взглянул наверх и увидел, что наша главная мачта была полуразрушена цепными ядрами. Мертвый дозорный, большая часть головы которого была снесена, свисал на ногах с марсовой площадки, и моряки уже сдирали канаты, чтобы попытаться отодрать поломанную половину мачты, но они

опоздали. Корабль уже кренился, погружившись в воду, словно толстая женщина, принимавшая ванну.

Наконец, достаточная часть дыма исчезла, и мы увидели, что британский фрегат возвращался, описывая длинное кольцо, чтобы воспользоваться орудиями правого борта. Но затем удача отвернулась от него. Не успел корабль спуститься под тот же ветер, что разогнал дым, как он стих, и пухлые паруса распрямились, а фрегат остановился. Нам предоставили второй шанс.

- К пушкам! - крикнул я.

Те члены экипажа, что еще держались на ногах, с трудом пробрались к орудиям. Я занял позицию у фальконета, и мы дали бортовой залп, защититься от которого у напавшего фрегата не было возможности, и наш выстрел нанес почти такой же урон по ним, какой их - по нам. Настал наш черед ликовать. Поражение обернулось, если не сказать, что победой, то хотя бы удачным побегом. Возможно, среди нас появились и те, кто задумался о том, какие сокровища лежали на борту британского судна, и я увидел пару наших ребят - тех еще оптимистов - с абордажными крюками, топорами и свайками, готовых притянуть корабль и начать бой на корабле.

Их планы разрушило то, что случилось в следующий миг.

- *Боеприпасы*, - крикнул кто-то.

- Корабль взлетит на воздух.

За этой новостью последовали крики, и я, взглянув со своей позиции у фальконета на носовую часть, увидел пламя у пробоины корпуса. В этот

момент с кормы раздались крики капитана, а с противоположной стороны корабля, с полюта, человек в робе бросился в бой. В буквальном смысле. Он расправил руки, и одним прыжком оказался на леере, а в следующий миг - скачком пересек его поперек.

В какой-то момент в воздухе он - с расправленной робой позади, с руками, вытянутыми, как крылья - напомнил мне об орлах.

Затем я увидел, как капитан Брама упал. Склонившись над ним, человек в капюшоне отстранил руку, и в его рукаве промелькнул скрытый клинок.

Этот клинок приморозил меня к месту на секунду. Языки пламени с горевшей палубы оживляли его. А потом человек в капюшоне вонзил его глубоко в капитана Брамму.

Я стоял и смотрел, моя рука держала саблю. Я едва слышал крики экипажа, доносившиеся позади, они пытались потушить огонь, подползавший к боеприпасам.

"Они взорвутся," - отвлеченно подумал я, рисуя в воображении бочки с порохом, хранившиеся там. "Боеприпасы взорвутся". Корабль англичан подплыл достаточно близко, и взрыв запросто мог сделать дыры в корпусах обоих кораблей. Я думал обо всем этом, но эти мысли были далекими. Я был заморожен тем, что делал этот человек в капюшоне, загипнотизирован этим посредником смерти, который, не замечая резни вокруг, терпеливо дождался нужного момента и нанес удар.

Капитан Брама умер - убийство завершилось. Ассасин перевел взгляд с мертвого тела капитана, и вновь наши взгляды встретились, но на этот раз что-то вспыхнуло в его чертах лица, и в следующий миг он уже вскочил на ноги, одним гибким прыжком оставив труп позади, и двинулся на меня.

Я поднял саблю, полный решимости не прощаться с жизнью так просто. Затем с кормы - со склада с боеприпасами, у которого очевидно нашим людям не удалось потушить огонь, пальцы которого добрались до запасов пороха - раздался оглушительный взрыв.

Меня подбросило с палубы прямо в воздух, и в какой-то момент я нашел покой, не зная был я жив или нет, не оторвало ли мои конечности, и в тот момент меня это и не волновало. Я не знал, куда я упаду: либо разобьюсь о корабельную палубу и сломаю спину, либо меня проткнет мачта, или я окажусь в самом сердце адского пламени со склада.

Или случится то, что и случилось - меня выбросило в море.

Может, я был жив, может - мертв, может, в сознании, а может - нет. В любом случае, я упал не слишком глубоко, но я смотрел на море снизу, на плывущие пятна черного, серого и огненно-оранжевого - от горящих кораблей. Мимо меня ко дну шли тела мертвецов, их глаза были раскрыты, будто смерть застала их врасплох. Они меняли цвет воды, в которую погружались, оставляя за собой кишки и нити сухожилий, напоминавших щупальца. Я увидел сломанную бизань-мачту, вращающуюся в воде, тела, захваченные в снастях, уходящие на морские глубины.

Я подумал о Кэролайн. Об отце. Потом вспомнил мои дни на "*Императоре*". Подумал о Нассау, на котором царило только одно - пиратский закон. И, конечно, я подумал о том, как я из капера превратился в пирата под руководством Черной Бороды - Эдварда Тэтча.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

Я думал обо всем этом, погружаясь все глубже, осознавая все, что происходило вокруг меня - тела, обломки... Осознавая, но не беспокоясь. Будто все это случилось с кем-то другим. Вспоминая это, я понимаю, что я испытал в тот короткий - и он был коротким - момент, когда я шел ко дну. В те мгновения я потерял волю жить.

В конце концов, Тэтч предостерегал меня от этой экспедиции. Он отговаривал меня. "От этого капитана Браммы хорошего не жди, - сказал он. - Помяни мое слово".

Он был прав. И я собирался расплатиться за свою жадность и глупость собственной жизнью.

Затем я обрел ее вновь. Волю идти дальше. Я ухватился за нее. Я встряхнул ее. С того момента и по сей день я держу ее близко к сердцу, и я не собираюсь отпускать ее снова. Мои ноги оттолкнулись, мои руки стрелой устремились вверх, и я поплыл к поверхности. Выскочив из воды, я раскрыл рот - чтобы глотнуть воздуха, и от картины разрухи, развернувшейся вокруг меня; остатки английского фрегата, все еще горя, пошли ко дну. По всей поверхности океана колыхались мелкие язычки пламени, которые скоро поглотит вода, везде плавали обломки и, конечно, выжившие.

Как я и опасался, начали нападать акулы, и раздались крики - сперва крики ужаса, а потом, когда прежде кружившие акулы взялись за изучение корма упорнее, - крики агонии, которые лишь усиливались по мере приближения все новых голодных хищников. Крики, которые я слышал во время сражений, какими

бы леденящими душу не были, не шли ни в какое сравнение с пронзительными воплями, разносившимися тем перепачканным сажей полднем.

Мне, как и нескольким другим счастливицам, повезло, что моих ран было недостаточно, чтобы вызвать их интерес, и я поплыл к берегу. В один момент меня ошеломила проплывавшая мимо акула, которая к счастью была слишком привлечена безумным пиром, чтобы остановиться. Мои ноги, казалось, зацепились за корягу, по ощущениям похожую на плавник, и я молился, чтобы крови, которая вытекала в воду, не хватило, чтобы отбить ее любопытство прочь от сытной приманки вдалеке. Жестоко и иронично, что на тех, кто был ранен сильнее, напали в первую очередь.

Я говорю "напали". Ты знаешь, что я имею в виду. Их съели. Поглотили. Я понятия не имею, сколько людей выжило после сражения. Но я точно могу сказать, что большинство стало пищей для акул. Я же благополучно доплыл до берега мыса Буэна-Виста, на котором я свалился, переполненный облегчением и усталый, и если бы суша не была целиком из песка, я бы наверняка поцеловал ее.

Моя шляпа пропала. Моя любимая треуголка, которую я носил, будучи мужчиной и мальчиком. Чего я не знал в тот момент, конечно же, так это того, что это был мой первый шаг к отбрасыванию прошлого, к прощанию с моей старой жизнью. Более того, при мне еще была моя сабля, и если бы мне было дано выбрать между потерей шляпы или сабли...

И вот, спустя некоторое время, в течение которого я благодарил свою счастливую звезду и слышал

затихающие крики издалека, я повернулся на спину и услышал что-то слева от себя.

Это был стон. Потянувшись, я увидел, что его обладателем был ассасин в робе. Он лег отдохнуть невядалеке от меня, и ему повезло, очень-очень повезло, что его не съели акулы, потому что, когда он перевернулся на спину, он оставил на песке багровый след. От обрывистого и учащенного дыхания его грудь вздымалась и опускалась, и он, лежа на спине, коснулся рукой живота. Его очевидно раненого живота.

- Понравилась водичка? - смеясь, спросил я.

Что-то во всей этой ситуации показалось мне забавным. Даже спустя столько лет на море во мне осталось что-то от бристоельского задиры, который не мог не разрядить обстановку, какой бы напряженной она не казалась. Он проигнорировал меня. Или, во всяком случае, проигнорировал мое замечание.

- Гавана, - простонал он. - Мне нужно в Гавану.

Я снова просиял улыбкой.

- Ну, я просто построю новый корабль, всего-то.

- Я заплачу, - произнес он сквозь стиснутые зубы. - Вы, пираты, за этим же охотитесь? Тысячу реалов.

Это привлекло мое внимание.

- Говори.

- Ты поможешь или нет? - требовательно спросил он.

Один из нас был тяжело ранен, и это был не я. Я встал, чтобы осмотреть его, проверить робу, в которой предположительно был спрятан его клинок. Мне понравился вид этого клинка. Мне казалось, что

человек, вооруженный таким клинком, мог пойти далеко, особенно в моей профессии. Давай не забывать, что до того, как склад с порохом на моем корабле взлетел на воздух, этот самый человек собирался применить этот самый клинок на мне. Можешь считать меня жестоким и безжалостным. Но, пожалуйста, пойми, что в такой ситуации человек должен делать все необходимое для выживания, и стоит запомнить урок: если ты стоишь на палубе горящего корабля и собираешься нанести удар, то закончи начатое.

Урок номер два: если начатое завершить все же не удалось, то лучше не ожидать помощи от намеченной цели.

И урок номер три: если ты все равно просишь намеченную жертву о помощи, то лучше не начинай ее злить.

Учитывая все эти причины, пожалуйста, не суди меня. Я прошу тебя понять, почему я паялся на него так хладнокровно.

- При тебе же нет этих денег сейчас, да?

Он в ответ бросил на меня взгляд, который в какой-то миг можно было назвать прожигающим. Затем, за секунду, быстрее, чем я мог того ожидать - или хотя бы представить - он вытащил карманный пистолет и навел дуло на мой живот. Не столько вид оружейного ствола, сколько шок заставил меня попятиться, и я, сделав несколько шагов назад, упал.

- Чертовы пираты, - прорычал он сквозь стиснутые зубы.

Я увидел, как палец надавил на курок. Я услышал, как ударил молоток пистолета, и закрыл глаза в ожидании выстрела.

Но он не раздался. Конечно, не раздался. В этом человеке действительно было что-то не от мира сего - его грациозность, его скорость, его одеяние, его выбор оружия - но он был все же простым смертным, и ни один смертный не в силах повелевать морем. Даже этот не смог уберечь порох от намокания.

Урок номер четыре: если ты проигнорируешь урок номер один, номер два и номер три, лучше не наводить пистолет с влажным порохом.

Утратив преимущество, убийца развернулся, помчался напрямик к границе леса, одной рукой все еще придерживая раненый живот, а другой отгораживаясь от растительности подлесья, на которую он наскочил, и пропал из виду. Какое-то мгновение я просто стоял там, не веря в собственное везение: был бы я кошкой, тогда бы я уже истратил три свои жизни из девяти, и все за день.

Не раздумывая - ну, может, *чуть-чуть* раздумывая, потому что, в конце концов, я видел его в деле, и, раненый или нет, он был опасен - я кинулся за ним в погоню. У него было то, что я хотел. Тот скрытый клинок.

Я услышал, как он шумно пробивался сквозь джунгли впереди меня и, не обращая внимания на ветки, плетями полосовавшие мое лицо, я погнался за ним. Я потянулся, чтобы не дать толстому зеленому листу размером с банджо ударить меня по лицу, и увидел на нем кровавый отпечаток руки. *Прекрасно.* Я

был на верном пути. Издали зашумели встревоженные птицы, устремившись сквозь сени деревьев наверху. Мне едва ли стоило беспокоиться о том, чтобы не потерять его: все джунгли тряслись от его неловких движений. Грациозность, казалось, пропала в неуклюжей борьбе за выживание.

- Убью, если последуешь за мной, - донеслось спереди.

В этом я сомневался. Насколько я понимал, дни, когда он убивал, подошли к концу.

Так и оказалось. Я добрался до поляны, на которой он стоял, полусогнувшись от боли в животе. Он пытался решить, каким путем продолжить бег, но, услышав, как я выбрался из леса, обернулся ко мне лицом. Обернулся медленно и болезненно, как старик, ослабленный болью в животе.

Что-то от его гордости вернулось, и слабая борьба зажглась в его глазах, когда раздался тихий скрежет, и из его правого рукава показался клинок, сверкавший в сумерках поляны.

Меня осенило, что этот клинок, должно быть, внушал страх врагам, а внушить страх врагу - все равно что одержать полпобеды. Заставь кого-либо бояться себя - вот в чем ключ. К несчастью, вместе с его днями, когда он убивал, к концу подошла и способность пугать противников. Даже с робой, с капюшоном и клинком. На нем, изможденном и сторбленном от боли, они выглядели как дешевое тряпье. Я не получил удовольствия, когда убил его, и вероятно он не заслуживал смерти. Наш капитан был жестоким и беспощадным человеком, он любил пороть плетью.

Любил так сильно, что на эту работу назначал себя. Ему нравилось, как он говорил, "делать из мужа губернатора собственного острова", что другими словами было высадкой людей на необитаемой остров. Смерть нашего капитана никто не станет оплакивать, кроме его матери. Что бы у него не было на уме, человек в робе оказал миру милость.

Но он собирался убить и меня. Урок номер один гласит, что если уж собрался кого убить, то доделай это до конца.

Уверен, он, умирая, знал об этом.

Затем я обшарил его вещи, и, да, тело было все еще теплым. И нет, я не горжусь этим, но, пожалуйста, не забывай, что я был - *и это не изменилось* - пиратом. И вот я обшарил его вещи. Из-под робы я вынул сумку.

"Хм-м, - подумал я. - *Тайное сокровище*".

Но когда я вытряхнул ее, чтобы солнце могло подсушить содержимое, я увидел... в общем, не сокровище. Там был странный куб, сделанный из хрусталя, с отверстием с одной стороны, похожим, пожалуй, на *орнамент*. (Позже я узнаю, что это, конечно, и посмеюсь над собой, за то, что принял это за простой орнамент). Я отложил некоторые карты вместе с распечатанным письмом, которое, как я понимал по мере чтения, было ключом от всего, что я хотел от таинственного убийцы.

Сеньор Дункан Уолпол,

Я принимаю ваше щедрейшее предложение и с нетерпением жду вашего прибытия.

Если вы действительно обладаете информацией, которую мы жаждем получить, то у нас есть средства, чтобы щедро вас вознаградить.

И хотя я не знаю вашего лица, я верю, что мне удастся узнать одеяния, которым ваш тайный Орден придал дурную славу.

Вследствие этого, приходите в Гавану как можно скорее и верьте, что вас встретят, как Брата. Это будет великая честь – наконец встретиться с вами, сеньор; закрепить лицо за вашим именем и пожать вам руку, называя вас другом. Ваша поддержка нашей тайной и благороднейшей цели вызывает симпатии.

Ваш скромнейший слуга,

Губернатора Лауреано Торрес-и-Айяла.

Я прочитал письмо дважды. Затем и в третий раз на всякий случай.

"Губернатор Торрес, Гавана, значит?" - подумал я.

"Щедро вас вознаградить", значит?

Начал созреть план.

Я похоронил сеньора Дункана Уолпола. Я должен был ему хотя бы это. Он покинул этот мир таким же, как и прибыл в него - голым, потому что мне нужны были его одежды, чтобы исполнить свою уловку, и его роба пришлась мне к лицу. Она превосходно сидела, и мой облик подходил задумке.

Исполнить роль по этой задумке было совсем другим разговором. Человек, которого я изображал? Что ж, я уже сказал о той ауре, что окружала его. Когда я прикрепил скрытый клинок к предплечью и попытался извлечь его, подобно Уолполу... в общем, ничего не произошло. Я попытался припомнить, как

он это делал, и повторить за ним. Легкое *движение* кисти. Что-то необычное, очевидно, чтобы клинок не запускался невзначай. Я слегка двинул кистью. Согнул руку. Подергал пальцами. И все впустую. Клинок упрямо сидел в гнезде. Он выглядел и красиво, и устрашающе, но от него не было толку, если он не работал.

Что мне оставалось делать? Носить его дальше и продолжить попытки? Надеяться, что я случайно разгадаю его тайну? Что-то мне подсказывало, что нет. Мне казалось, что этому клинку сопутствуют тайные знания. Если его обнаружат при мне, он меня выдаст.

Скрепя сердце я отбросил его, а затем обратился к могиле, подготовленной для моей жертвы.

- Мистер Уолпол, - сказал я, - соберем же твою награду.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Я наткнулся на них на берегу мыса Буэна-Виста следующим утром: шхуна на якоре у пристани, лодки, перетащенные на сушу, и разгруженные ящики, которые притащили на берег, где их сложили, причем либо подавленного вида люди, которые сидели на песке со связанными руками, либо, возможно, скучавшие английские солдаты, надзиравшие над ними. Когда я прибыл туда, третья лодка входила в док, из которой вылезло еще больше солдат, приставленных следить за пленными.

Я не был уверен, зачем этих людей связали. Они вот уж точно не были похожи на пиратов. Скорее уж на торговцев. В любом случае, когда показалась следующая гребная лодка, я собрался все разузнать.

- Капитан отправился в Кингстон, - сказал один из солдат. Как и остальные, он носил треуголку, камзол, а в руках его был мушкет. - Мы должны конфисковать корабль этого увальня и отправиться следом.

Вот значит как. Англичане захотели себе корабль. Они сами-то были не лучше пиратов.

Торговцы любили поесть почти так же сильно, как выпить. Поэтому им было свойственно полнеть. Один из пленных, тем не менее, был еще румянее и пухлее, чем его компаньоны. Это и был тот "увалень", о котором говорили англичане, его, как он потом представится, звали Стид Боннет, и, услышав слово "Кингстон", он вздрогнул и приподнял голову, которая только что была обращена к песку, и, судя по выражению лица, он гадал, как оказался в таком положении и как выберется из этой ситуации.

- Нет, нет, - сказал он, - нам надо в Гавану. Я просто торговец...

- Заткнись, чертов пират! - ответил рассерженный солдат, пнув носком песок в лицо бедняги.

- Сэр, - сжался тот, - моя команда и я просто поставили корабль на якорь, чтобы набрать воды и запасов.

Затем, по каким-то причинам, ясным только им одним, компаньоны Стида Боннета выбрали этот момент, чтобы сбежать. Или *попытаться* сбежать. Со все еще связанными руками, они поднялись на ноги и, прихрамывая, помчались к границе леса, где скрывался я, наблюдая за происходящим. В тот же момент солдаты, заметив побег, подняли мушкеты.

Пули попадали в деревья возле меня, и я увидел, как один из торговцев свалился на брызги крови и собственных мозгов. Другой тяжело упал с криком. Тем временем один из солдат направил дуло ружья на голову Боннета.

- Назови хотя бы одну причину, по которой я не должен продырявить твой череп, - рявкнул он.

Бедный старина Боннет, обвиненный в пиратстве, терявший корабль и находившийся в секундах от стального шарика в мозгу. Он сделал то, что мог человек в его положении. Она начал заикаться, невнятно бормотать что-то. Возможно даже, что он обмочился.

- Эм... эм...

Я вытащил свою саблю и выскочил из-за линии леса, спиной к солнцу. Солдат раскрыл рот. Вот уж не знаю, на что я был похож, в струящейся робе и

размахивающий саблей, но этого было достаточно, чтобы человек с ружьем замер на секунду. На секунду, которая стоила ему жизни.

Я нанес удар снизу вверх, раскрыв его камзол и выпустив его кишки на песок, и, не прерывая движение, развернулся вокруг и пересек лезвием горло другому солдату, стоявшему рядом. Двое умерли в мгновение ока, и третий собирался присоединиться к ним, когда я пронзил его саблей. И он соскользнул с нее и умер, кряхтя, на песке. Я вытащил кинжал из-за пояса другой рукой, воткнул его в глаз четвертого, и он упал на спину с криком от шока, кровь хлестала из-под рукояти, торчащей из его лица, пачкая зубы, пока он кричал.

Все солдаты израсходовали свои патроны на сбежавших торговцев, и хотя они не затянули с перезарядкой, им все равно было далеко до фехтовальщика. В этом-то и дело с солдатами Короны. Они слишком полагаются на свои мушкеты, которые идеально подходят для борьбы с туземками, но которые теряют свою эффективность в ближнем бою с драчуном, который научился своему ремеслу в тавернах Бристоля.

Следующий еще наводил мушкет, когда я расправился с ним двумя решительными ударами. Последний из солдат был первым, кому удалось выстрелить. Я услышал, как пуля пролетела мимо моего носа, и меня будто громом поразило. Я дико рубил его по руке, пока тот не выронил мушкет и не упал на колени, моля о пощаде с поднятой рукой, и я заставил его замолчать концом сабли в его горле. Он упал с булькающим звуком, его кровь залила песок

вокруг. Я стоял над его телом, и мои плечи приподнимались, пока я пытался отдышаться. Мне было жарко в робе, но я знал, что справился хорошо. Когда Боннет отблагодарил меня, сказав: "Боже правый, сэр, вы спасли меня. Чрезмерно благодарен!", он обращался уже не к Эдварду Кенуею, парню с фермы из Бристоля. Я начал с белого листа. Я стал Дунканом Уолполом.

* * *

Выяснилось, что Стид Боннет не только потерял свой экипаж, но еще и не обладал навыками мореплавания. Я спас его корабль от конфискации англичанами, но, в сущности, я присвоил его сам. Нас объединяло, по крайней мере, одно: мы оба направлялись в Гавану. Его корабль был быстр, а сам он - болтлив, но это была приятная компания, и вот мы отправились вместе во взаимовыгодном партнерстве - хотя бы на время.

Ведя судно, я расспрашивал его о себе. Я узнал, что он был богатым, но ветреным человеком, очевидно влекомый более, скажем так, *сомнительными* методами добычи денег. Как минимум он постоянно спрашивал о пиратах.

- Большинство промышляют в Наветренном проливе между Кубой и Эспаньолой, - сказал я ему и старался подавить улыбку, стоя у руля его шхуны.

Он добавил:

- Мне не стоит беспокоиться о том, что пираты могут устроить мне засаду, правда. Мой корабль мал, и у меня нет ничего особенно ценного. Сахарный

тростник и прибыль от него. Меласса, ром, все в таком духе.

Я посмеялся, вспомнив о своей команде.

- Нет такого пирата, который бы воздержался от бочонка рома.

Порт Гаваны был тихим местом, окруженным зеленым лесом и высокими пальмовыми деревьями с сочными листьями, которые мягко взмахивали на бризе, приветствуя нас, пока наша шхуна заплывала в порт. В самом городе стояли здания из белого камня и с крышами из красного шифера, выцветшие на солнце и поврежденные ветром, которые выглядели неопрятно и потрепано.

Мы пришвартовались, и Боннет принялся за свое дело, помогая поддерживать дружелюбные связи с нашими бывшими врагами - испанцами. И делал он это освященным веками дипломатическим методом - продавал им вещи.

Он, казалось, знал город, поэтому, чем выдвигаться в одиночку, я решил подождать, пока его дипломатическая миссия подойдет к концу, а затем согласился сопроводить его к трактиру. Пока мы добирались дотуда, я - старый я, который Эдвард Кенуей - понял, что он даже предвкушал оказаться в таверне. Его уже томила жажда.

Но я вовсе не желал выпить, и я размышлял над этим, пока мы шли по Гаване, петляя мимо горожан, которые спешили по залитым солнцем улицам, и наблюдаемые подозрительным людом, которые с прищуром глядели на нас с порогов. Я всего-то присвоил чужое имя и одежду, но мне казалось, будто

мне даровали второй шанс стать... ну... *человеком*. Будто Эдвард Кенуей был пробной ролью, из которой я мог извлечь ошибки. Дункан Уолпол станет человеком, которым я всегда хотел быть.

Мы дошли до трактира. Таверны из прошлого Эдварда были темными местами с низкими потолками и тенями, которые скакали и плясали на стенах, где мужчины, сидели, склонившись над пивными кружками, и подозрительно говорили, едва шевеля губами. Здесь, под кубинским солнцем сияла открытая таверна, битком набитая моряками, мускулистыми и с огрубевшей кожей на лицах от месяцев, проведенных на море, портовыми торговцами - друзьями Боннета, разумеется - и местными: мужчинами и детьми, державшими горстки фруктов на продажу, и женщинами, пытавшимися продать себя.

Когда я занял место в ожидании Боннета, который пропал, чтобы встретиться со своим человеком, на меня исподлобья взглянул грязный, пьяный палубный моряк. Возможно, ему не нравился один мой вид - после Блейни я привык к такому - или, может, он был сторонником справедливости, который неодобрительно отнесся к тому, что я отхлебнул эля уснувшего пьяницы.

- Я могу тебе чем-то помочь, друг? - спросил я, чуть опустив край кружки.

Матрос причмокнул.

- Забавно встретить валлийца глубоко в стране даго, - невнятно сказал тот. - Я сам англичанин, жду своего часа, пока следующая война не призовет меня к исполнению службы.

Я скривил рот в улыбке.

- Ну и счастливчик же этот король Георг, да? С таким-то засранцем, несущим его флаг.

Тот аж сплюнул.

- Эй, лодырь, - сказал он. На его губах заблестела слюна, когда он, вытянувшись вперед, выдохнул на меня кислый запас пойла недельной давности. - Я ж тебя видел раньше, да? Ты ж дружбан тех пиратов в Нассау, иль нет?

Я замер и бросил взгляд в сторону Боннета, стоявшего спиной ко мне, а затем осмотрелся вокруг. Не было похоже, что кто-то услышал. Я не взял в счет пьянчугу рядом со мной.

Он подался вперед, еще ближе к моему лицу.

- Это ты же? Это...

Его голос стал раздаваться громче. Пара моряков за столом неподалеку покосились в нашу сторону.

- Это *ты*, так ведь? - Он почти сошел на крик.

Я встал, схватил его, корчащегося, из-за стола и швырнул к стене.

- Заткни свою пасть, пока я не всадил в нее пулю. Понятно?

Моряк неопределенно взглянул на меня. Если он и услышал меня, то не подал виду.

Вместо этого он, прищурившись, сфокусировал зрение и сказал:

- Эдвард - тебя же так звать?

Дерьмо.

Самый надежный способ заткнуть трепача в тавернах Гаваны - это удар ножом поперек горла.

Другие способы включают в себя удар коленом в пах и метод, который выбрал я. Я ударил лбом в лицо, и его дальнейшие слова скончались на смертном одре сломанных зубов; моряк соскользнул на пол и не шелохнулся.

- Ты, ублюдок, - услышал я сзади и, обернувшись, увидел второго краснолицего моряка. Я расправил руки. *Эй, я не хочу проблем.*

Но этого было недостаточно, чтобы предотвратить удар правой рукой по моему лицу, и затем уже я попытался всмотреться сквозь багровую занавесь боли, стрелявшую со дна глаз, когда прибыли еще двое членов экипажа. Я качнулся и ударил противника, что дало мне несколько драгоценных секунд прийти в себя. Что касается той стороны Эдварда Кенуея во мне, которую я закопал поглубже, то я тогда извлек его, потому что куда бы ты не отправился, будь то в Бристоле или Гаване, драка в пабе всегда останется дракой в пабе. Говорят, повторение - мать учения, бойцовские навыки, отточенные во время пустой растраты молодости, взяли верх, и вскоре эти трое валялись в стенающей куче рук, ног и обломков мебели, годной разве что для топки.

Я все еще отряхивал с себя пыль, когда раздалось "Солдаты!" В следующий миг я уже занимался двумя вещами: во-первых, побегом со всей мочи сквозь улицы Гаваны, чтобы сбежать от вооруженных людей со свекольными лицами, при этом, во-вторых, стараясь не заблудиться.

Мне удалось и то, и это, и позже я вновь встретился с Боннетом в таверне, но узнал, что солдаты

не только конфисковали его сахар, но и сумку, что я взял у Дункана Уолпола. Сумку, которую я собирался отнести Торресу. *Дерьмо.*

С потерей сахара Боннета я мог смириться. Но не с потерей сумки.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ

Гавана - это то место, где ты можешь околачиваться без дела, не привлекая лишнего внимания. И это в самый обычный день. В день, когда вешали пиратов, от тебя не только ждут, что ты будешь слоняться на площади, где проводят казни, но и чертовски это поощряют. Союз между Англией и Испанией может и был далеко не простым, но были пункты, в которых обе стороны соглашались. Один из них заключался в том, что обе ненавидели пиратов. Второй - в том, что обеим нравилось видеть пиратов повешенными.

И вот на эшафоте перед нами стояло трое буканьеров со связанными руками, они глядели большими, испуганными глазами через силки перед ними.

Недалеко стоял испанец, которого называли Эль-Тибурон - огромный бородатый мужлан с мертвыми глазами. Человек, который никогда не говорил, потому что не мог: он был немым. Я перевел взгляд с него на приговоренных, и понял, что я не мог смотреть на них, я думал: *"Кабы не милость Божия, так шел бы и я..."*

Мы пришли не за этим, во всяком случае. Боннет и я стояли спиной к обесцвеченной от ветров стене, притворяясь, будто мы просто прохлаждались и ждали казни, и будто мы были совсем не заинтересованы в разговоре сплетничавших испанских солдат неподалеку. О, нет, конечно же нет.

- Ты все еще хочешь просмотреть груз, который мы конфисковали прошлой ночью? Говорят, там были несколько ящиков английского сахара.

- Ага, то, что взяли у барбадосского торговца.

- Дункан, - чуть шевеля губами, произнес Боннет,
- они говорят о моем сахаре.

Я взглянул на него и кивнул в знак благодарности за перевод.

Солдаты дальше начали обсуждать драку в таверне. Тем временем испанский офицер со сцены начал объявлять о казни трёх мужчин, об их преступлениях, и торжественно завершил со словами:

- Таким образом, вы приговорены к смерти через повешение.

По его сигналу Эль-Тибурон потянул за рычаг, люк открылся, тела упали, и толпа охнула.

Я заставил себя взглянуть на три качавшихся трупа, задержав дыхание на случай, если то, что мне говорили о поносе, окажется правдой. Эти тела будут выставлены напоказ на виселице по городу. Боннет и я уже видали такие в путешествиях. Они не терпели пиратов здесь и хотели, чтобы об этом знали все.

Мне было жарко в робе, но тогда я был благодарен за маскировку.

Мы ушли; наша экспедиция к эшафоту дала нам информацию, которую мы искали. Товар был в Кастильо. Значит, туда нам и было нужно.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ

Перед нами выросла бескрайняя стена из серого камня. Она действительно загораживала солнце, или это была всего лишь иллюзия? В любом случае, нам было холодно в ее тени, мы чувствовали себя заблудившимися, как два брошенных ребенка. Что стоит сказать о кубинцах, или об испанцах, или кто бы там ни отвечал за построение огромного *Castillo de los Tres Reyes Magos del Morro*, они знали, как надо строить запугивающие крепости. Ее построили около 150 лет назад, чтобы она еще и простояла, и казалось, она все еще будет на своем месте через следующие 150 лет. Я перевел взгляд с нее на море, и представил, как ее обстреливают с бортовых пушек мановаров. "Какой след оставят стальные шары установленных орудий?" - подумал я. "Почти никакой".

В любом случае, линейного корабля у меня не было. Зато у меня был торговец сахаром. Мне нужен был более скрытный способ пробраться внутрь. Преимущество, которым я обладал, заключалось в том, что никто в здравом уме не *хотел* попасть за эти темные, нависшие стены, потому что там испанские солдаты выпытывали признания из своих заключенных и, возможно, проводили поспешные казни. Только дурак захочет пойти туда, где не светило солнце, где никто не услышит твой крик. Даже несмотря на это нельзя было просто взять и войти. "Эй, парень, не мог бы ты сказать нам, где хранилище с конфискатом? Я потерял сумку, полную важных документов и со странно выглядящим кристаллом внутри".

Тогда спасибо тебе, Господи, за проституток. Не потому что я был возбужден, а потому что я увидел путь внутрь - внутрь крепости, я имею в виду. У этих дам полусвета, сидевших на деньгах, были хорошие причины быть по другую сторону тех стен, и кто бы лучше них провел нас внутрь?

- Тебе нужна подруга, *гринго*? Тебе нужна женщина? - спросила одна, подкатывая с пышной грудью, у нее были рубиново-алые губы и дымчатый взгляд, полный обещаний.

Я проводил ее в сторону от стен замка.

- Как тебя зовут? - спросил я.

- Зовут, *сеньор*?

- Ты говоришь по-английски?

- Нет, нет английски.

Я улыбнулся.

- Но на языке золота говорим мы все, так?

Да, как выяснилось, Рут говорила на языке золота. Она владела им почти в совершенстве, и то же можно было сказать о ее подруге, Жаклин.

Боннет с хитрым видом околачивался неподалеку. Все представились друг другу, и через несколько минут мы уже нагло шли к передним воротам крепости.

У ворот я оглянулся, и увидел, что городская давка, сутолока и жара, казалось, отступили, сдерживаемые зловещей каменной глыбой и высокими смотровыми башнями Кастильо, который излучал опасность, подобно мифическим чудовищам, живших, по словам моряков, на неведомых глубинах океанов:

тучные и смертельные. "*Прекрати*", - сказал я себе. У нас был заготовлен план, и нам нужно было его исполнить.

Входя в роль дюжего телохранителя, я громко постучал в двери, и мы дождались, пока их открыли. К нам вышли двое испанских солдат, державшие в руках мушкеты со штыками, они долго смотрели на нас сверху вниз: на меня и Боннета, особенно масляные взгляды они припасли для Рут и Жаклин.

Я играл свою роль. Я выглядел крепким. Рут и Жаклин играли свою роль. Они выглядели эротично. Работа Беннета состояла в том, чтобы говорить по-испански, который я понимал частично, и остальное он объяснял мне позже.

- Здравствуйте, - сказал он. - Боюсь, ни одна из моих подруг не владеет испанским, поэтому мне поручили говорить за обеих, а этот мой коллега, - он указал на меня, - он здесь, чтобы обеспечить безопасность дамам.

(*Ложь!* Я затаил дыхание, мне казалось, будто над нашими головами висел знак, объявлявший о нашем обмане. *Ложь!*)

Двое солдат взглянули на девушек, которые, подбодренные золотом, не говоря о нескольких бокалах рома, прихорашивались и вытягивали губки так профессионально, что любой бы поверил, что этим они зарабатывали на хлеб. Но этого было недостаточно, чтобы убедить стражников, и они уже собирались отослать нас прочь и позволить поглотить себя приземистой серой твари, когда Боннет сказал волшебные слова: Эль-Тибурон. Девушек пригласил

Эль-Тибурон, сам палач, объяснял он, и стражники, побледнев, обменялись нервными взглядами.

Мы видели его в деле, конечно. Не нужно обладать особыми умениями, чтобы потянуть за рычаг, но для этого нужно иметь - как правильнее выразиться? - *мрачные черты характера*, чтобы тянуть за рычаг, который открывает люк и отправляет трех людей прямиком на смерть. И так получилось, что одного лишь имени Эль-Тибурона хватало, чтобы внушить страх.

Подмигнув, Боннет добавил, что Эль-Тибурону по нраву девушки из Португалии. Рут и Жаклин, продолжая прекрасно играть свои роли, хихикали и посылали воздушные поцелуи, кокетливо поправляя бюсты.

- Эль-Тибурон - правая рука самого губернатора, - сказал один из солдат с подозрением. - С чего вы взяли, что он будет в Кастильо?

Я сглотнул. Мое сердце уперлось в грудную клетку, и я искоса взглянул на Боннета. *Грош цена его информации, ничего не скажешь.*

- Уважаемый, - улыбнулся он, - неужели ты думаешь, что эта встреча получит одобрение со стороны губернатора Торреса? Эль-Тибурону понадобится новый работодатель, если губернатор обнаружит, что он проводит время в компании проституток, и поэтому заниматься этим на собственной территории губернатора...

Боннет посмотрел по сторонам, и солдаты вытянули шеи, чтобы услышать больше.

Боннет продолжил:

- Думаю, излишне напоминать, джентльмены, что обладание этой информацией ставит вас - как бы сказать? - в *деликатное* положение. С одной стороны, вы ведаете кое-чем об Эль-Тибуроне - самом опасном человеке Гаваны, не забывайте - он заплатит, а, возможно, убьет... - здесь он сделал паузу, достаточную, чтобы донести смысл слов, - чтобы это утаить. От того, как вы поведёте себя, обладая этой информацией, несомненно зависит то, как отблагодарит вас Эль-Тибурон. Я ясно выражаюсь, джентльмены?

По мне, так он нёс какую-то бессмыслицу, но она, казалось, принесла желаемые плоды: двое стражников наконец сделали шаг в сторону и пропустили нас.

И мы вошли внутрь.

- Столовая, - сказал один из стражников, указав на ступенчатой лестницу, которая вела наверх со двора, на котором мы стояли. - Скажите им, что ищете Эль-Тибурона, вам прямо покажут, куда надо. И скажите этим дамам вести себя прилично, если только не хотите нечаянно раскрыть причину вашего визита.

Боннет как мог елеинно улыбнулся и кивнул, потом мы прошли мимо, и он хитро подмигнул мне. Мы оставили двух абсолютно одураченных солдат за собой.

Моей первой остановкой была комната с нагабленным, и я, оставив их, поднялся по ступенькам, очень надеясь, что выглядел так, будто был из крепости. По крайней мере, было тихо: не считая тех стражей, солдат было довольно мало. Большинство, казалось, собрались в столовой.

Я направился напрямиком к хранилищу, в котором я едва не запрыгал от радости, обнаружив сумку со всеми документами и кристаллом в целостности и сохранности. Я положил его в карман и оглянулся вокруг. Для хранилища здесь было удручающе пусто. Кроме сумки с несколькими золотыми монетами (которая отправилась в мой карман), там стояли ящики с сахаром. Я понял, что мы не сможем их вернуть. Прости, Боннет, но это дело подождет.

Через пару минут я вновь присоединился к ним: они решили не рисковать в столовой и вместо этого слонялись на ступеньках, напряженно ожидая моего возвращения. Боннет с таким облегчением встретил меня, что позабыл спросить о своем сахаре - придется пока воздержаться от этой роскоши - и, смахнув пот, скопившийся от волнения, с брови, он повел нас назад к проходу и затем вниз во двор, где наши друзья из стражи обменялись взглядами, завидев нас.

- Понятно. Уже вернулись?

Боннет пожал плечами.

- Мы расспросили в столовой, но там не было и следа Эль-Тибурона. Возможно, произошла ошибка. Возможно, его желания удовлетворили в другом месте.

- Тогда мы скажем Эль-Тибурону, что вы приходили, - сказал один из стражников.

Боннет одобритительно кивнул.

- Да, пожалуйста; но помните, будьте осторожны.

Стражники кивнули; один даже коснулся пальцем своего носа. С ними наша тайна останется в безопасности.

* * *

Копирование материала без указания
переводчиков и источника запрещено

Позже мы стояли в порту, корабль Боннета был неподалёку.

Я передал ему сумку, которую стащил из комнаты с награбленным в Кастильо. Она, казалось, пришлась к месту - восполнила его потерю сахара. Во мне было и что-то хорошее, знаешь ли.

- Да нет, пустяки, - сказал он, но взял сумку.

- Надолго удержишься? - спросил я.

- На несколько недель, наверное. Затем назад в Барбадос, к скучной семейной жизни.

- Не соглашайся на скуку, - сказал я, - плыви в Нассау. Живи жизнью, какую хочешь сам.

Он уже поднимался по трапу, а его новые члены экипажа готовились к отплытию.

- Я слышал, что Нассау кишит пиратами, - посмеялся он. - Кажется, очень кричащее место.

Я задумался над этим.

- Нет, не кричащее, - сказал я. - Свободное.

Он улыбнулся.

- О боже, вот было бы приключение! Но нет, нет. Я муж и отец. У меня есть обязанности. Жизнь состоит не из одних удовольствий и развлечений, Дункан.

На мгновение я позабыл о том, что принял чужое имя, и почувствовал угрызение совести. Боннет если что и сделал для меня, то только в помощь. Что овладело мною, я не знаю. Вина, наверное. Но я сказал ему:

- Эй, Боннет. Мое настоящее имя Эдвард. Дункан - это прозвище.

- Ааа... - он улыбнулся. - Тайное имя для вашей тайной встречи с губернатором...

- Да, с губернатором, - сказал я. - Кажется, я уже изрядно заставил его ждать.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ

Я направился напрямиком к резиденции губернатора Торреса, огромному особняку, расположенному за невероятно высокими стенами и железными воротами, прочь от суеты Гаваны. Там я сказал стражникам:

- Доброе утро. Мистер Уолпол из Англии прибыл на встречу с губернатором. Полагаю, он ожидает меня.

- Да, мистер Уолпол, пожалуйста, проходите.

Проще пареной репы.

Заскрипели ворота - привычный звук в жаркий летний день, и, когда я вошел, то был вознагражден впервые увиденной картиной того, как жили богатеи. Везде росли пальмы, на постаментах стояли короткие статуи, и откуда-то доносилось журчание воды. Контраст с крепостью бросался в глаза, здесь было богатство, когда там - грязь, пышность - вместо мрака.

Пара стражников, пока мы шли, держались на почтительном, но бдительном расстоянии позади, и мой ограниченный испанский позволил уловить некоторые моменты их болтовни: судя по всему, я опоздал на пару дней, судя по всему, я был "асесино", ассасином, и они как-то странно произносили это слово. Подчеркивали.

Я шел с расправленными плечами и высоко поднятым подбородком, думая только о том, что мне оставалось продлить свою уловку лишь ненадолго. Мне понравилось быть Дунканом Уолполом - я чувствовал себя освобожденным от Эдварда Кенуея, и нередко я задумывался над тем, чтобы распрощаться с этим именем навсегда. Конечно, я хотел сохранить что-то от

Дункана, сувениры, подарки на память: его роба, как минимум, его стиль боя. Его выправка.

Но в тот момент я больше всего хотел его вознаграждение.

Мы оказались во дворе, который отдаленно напоминал тот, что был в крепости, с разницей, что вместо каменистой тренировочной площадки, на которую выходили затененные каменные лестницы, здесь был оазис из статуй, сочной растительности и узорчатых галерей *паласио*, обрамлявших насыщенно-голубое небо и солнце, медленно горевшее вдали.

Там уже находились двое человек. Оба, прилично одетые, походили на людей высокого класса. *Их просто так не обманешь*. Рядом с ними стояла подставка с вооружением. Один из них целился пистолетом в мишень, а другой чистил оружие.

Стрелявший, услышав, как я и стражники вошли, обернулся, раздраженный тем, что его прервали. Слегка тряхнув плечами, он успокоился, прищурился по линии пистолета и выстрелил.

Звук раздался по всему двору. Захлопали испуганные птицы. Крошечная струя дыма исходила из центра мишени, которая слегка покачнулась на треножнике. Стрелок с кривой улыбкой взглянул на товарища и получил в ответ приподнятую бровь в знак впечатления - это был язык богачей. Затем они обратили свое внимание на меня.

"Ты - Дункан Уолпол, - сказал я себе, стараясь не ступешаться под их испытующими взглядами. - Ты - Дункан Уолпол. Опасный тип. Ровня. Ты здесь по приглашению губернатора".

- Доброе утро, сэр! - широко улыбнулся тот, что чистил пистолет. У него были длинные седеющие волосы, стянутые сзади, а лицо его говорило о долгом времени, проведенном на морском бризе. - Я правильно понимаю, что вы и есть Дункан Уолпол?

Я вспомнил манеру речи Уолпола. Культурные интонации.

- Верно, это я, - ответил я, и моим собственным ушам это казалось так фальшиво, что я почти ожидал, что человек, чистящий пистолет, наведет его прямо на меня и прикажет стражникам схватить меня на месте.

Вместо этого он ответил:

- Так и думал, - и, все еще улыбаясь, прошел через двор, чтобы предложить мне рукопожатие, твердое, как дуб. - Вудс Рождерс. Приятно познакомиться.

Вудс Рождерс. Я уже слышал о нем, и пират во мне побледнел, потому что он был бичом подобных мне. Раньше он был приватиром, и потом он провозгласил, что ненавидит тех, кто обратился в пиратство, и торжественно пообещал повести экспедицию, нацеленную на их искоренение. Таких пиратов, как Эдвард Кенуей, он предпочитал видеть на виселице.

"Но ты - Дункан Уолпол, - сказал я себе и, крепко пожимая руку, встретился с ним взглядом. - Не пират, конечно нет. Сотри в пыль эту мысль. Ты - ровня. Ты здесь по приглашению губернатора".

Какой бы успокаивающей не была эта мысль, она растворилась, когда я понял, что он не без любопытства разглядывал меня. В то же время у него на губах играла шутливая полуулыбка, будто у него в

голове сидела мысль, и он не был уверен, делиться ею или нет.

- Должен признаться, моя жена совсем не умеет описывать людей, - сказал он, очевидно поддавшись любопытству.

- Простите?

- Моя жена. Вы встречались с ней пару лет назад на маскараде у Перси.

- Ах, да...

- Она сказала, что вы "дьявольски красивы". Очевидно, солгала, чтобы вызвать мою ревность.

Я сделал вид, что посмеялся над шуткой. Я должен был чувствовать себя оскорбленным, что он не считал меня "дьявольски красивым"? Или я должен был довольствоваться тем, что общение пошло в свое русло?

Посмотрев на его ружье, я выбрал второе.

Затем меня представили второму человеку, смуглому французу с бдительным взглядом, его звали Жюльен ДюКасс. Он называл меня "почетным гостем" и говорил о каком-то "ордене", в который я должен был вступить. Снова меня называли ассасином. И снова на этом слове сделали странный акцент, смысл которого я не мог понять.

Асесино - ассасин - ассасин.

Он интересовался честностью моего обращения в некий «орден», и я мысленно вернулся к письму Уолпола: *"Ваша поддержка нашей тайной и благороднейшей цели вызывает симпатии"*.

"Какой могла быть эта "тайная и благородная цель" тогда?" - подумал я.

- Я вас не разочарую, - неопределенно сказал я. Сказать по правде, я не имел ни малейшего представления, о чем он говорил. Я просто хотел отдать сумку одной рукой и получить пухлый кошель с золотом во вторую.

Не понимая, что происходило вокруг, мне хотелось идти дальше, потому что тогда мне показалось, что моя уловка вот-вот собиралась обернуться крахом. Наконец я с облегчением заметил, что лицо Вудса Роджерса растянулось в улыбке - той же улыбке, несомненно, с которой он думал о повешении пиратов - и он похлопал меня по спине и настоял на том, чтобы я принял участие в стрельбе.

Да с удовольствием. Готовый сделать что угодно, чтобы они отвлеклись от меня, я занял их беседой.

- Как поживает ваша жена, капитан Роджерс? Она здесь, в Гаване?

Я затаил дыхание, готовясь к худшему из того, что он мог ответить: *"Да! Вот и она! Дорогая, ты же помнишь Дункана Уолпола, да?"*

Вместо этого он произнес:

- О, нет. Нет. Последние два года мы провели в разлуке.

- Прискорбно слышать об этом, - сказал я, думая о том, какие потрясающие это были новости.

- Думаю, она в порядке, - продолжил он, с нотками тоски в голосе, которые напомнили о моей потерянной любви, - но... точно сказать не могу. Я

провел в Мадагаскаре четырнадцать месяцев, охотясь на пиратов.

Ага, слышал.

- Вы имеете в виду Либерталию, пиратский городок?

Была такая Либерталия в Мадагаскаре. Согласно легенде, капитан Уильям Кидд остановился там в 1697 и потерял половину команды - остальные соблазнились образом жизни пиратской утопии, девиз которой был "за Бога и свободу" с ударением на свободу. В ней они щадили пленных, убивали как можно меньше, честно делились останками животных, независимо от ранга и положения.

Звучало уж слишком красиво, чтобы быть правдой, и многие считали, что место было выдумкой, мифом, но я верил в его существование.

Роджерс рассмеялся.

- Когда я прибыл на Мадагаскар, то увидел то, что было чуть лучше грустной оргии. Приют бандитов. Даже дикие псы были будто пристыжены его состоянием. Что же касается двадцати или тридцати людей, что жили там, то трудно сказать, что они были в обносках, так как большинство не носило вообще ничего.

Я подумал о Нассау, в котором таких низких нравов не терпели - по крайней мере до захода солнца.

- И что вы сделали с ними? - спросил я, изображая самую невинность.

- Все просто. Большинство пиратов тупы, как обезьяны. Я всего-навсего предложил им выбор... Принять помилование и вернуться в Англию без гроша

в кармане, но свободными, или быть повешенным за шею до смертельного исхода. Выгнать преступников оттуда удалось не сразу, но мы справились. В будущем я надеюсь применить ту же тактику в Вест-Индии.

- Ааа, - сказал я. - Полагаю, Нассау станет вашей следующей целью.

- Вы прозорливы, Дункан. Да, так и есть. Смысл в том... Когда я вернусь в Англию, я надеюсь подать прошение королю Георгу в надежде стать его агентом на Багамах. В роли губернатора, не меньше.

Вот значит как. Нассау *был* следующим этапом. Место, о котором я начал думать, как о духовном доме, было под угрозой - корабельной пушки, мушкетного шарика или может росчерка пера. Но все равно под угрозой.

Мне удалось отличиться на стрельбище и, в общем и целом, я остался доволен собой. Мои мысли снова вернулись к награде. Как только я получу деньги, я смогу вернуться в Нассау и тут же предупредить Эдварда и Бенджамина о том, что тот самый Вудс Роджерс точит зуб на нашу маленькую пиратскую республику. Что он идет за нами.

Затем открылась коробка, и я услышал, как Роджерс сказал:

- Чудесно. Вы великолепный стрелок, Дункан. Полагаю, вы с пистолетом управляетесь так же умело, как с вашим клинком на кисти.

"Клинок на кисти", - отдаленно подумал я. *Клинок на кисти?*

- Если б он еще у него был, - сказал ДюКасс, пока я всматривался в наборы скрытых клинков из коробки -

клинков, похожих на те, что я нехотя выбросил на пляже мыса Буэна-Виста. - Дункан, где ваши клинки? Никогда не видел ассасина с таким скудным арсеналом.

Снова: ассасин. Как если бы он сказал, *ассасин*.

- К сожалению, сломались, не починишь, - ответил я.

ДюКасс указал на набор в коробке.

- Тогда выбирайте, - промурлыкал он. Это из-за его французского акцента или он намеренно произнес это скорее как угрозу, чем как предложение?

Я задумался, откуда были эти клинки. От других ассасинов, очевидно. (Но ассасинов или *ассасинов*?). Уолпол был одним из них, но он собирался перейти в другое братство. Предатель? Но что это был за "орден", к которому он хотел примкнуть?

- Сувениры, - сказал Жюльен.

Клинки мертвецов. Я потянулся к коробке и вытащил один. Клинок сверкал, и его крепления подошли к моей руке. И потом меня осенило. Они хотели, чтобы я воспользовался ими, увидеть меня в деле. Неважно, была ли это проверка, или они делали это ради спорта. В любом случае они хотели, чтобы я показал свое умение обращаться с оружием, которым я никогда раньше не пользовался.

Не успел я поздравить себя с тем, что выкинул эту штуку ко всем чертям (она бы выдала меня!), как тут же начал проклинать за то, что не сохранил ее (я успел бы поучиться на нем и уже освоиться).

Я расправил плечи в робе Дункана Уолпола. Самозванец. И вдруг я должен был стать им. Я должен был действительно *стать* им.

Они следили за мной, пока я скреплял ремнем клинок. Несмешная шутка о том, что я давно не применял его, вызвала вежливые, но невеселые смешки. Закрепив его, я позволил рукаву упасть, и, пока мы шли, я поправлял кисть руки, нащупывая предательский запуск клинка.

Клинок Уолпола был мокрым в день, когда мы боролись. Кто знает - может, он действительно был сломан. Будет ли этот, смазанный и блестящий, менее упрямым?

Я надеялся, что будет. Я представил их лица, если я просто не смогу его заставить работать.

- *Вы действительно тот, за кого вы себя выдаете?*

- *Стража!*

Инстинктивно я начал искать ближайшие пути отступления, более того мне так хотелось, чтобы я оставил сумку с чертовыми документами там, где я ее нашел; чтобы я оставил Уолпола в покое. Что было такого плохо в жизни Эдварда Кенуея? Я был бедным, но хотя бы живым. Я мог бы быть в Нассау в этот момент, планировать атаки с Эдвардом и заглядываться на Энн Бонни из "Старой Эвери".

Эдвард говорил мне не присоединяться к капитану Бrame. Как только я предложил это, он предупредил, что от него будут одни проблемы. Почему, черт возьми, я не послушался?

Голос Жюльена ДюКасса прервал мои мысли.

- Дункан, - произнес он это как *Дён-кён*, - не доставите удовольствие продемонстрировать ваши умения?

Меня проверяли. Каждый вопрос, каждый вызов, брошенный мне, - все это чтобы заставить меня доказать свою стойкость. Пока у меня получалось. Не как по маслу, но получалось.

Но мы вышли за пределы двора, и меня встретило что-то вроде недавно сооруженной тренировочной площадки, высокие пальмы обрамляли обе стороны травянистой аллеи; в одном конце находились цели, а за ними что-то напоминавшее декоративное озеро, мерцавшее как блюдо голубого солнца.

За линией деревьев меж чешуйчатых стволов пальм передвигались тени. Еще стражники, на случай, если я надумаю сбежать.

- Мы составили небольшой тренировочный курс в ожидании вашего визита, - сказал Роджерс.

Я сглотнул.

Гостеприимные хозяева, в ожидании, встали по одну сторону. У Роджерса все еще был при себе пистолет, он держал его расслабленно, но его палец лежал на курке, а Жюльен правой ладонью касался рукояти сабли. Силуэты за деревьями стояли неподвижно, наготове. Даже насекомые и птицы будто затихли.

- Было бы жаль уйти, не увидев вас в деле.

Вудс Роджерс улыбался, но его глаза были холодны.

И - это же надо быть таким везучим - у меня было только одно оружие, и им я не умел пользоваться, чтоб его.

Не важно. Я смогу их завалить.

Старый драчун из Бристоля видел в них всего лишь еще одну пару конфликтных придурков вне таверны. Я вспомнил, как дрался Уолпол, абсолютно бдительный обо всем вокруг. Как я мог уложить этих двоих, а затем - ближайших стражников до того, как они успеют навести мушкеты? Да, у меня бы получилось, застав их врасплох...

"Вот этот момент, - подумал я. - *Сейчас*".

Я напряг и занес руку, чтобы нанести первый удар.

И сработал клинок.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВОСЬМАЯ

- Прекрасно, Дункан, - поаплодировал Роджерс. Я перевел взгляд с него и ДюКасса на тень, которую я отбрасывал на траву. Я встал в эффектную позу с извлеченным клинком. Более того, казалось, я понял, как у меня это получилось. Напряжение мышц, которое шло из плеча и предплечья...

- Очень впечатляет, - сказал ДюКасс. Он шагнул вперед, взял мою руку и аккуратно привел в действие защелку, затем, очень осторожно, ладонью вернул клинок в его гнездо.

- Теперь давайте посмотрим еще раз, как вы это делаете.

Не сводя с него глаз, я шагнул назад и принял ту же позу. В этот раз обошлось без удачи, и, несмотря на то, что я еще не до конца понимал, что именно делал, я был абсолютно уверен, что у меня получится. Не спрашивай, откуда. Я просто знал. И в самом деле: *щелк*. Лезвие выскочило из укрытия и злобно заблестело в полуденном солнце.

- Немного шумит, - улыбнулся я, зазнавшись. - В идеале вы не должны были бы ничего услышать. А так - они в прекрасном состоянии.

Их задания бесконечно чередовали друг друга, но к концу мне показалось, что я их выполнял не столько ради того, чтобы убедить их, а сколько чтобы развлечь. Потом проверки закончились. Стража отошла в сторону, и даже ДюКасс, который весь облачался в осмотрительность, как в любимый плащ, будто ослабил бдительность. К моменту, когда мы покинули

самодельную тренировочную площадку, он говорил со мной как с давним другом.

- Ассасины хорошо натренировали вас, Дункан, - сказал он.

"Ассасины", - подумал я. Значит, так они назывались. Уолпол, таки очевидно бесчестный подонок, был одним из них, но намеревался предать своих братьев.

Предать их за что? Вот в чем вопрос.

- Вы выбрали подходящее время, чтобы оставить их.

- И ужасно рисковали при этом, - восторженно сказал Роджерс. - Предавать Ассасинов всегда было вредно для здоровья.

- Ну, - сказал я немного помпезно, - питье ликера - тоже, но меня всегда влечет эта опасность.

Он посмеялся, и я перевел внимание на ДюКасса.

- А вы чем занимаетесь здесь, сэр? Вы - друг губернатора? Или пытаетесь им стать, подобно мне?

- Ах, я... Как сказать? Торгую оружием. В основном ворованными ружьями и прочим вооружением.

- Контрабандист, - высоким голосом произнес Роджерс.

- Ружья, клинки, гранаты. С удовольствием обеспечу всем, что может убить человека, - уточнил француз.

К тому моменту мы достигли террасы, на которой я наконец-то увидел губернатора Торреса.

Ему было примерно семьдесят лет, но он не был толстым, какими обычно становились богачи. Не считая подрезанной бороды, его лицо было смуглым, морщинистым, белые редющие волосы были зачесаны вперед; одной рукой держа чашу длинной трубки, он тщательно вглядывался сквозь круглые очки в письма, которые были в его другой руке.

Он не посмотрел на нас, не сразу. Если кто и перевел на нас взгляд, то тот огромный, бородатый мужчина со сложенными руками, терпеливо стоявший по правое плечо от него, такой же неподвижный, как статуи во дворе, но в десять раз более каменный.

Я тут же его узнал, разумеется. Днем ранее я видел, как он отправил трех пиратов на смерть; более того, в то утро я прикинулся, будто приводил для него проституток. Это был тот испанец, Эль-Тибурон, и хотя к тому моменту я уже свыкся с тем, что меня внимательно изучали хозяева, его глаза, казалось, сверлили меня насквозь. Какое-то время, когда на мне застыл его взгляд, я был уверен не только в том, что он говорил со стражниками Кастильо, но и в том, что они дали точное описание, и что в любой миг он поднимет дрожащий палец, укажет им на меня и потребует рассказать, почему я был в крепости.

- Верховный магистр Торрес.

Это Роджерс нарушил тишину.

- Прибыл мистер Дункан Уолпол.

Торрес поднял глаза и начал разглядывать меня поверх своих очков. Он кивнул, затем передал письмо Эль-Тибурону, и слава Богу за это, потому что наконец-то Эль-Тибурон оторвал от меня взгляд.

- Вас ожидали неделю назад, - сказал Торрес, но не слишком раздраженно.

- Прошу прощения, губернатор, - ответил я. - На мой корабль напали пираты, и он затонул. Я прибыл лишь вчера.

Он вдумчиво кивнул.

- Какая жалость. Но удалось ли вам забрать у этих пиратов предметы, что вы обещали мне?

Я кивнул, думая: *"Одна рука протянет тебе сумку, другая возьмет деньги"*, и вытащил из робы маленькую охотничью сумку, потянулся и подбросил ее на низкий столик у колен Торреса. Он пустил клубы дыма из трубки, затем открыл сумку и извлек карты. Я их видел, само собой, и для меня они ровным счетом ничего не значили. Как и кристалл, впрочем. Но для Торреса они имели важное значение. В этом я не сомневался.

- Невероятно, - сказал он с изумлением в тоне. - У Ассасинов больше ресурсов, чем я предполагал...

Он взял кристалл, с прищуром взглянул на него сквозь свои очки и перевернул его в ладони. *Орнамент*, или что бы это ни было... в общем, для него это был не просто орнамент.

Уложив бумаги и кристалл назад в сумку, он согнул руку для Эль-Тибурона, который шагнул вперед и принял ее. Затем Торрес потянулся, чтобы пожать мою руку, и энергично тряс ее, пока мы говорили.

- Очень рад, что наконец встретился с вами, Дункан, - сказал он. - Идемте, джентльмены. - Он

указал остальным. - Нам многое предстоит обсудить.
Идемте...

Большой дружелюбной компанией мы покинули
террасу.

Все еще ни слова о моей проклятой награде.
Дерьмо. Я погружался глубже и глубже во что-то, чего я
не хотел.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ

Мы стояли вокруг большого круглого стола в приватной комнате в главном здании: я, Торрес, Эль-Тибурон, ДюКасс и Роджерс.

Эль-Тибурон, который остался по правую руку своего хозяина, держал длинную, тонкую коробку, как из-под сигар. Мне мерещилось, или он постоянно смотрел на меня? Он, что, как-то увидел сквозь меня или был начеку? *"Сэр, странный человек в робе недавно искал вас в крепости"*.

Хотя я так не думал. Кроме него все остальные в комнате, казалось, были расслаблены, принимали напитки от Торреса и дружелюбно болтали, пока он наливал себе. Как любой другой радушный хозяин, он сначала налил полные бокалы гостям, но я задумался, почему он не поручил заняться этим прислуге, а затем вроде понял ответ: это из-за цели нашего собрания в комнате. Атмосфера была расслабляющей - по крайней мере, на время - но Торрес не забыл выставить караульного, затем закрыл дверь жестом, который как бы говорил *"Все, что будет сказано в этих стенах, предназначено только для наших ушей"*, от него я чувствовал себя все менее уверенно с каждым миготом, и мне хотелось, чтобы я обратил внимание на строку в письме о моей поддержке их *"тайной и благороднейшей цели"*.

"Стоит запомнить на случай, если я еще раз прикинусь кем-нибудь," - подумал я - обходи благородные цели стороной. Особенно, если это *тайные* благородные цели.

Но у нас в руках уже были напитки, и Торрес произнес тост:

- Наконец мы собрались, да еще в каком составе... Англия, Франция, Испания... Граждане печальных и извращенных империй.

По знаку Торреса подошел Эль-Тибурон, открыл коробку, которую держал, и поставил ее на стол. Я увидел внутреннюю обивку из красного бархата, из которой поблескивал металл. Что бы то ни было, оно выглядело значимо, и таковым и оказалось; Торрес с угасающей улыбкой, сменив естественный блеск в глазах на что-то на порядок серьезнее, начал то, что оказалось церемонией некой важности.

- Теперь вы тамплиеры, - сказал он. - Тайные и истинные правители мира. Протяните руки, пожалуйста.

Дружелюбная атмосфера стала неожиданно торжественной. Напитки поставили на стол. Я быстро отошел в сторону, видя, как остальные встали по очереди вокруг стола. Дальше я сделал как меня попросили и протянул руку, думая: "Тамплиеры - так вот кто они такие".

Это кажется странным сейчас, но я расслабился - расслабился в вере, что они были не страшнее, чем обычное тайное общество. Дурацкий клуб, как и любой другой дурацкий клуб, полный заблуждений, напыщенных дураков, чьи грандиозные цели ("тайные и истинные правители мира" не меньше!) были пустой болтовней, просто предлогом для споров насчет бессмысленных титулов и безделушек.

"Что за ерунда не дает им покоя?" - подумал я. Потом понял, что мне было плевать. В конце концов, а с чего бы это? Будучи пиратом, я отказался признавать любые законы, кроме пиратских; я был абсолютно свободен. Я подчинялся правилам, конечно, но то были правила моря, и следовал я им из *нужды*, чтобы выживать, а не ради статусов и павлиньих лент с побрякушками. "Из-за чего они повздорили с ассасинами?" - подумал я, и потом понял, что мне было до фени и на это.

Так что, да, я расслабился и не принял их всерьез.

Торрес надел первое кольцо на палец ДюКасса. "Отметь и запомни нашу цель. Направлять все заблудшие души до тех пор, пока они не найдут свой путь."

Второе кольцо надели на палец Роджерса. "Направлять все заблудшие страсти, пока пылкие сердца не охладят."

Пустая болтовня, как по мне. Ничего, кроме пустых и бессмысленных заявлений. У них не было никаких целей, кроме того, чтобы наградить говорящего незаслуженным авторитетом. Смотрю на них, съевших это, как будто это что-то значит. Дураки, настолько введенные в заблуждение чувством собственной важности, что они не в состоянии увидеть, что это распространяется не дальше стен особняка.

Всем плевать, мои друзья. Всем плевать на ваше тайное общество.

Потом Торрес обратился ко мне, и он надел на мой палец третье кольцо, говоря, "Направлять все заблудшие умы для безопасной и трезвой мысли."

"Трезвый," - подумал я. Вот уж рассмешил.

Я взглянул на кольцо, которое он надел мне на палец, и вдруг стало не до смеха. Я уже не думал, что эти Тамплиеры были глупым тайным обществом, влияние которых ограничивалось их собственными домами, потому что на моем пальце было надето то же самое кольцо, которое носил капитан судна Ост-Индской компании Бенджамин Притчард, то же самое кольцо, которое носил человек в капюшоне, главарь той шайки, что сожгла сельский дом моего отца, и они оба предупреждали меня о великих и ужасных силах в действии. И вдруг я понял, что из-за чего бы они не повздорили с ассасинами, я был на стороне ассасинов.

Но пока я подожду.

Торрес отошел назад.

- Начнем же нашу работу со светом Отца Понимания, - сказал он. - Десятилетия назад совет доверил мне поиск в Вест-Индии забытое место, которое наши предшественники называли Обсерваторией. Посмотрите сюда...

На столе перед ним лежали документы из сумки, разложенные Эль-Тибуроном.

"Посмотрите на эти изображения и отложите в памяти," добавил Торрес. "Они рассказывают очень старую и важную историю. Два десятилетия я стремился найти эту Обсерваторию. По слухам, это место содержит в себе инструменты невероятной мощи и толка. Оно вмещает что-то вроде армиллярной сферы, если вам угодно. Устройство, которое предоставит нам возможность находить и отслеживать

каждого мужчину или женщину на Земле, неважно, где он или она находится.

"Только представьте, что значит обладать такой мощью. С этим устройством больше не будет секретов среди людей. Не будет больше лжи. Не будет обмана. Только справедливость. Чистая справедливость. Это и обещает Обсерватория, и мы должны пообещать то же самое."

Так что, тогда я в первый раз узнал об Обсерватории.

"Известно ли нам ее местонахождение?" - спросил Роджерс.

"Скоро узнаем," ответил Торрес, "в нашем заключении находится человек, которому это известно. Человек по имени Робертс. Однажды названный Мудрецом."

ДюКасс издал небольшой, издевательский смешок.

- Прошло уже сорок пять лет с тех пор, когда действительно видели Мудреца. Можете ли вы быть уверены, что он настоящий?

- Мы уверены, что это он, - ответил Торрес.

"Ассасины придут за ним," сказал Роджерс.

Я посмотрел на документы, разложенные перед нами. На рисунках, похоже, изображалось, как какая-то древняя раса людей строила что-то - Обсерваторию, видать. Рабы разбивали камни и таскали огромные каменные блоки. Они были похожи на людей, но не совсем.

Я знал одно - план начал обретать форму. Эта Обсерватория, которая так много значила для

тамплиеров. Чего она бы стоила? Более того, чего она бы стоила человеку, планирующему месть для людей, которые сожгли дом его детства?

Маленький кристаллический куб из сумки все еще лежал на столе. Я задумался о нем, так же, как на берегу мыса Буэна-Виста. Потом Торрес поднял его, отвечая Роджерсу.

- Ассасины действительно придут за нами, но благодаря Дункану и информации, что он предоставил, Ассасины больше не будут препятствием для нас. Остальное проясним завтра, джентльмены, когда вы сами встретитесь с Мудрецом. А пока давайте выпьем.

Хозяин указал на столик с напитками, и, пока все стояли спинами ко мне, я взял документы и спрятал в карман страницу манускрипта - изображение Обсерватории.

Я успел как раз до того, как Торрес обернулся и передал бокалы.

- Отыщем же Обсерваторию вместе, с силой которой падут короли, попятиться духовенство, и сердца и умы мира станут нашими.

Мы выпили.

Мы пили вместе, но я определенно уверен, что пили мы за очень разные вещи.

ГЛАВА ТРИДЦАТАЯ

Меня попросили встретиться на следующий день с "братьями тамплиерами" у северного порта города, куда, как мне сказали, прибудет Серебряный флот с моей наградой, и где мы сможем обсудить дальнейшие вопросы.

Я кивнул, желая создать впечатление активного тамплиера, замышляющего со своими надежными друзьями что бы там обычно тамплиеры не замышляли - всего-то мелочь, оказывать влияние на "каждого мужчину или женщину, живущую на Земле." Но по правде говоря - только между нами - я намеревался обчистить карманы, отпроситься под нужным предлогом и уйти. Я не мог дождаться, когда же я смогу потратить деньги и поделиться свежедобытой информацией со сторонниками в Нассау, затем найти Обсерваторию и осуществить месть, способствуя падению этих тамплиеров.

Но сначала я заберу свои деньги.

"Доброе утро, Дункан", - я услышал, как Вудс Роджерс окликнул меня с пристани. Это было свежее утро в Гаване, солнце еще не достигло предельной температуры, и легкий бриз дул со стороны Мексиканского залива

Я начал было идти за Роджерсом, когда услышал голос: "*Эдвард! Привет, Эдвард!*"

На секунду я подумал, что кто-то обознался, даже обернулся, чтобы увидеть этого "Эдварда." Но потом я вспомнил. Эдвардом был я. Я был Эдвардом. Глупым Эдвардом. Который из-за несвоевременных угрызений

совести выдал мой секрет самому большому пустомеле Гаваны, Стиду Боннету.

- Я нашел того, кто купит остаток моего сахара. Мне повезло, должен признаться, - крикнул он через пристань.

Я махнул рукой в ответ - *отличные новости* - зная о том, что на меня смотрел Роджерс.

- Он только что назвал вас Эдвардом, - сказал мой компаньон. Та же улыбка любопытства, которую я видел вчера, заиграла на его губах снова.

- Ах, это торговец, который привез меня сюда, - пояснил я, заговорщически подмигнув. - В мерах предосторожности я представился под чужим именем.

- Аа... Неплохо, - сказал Роджерс.

Но не убежденно.

Я был рад покинуть главную пристань, когда Роджерс и я присоединились к той же группе тамплиеров, которые были вчера на встрече в поместье Торреса. Все обменялись рукопожатиями, кольца, недавно надетые на наши пальцы, блестели, и мы кивнули друг другу. Братья. Братья из тайного общества.

Торрес повел нас к ряду маленьких рыбацких лачуг, у берега неподалеку на привязи покоились гребные лодки. Никого не было видно, по крайней мере, пока. Мы были предоставлены в этой маленькой части пристани сами себе, и так, не сомневаюсь, было задумано. Торрес повел нас к краю, где поджидали стражники у одной из маленьких лачуг. Внутри на перевернутом ящике сидел Мудрец; в оборванной

одежде, с бородой и с удрученным, но непокорным взглядом.

Я заметил, как лица моих компаньонов изменились. Точно так же, как конфликтовали поражение и борьба на лице Мудреца, колебались и Тамплиеры, смотревшие на него со смесью восхищения и жалости в ответ.

- Вот и он, - тихо произнес Торрес, почти благоговейно, осознавал он это или нет, - человек, которого искали и тамплиеры, и ассасины больше десятилетия.

Он обратился к Мудрецу:

- Мне сообщили, что твоя фамилия Робертс. Это правда?

Робертс, или Мудрец, или как мы там его называли в тот день, не сказал ничего. Он просто озлобленно смотрел на Торреса.

Не отводя с него взгляда, Торрес поднял руку на уровне плеча. Ему в ладонь Эль-Тибурон вложил кристаллический куб из сумки. Я уже думал, чем оно могло быть. И я вот-вот собирался узнать.

Торрес, вновь обратившись к Мудрецу, сказал:

- Ты узнаешь это, как я полагаю?

Молчание от Мудреца. Возможно, он знал, чем это обернется, так как Торрес подал знак, и принесли второй перевернутый ящик, на который он сел лицом к тому, как мужчина с женщиной, с той разницей, что один из них был губернатором Гаваны, а второй сидел в обносках, и у него был дикий, отшельнический взгляд, а руки были связаны.

Торрес потянулся именно к связанным рукам, пустив в ход кристаллический куб, а затем надавил им на большой палец Мудреца.

Двое мужчин смотрели друг на друга какой-то миг. Пальцы Торреса, казалось, что-то делали с большим пальцем Торреса, и затем капля крови наполнила фиал.

Я смотрел, но не совсем понимал, чему становился свидетелем. Мудрецу будто не было больно, но его взгляд, настолько свирепый, что я чуть не съжился от него, переходил с одного человека на другого, словно проклиная каждого из нас по очереди, включая меня.

Зачем им могла понадобиться кровь этого бедняги? Это имело какое-то отношение к Обсерватории?

- Согласно старым сказкам кровь Мудреца нужна, чтобы войти в Обсерваторию, - шепотом произнес ДюКасс, словно прочитав мои мысли.

Закончив, Торрес шатко встал с ящика и выставил всем напоказ фиал, который держал в руке. Его ладонь залилась алым светом, когда на сосуд упал свет.

- У нас есть ключ, - объявил он. - Теперь нам осталось найти только дверь. Возможно, мистер Робертс захочет проявить помощь в ее поисках.

Он сделал знак стражникам.

- Уведите его в мою резиденцию.

Вот и все. Жуткая операция завершилась, и я с радостью оставил странную картину позади, когда мы отправились обратно к главной гавани, куда прибыло

судно. То, с сокровищами на борту, как я надеялся. Очень надеялся.

- Столько возни из-за одного человека, - сказал я Торресу, пока мы шли, пытаюсь говорить будничнее, чем я себя чувствовал. - А Обсерватория - действительно такое важное место?

- Да, важное, - ответил Торрес. - Обсерватория была инструментом, созданной расой предтеч. Ее ценность не знает границ.

Я подумал о тех древних, которых я видел на изображениях в особняке. Это и есть предтечи Торреса?

- Хотелось бы увидеть завершение нашего драматичного дела, - сказал Роджерс, - но я должен поступиться этим удовольствием и отплыть в Англию.

Торрес кивнул. Знакомый блеск в его глазах вернулся.

- Конечно, капитан. Попутного ветра вам.

Они пожали друг другу руки. Братья по тайному обществу. Роджерс и я тоже обменялись рукопожатиями, и легендарный охотник на пиратов ушел, чтобы вновь занять место казни египетской для всех буканьеров. Мы встретимся снова, в этом я был убежден. Хотя я и надеялся, чтобы этот день настал как можно позже.

К тому времени прибыл один из моряков с того корабля и передал Торресу то, что выглядело в том смысле подозрительно, что оно могло содержать мои деньги. Не то, чтобы этот мешок выглядел таким же полным, как я надеялся.

- Полагаю, это первая плата в долгосрочное вложение, - сказал Торрес, передавая мне кошель - подозрительно *легкий* кошель. - Спасибо.

Я осторожно взял его, по весу чувствуя, что мне предстояло больше - и денег, и испытаний.

- Хотелось бы видеть вас при допросе завтра. Загляните около полудня, - сказал Торрес.

Вот и все, значит. Чтобы забрать остальной заработок, я должен был увидеть еще более замученного Мудреца.

Торрес покинул меня, и я какое-то время стоял на доке, погруженный в раздумья, и затем собрался уйти. Я решил. Я собирался спасти Мудреца.

Я не знаю, *зачем* я решил вызволить его. То есть, почему я просто-напросто не взял деньги, которые мне дали, не показал пятки и не уплыл на полных парусах в Нассау на северо-восток? Назад к Эдварду, Бенджамину и радостям "Старой Эвери".

Хочется сказать, что это был благородный порыв, но на нем причина не заканчивалась. Ведь, в конце концов, Мудрец мог помочь мне обнаружить Обсерваторию - прибор, чтобы ходить за людьми по пятам. Сколько отдадут за такую вещь? Продав ее нужному человеку, я стал бы богатейшим пиратом в Вести-Индии. Я смог бы вернуться к Кэролайн богачом. Так что возможно мною двигала простая человеческая жадность. Если повспоминать - то, пожалуй, смесь и того, и этого.

В любом случае, это было решение, о котором я вскоре пожалел.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ПЕРВАЯ

Стояла ночь, и стены особняка Торреса были похожи на черную грань под серым беззвездным небом. Свист насекомых достиг апогея, почти заглушая журчание воды и мягкий шелест пальмовых деревьев.

Бегло посмотрев направо и налево, - я пришел в то время, когда стражников не было в округе - я размял пальцы и прыжком забрался на стену, затем припал к ней, чтобы перевести дыхание и прислушаться к каким-либо бегущим шагам, крикам "эй!" или свисту сабли, выходящей из ножен.

Убедившись, что все было тихо - кроме насекомых, воды и шепота ночного ветра меж деревьев - я спрыгнул вниз по ту сторону, на территорию поместья губернатора Гаваны.

Подобно призраку я пробрался сквозь сады к главному зданию, где я прижимался к стенам по периметру двора. На правом предплечье чувствовалось успокаивающее присутствие скрытого клинка, на моей груди были кобуры с пистолетами. На поясе висела короткая сабля, голова была прикрыта капюшоном. Я чувствовал себя невидимым. Смертельным. Казалось, будто я вот-вот нанесу удар Тамплиерам, и, хотя освобождение Мудреца не было равноценно тому, какой урон мне нанесли их братья, и оно не сравнит счет, это станет началом. Это будет первый удар.

Более того, я узнаю, где находится Обсерватория и смогу добраться до нее раньше них, а этот удар был уже куда значительнее. Больнее. Я думал, насколько им будет больно, пока считал свои деньги.

Мне пришлось искать наобум, где губернатор держал своих штатных пленников, но я угадал верно. Это было небольшое строение, стоявшее отдельно от особняка, я обнаружил высокую стену рядом, и...

Это странно. Почему дверь открыта настежь?

Я проскользнул внутрь. Горевшие факелы на стенах освещали картину резни. Четверо или пятеро мертвых солдат валялись в грязи, с зияющими дырами в горлах и раздробленным мясом в груди.

Я понятия не имел, где держали Мудреца, но одно было вне всяких сомнений: здесь его больше не было.

Я слишком поздно расслышал шум позади, чтобы успеть защититься от удара, но зато меня не вырубили, и я свалился вперед, больно приземлившись в грязь, но сохранив самообладание. Копье вбили в землю, где я лежал. С другого конца стоял удивленный солдат. Я поднялся, схватил его за плечи и отбросил. В то же время я пнул основание копья, выхватил его и проткнул им тело солдата.

Он плюхнулся, как приземлившаяся рыба, нанизанный на палку собственного копья, но я не собирался любоваться видом. Второй солдат уже накинулся на меня, озлобленный так же, как злишься, увидев своего друга убитым.

"А теперь, - подумал я, - посмотрим, всегда ли работает эта штука."

Щелк.

Скрытый клинок сработал, и я отразил удар стали его клинка сталью своего собственного. Обезоружив его, я разрезал его горло сильным ударом.

Я вытащил меч из-за пояса за миг до того, как встретился с третьим. За ним были двое солдат с мушкетами. Неподалеку стоял Эль-Тибурон, с саблей наголо, но опущенной, он следил за боем. Я увидел, как исказилось лицо одного из солдат, и я узнал этот взгляд - взгляд, который я видел раньше на лицах моряков на палубе корабля, который столкнулся с моим.

Он выстрелил, когда я пронзил солдата передо мной и саблей, и скрытым клинком, пронзив его и, развернув, прикрывшись им одновременно. Его уже мертвое тело вздрогнуло, когда выстрел мушкета попал в него.

Я отпустил свой щит, вытащил кинжал из его, пока он падал, пояса и взмолился, чтобы я попал так же метко, как и всегда, после бесчисленных часов проведенных за бросанием ножей в стволы деревьев дома.

И я попал. Мне удалось вынести не первого мушкетера - тот уже панически пытался перезарядить оружие - но второго, который упал с ножом, всаженным меж ребер.

Прыжком я добрался до того, первого, и нанес удар кулаком в живот рукой с клинком, и он кашлянул и умер на древке. Капли крови бусами описали дугу в ночи, и я, вытащив клинок, обернулся, чтобы отразить атаку Эль-Тибурона.

Но он не напал.

Вместо этого Эль-Тибурон замедлил темп боя, и вместо того, чтобы сразу же атаковать меня, он просто перебросил меч из одной руки в другую и направил его на меня.

Отлично. По крайней мере, много трепаться во время боя мы не будем.

Я зарычал и ринулся вперед, размахивая клинками и надеясь дезориентировать его. Эль-Тибурон не изменился в лице и легко парировал мою атаку быстрыми движениями локтя и предплечья. Он сконцентрировался на моей левой руке, в которой я держал клинок, и, прежде чем до меня это дошло, сабля оказалась выбита из моих пальцев и улетела в грязь.

Все, что у меня осталось, это скрытый клинок. Эль-Тибурон сосредоточился на нем, понимая, что он для меня в новинку. За его спиной продолжали собираться стражники, и хотя я не понимал, что они говорят, это было очевидно: я не ровня Эль-Тибурону. От смерти меня отделяли несколько ударов сердца.

Так оно и оказалось. Последняя атака Эль-Тибурона закончилась ударом гарды по моему подбородку, и я почувствовал, как зубы разжались, голова закружилась, и я упал, сначала на колени, затем лицом в грязь. Я чувствовал, как под одеждой по бокам стекает кровь, и весь мой боевой дух испаряется из-за боли.

Эль-Тибурон подошел ко мне, наступив на скрытый клинок и удерживая мою руку на месте. В голове пролетела мысль, а есть ли у клинка пряжка быстрого сброса. Хотя, конечно, толку от нее было бы мало. Эль-Тибурон подцепил меня под подбородок мечом, уже готовый нанести последний удар, как...

- *Хватит!* - раздался крик. Краем глаза сквозь пелену крови на лице я увидел, как стражники

расступаются, и входит Торрес, а ДюКасс следует за ним по пятам. Два тамплиера плечами отпихнули Эль-Тибурона, и с раздражением в глазах - взгляд охотника, у которого отняли добычу - тот отступил. Впрочем, меня это не слишком печалило.

Я судорожно вздохнул. Рот наполнился кровью, и я сплюнул. Торрес и ДюКасс склонились рядом, оглядывая меня, словно врачи - пациента. Когда француз потянулся к моему предплечью, я подумал было, что он хочет нащупать пульс, но он лишь ловко отстегнул скрытый клинок и отшвырнул его в сторону. Торрес смотрел на меня, и мне было интересно, действительно ли он был так разочарован или же лишь притворялся. Он взял мою вторую руку, снял тамплиерское кольцо и спрятал его в карман.

- Как тебя зовут, беглец? - спросил Торрес. - По-настоящему?

Я был разоружен, но они все же позволили мне сесть.

- Я, э-эм... Капитан Отвали.

Я снова сплюнул, чуть не попав на ботинок ДюКасса. Он перевел взгляд с плевка на меня и ухмыльнулся:

- Ты всего лишь грязный простолюдин.

Он замахнулся было, чтобы ударить меня, но Торрес остановил его. Торрес окинул взглядом двор и тела, словно пытаясь оценить ситуацию.

- Где Мудрец? - спросил он. - Ты его освободил?

- Это не моих рук дело, как бы мне ни хотелось, чтобы это было бы иначе, - выдавил я из себя.

Насколько мне было известно, Мудреца либо освободили ассасины, либо же он сбежал сам. Как бы то ни было, он был свободен, и ничто не угрожало ни ему, ни его секрету, который мы все так хотели знать - расположение Обсерватории. Моя вылазка была бесполезной.

Торрес посмотрел мне в глаза и, должно быть, увидел там правду. Его лояльность тамплиерам делала его моим врагом, но было в нем что-то, что мне нравилось - или, по крайней мере, что я уважал. Возможно, он видел что-то во мне, чувство, что мы не такие уж и разные. Одно я знал точно: если бы решение принимал ДюКасс, я бы сейчас смотрел, как мои кишки вываливаются на землю; Торрес же поднялся и подал знак своим людям.

- Заберите его. Отправьте в Севилью вместе с флотом с сокровищами.

- В Севилью? - опешил ДюКасс.

- Да, в Севилью, - отозвался Торрес.

- Но мы же можем сами его допросить, - возразил ДюКасс. Я мог бы поклясться, что слышал злобную ухмылку в его голосе. - Я бы... с превеликим удовольствием сам допросил его.

- Именно поэтому я и хочу передать его нашим коллегам в Испании, - жестко возразил Торрес. - Надеюсь, проблем не возникнет, Жюльен?

Даже сквозь боль я слышал раздражение в голосе француза.

- *Non, monsieur*, - ответил он.

И все же он с превеликим удовольствием вырубил меня.

Копирование материала без указания
переводчиков и источника запрещено

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ВТОРАЯ

Когда я проснулся, я лежал на том, что походило на нижнюю палубу галеона. Это был большой галеон, напоминавший те, которые обычно перевозили... людей. Мои ноги были скованы железными кандалами - огромными, неподъемными оковами, разбросанными по всей палубе, какие-то были пустыми, какие-то - нет.

Во мраке палубы мне удалось разглядеть больше людей. Навскидку их было примерно с дюжину или около того, они тоже были закованы, но по низким стонам и бормотанию, доносившимся до меня, трудно было сказать, в каком состоянии они находились. На другом конце палубы грудой лежало что-то похожее на личные вещи пленных - одежды, сапоги, шляпы, кожаные ремни, сумки и сундуки. Я даже вроде увидел среди них свою робу, все еще перепачканную грязью и кровью от драки в тюремном строении.

Помнишь, как я говорил, что у нижних палуб был свой запах? Так вот, в этой - запах стоял абсолютно другой. То был запах страдания. Запах страха.

Голос произнес: "Ешь это, и побыстрее," - и деревянная миска упала с глухим стуком у моих босых ног, а затем сапоги стражника из черной кожи исчезли. Я увидел солнечный свет из люка, и услышал топот по лестнице, по которой взбирались вверх.

В тарелке покоился сухой крекер и клякса овсянки. Недалеко сидел чернокожий и, подобно мне, он с сомнением разглядывал еду.

- Есть будешь? - спросил я его.

Он ничего не ответил и не попытался дотянуться до еды. Вместо этого он взял кандалы на ногах и, с глубоким старанием на лице, начал пытаться избавиться от них.

Сначала мне казалось, что он впустую тратил время, но, пока он работал пальцами, скользившими между его ногами и железом, он смотрел на меня. И хотя он ровным счетом ничего не сказал, в его взгляде мне показался призрак болезненного опыта. Он поднес руку ко рту, на миг напомнив умывающуюся кошку, но затем макнул эту же руку в овсянку и смешал вязкое вещество со слюной, а затем смазал этим ногу в оковах.

Потом до меня дошло, чем он занимался, и я мог только восхищенно смотреть и надеяться, пока он продолжал смазывать ногу все больше и больше, пока она не стала достаточно скользкой, чтобы...

Попытаться. Он посмотрел на меня, заглушил любое ободрение до того, как я успел их произнести, затем скрутил и потянул одновременно.

Он бы закричал от боли, если бы так не старался при этом молчать, и его нога, когда высвободилась из-под кандалов, была покрыта отвратительной смесью из крови, слюны и овсянки. Но зато она была свободна, и все равно ни один из нас не хотел есть кашу.

Он бросил взгляд с палубы на лестницу, и мы оба замерли в ожидании появления стражника, а затем он начал работать над второй ногой, и скоро освободился. Крадучись по деревянному полу, он задрал голову, прислушиваясь к шагам наверху, которые, казалось, устремились к люку, но затем, к счастью, вновь отошли.

В какой-то миг я подумал, что он мог просто оставить меня здесь. В конце концов, мы не знали друг друга, он был ничем передо мной не обязан. Зачем ему было тратить время и подвергать опасности свой собственный шанс на свободу, чтобы помочь мне?

Но я собирался отдать ему овсянку и, видимо, это засчиталось за что-то, потому что в следующий миг, после секундного колебания - возможно, он сам спрашивал себя о дальновидности помощи мне - он склонился передо мной, проверил оковы, затем торопливо скрылся за невидимой частью палубы за моей спиной, и вернулся с ключами.

Его звали Адевале, как он сказал мне, открывая кандалы. Я тихо поблагодарил его, потер ноги и шепотом спросил:

- Что собираешься делать, друг?

- Украсть корабль, - просто сказал он.

Мне это нравилось. Но в первую очередь я нашел свою робу и скрытый клинок, и прибавил к этому пару кожаных наручей и кожаный жакет.

В это время мой новый друг Адевале ключами освобождал других пленных. Я взял пару сабель, висевшую на гвозде, и присоединился к нему.

- За тобой останется должок, - сказал я первому пленному, пока мои пальцы работали ключом в его кандалах. - Ты плывешь со мной.

- За это - хоть на край света, приятель.

На палубе уже было больше освобожденных, чем пленных, и, возможно те, кто был над нами, что-то услышал, потому что вдруг люк распахнулся, и спустился первый из стражников с саблей наголо.

- Эй, - сказал он, но "эй" стало его последним словом.

Я уже закрепил свой скрытый клинок (и, поразмыслив, понял, что, несмотря на то, что я его носил так недолго, он почему-то казался знакомым, будто я носил его годами), и, вытащив его легким движением предплечья, я шагнул вперед и познакомил с ним стражника, вонзив его глубоко в грудную кость.

Я сделал это не то чтобы скрытно или искусно. Я пронзил его так сильно, что клинок пронзил его спину и пригвоздил его к ступенькам, пока я не отпрянул. Потом я увидел сапоги второго солдата, а еще позже - кончик сабли, когда прибыло подкрепление. Нанеся удар тыльной стороной руки, я полоснул его клинком прямо под колени до кости, и кровь разлилась по палубе, когда он присоединился к товарищу.

К этому времени ситуация обернулась полномасштабным бунтом, и освобожденные помчались к кучам конфискованных вещей и вернули их себе, вооружаясь саблями и пистолетами, натягивая ботинки. Я увидел, что - уже! - успели разгореться споры по поводу того, кому что принадлежало, но некогда было принимать на себя роль судьи. Оплеухи оказались достаточно, и наша команда была наготове. Мы слышали над собой торопливый топот ног и панические крики по-испански, пока стража готовилась к подавлению.

Вдруг корабль покачнуло, и я знал, что это был шквал ветра. Я искал взгляд Адевале по палубе, и, когда нашел, он сказал что-то мне. Одно слово: "Ураган."

И затем снова показалось, будто корабль протаранили - нас накрыл второй шквал ветра. Время играло против нас, и нам надо было побыстрее выиграть битву. Мы должны были захватить себе корабль, потому что эти ветра, какими бы свирепыми не были, не шли ни в какое - ни в какое - сравнение с силой настоящего урагана.

Ты мог узнать, когда он прибудет, по интервалу между первыми двумя шквалами. Ты мог увидеть, откуда шел ураган. И, если ты был опытным моряком, которым я уже стал, то ты мог воспользоваться ураганом. Так что мы могли бы сбежать от наших преследователей, как только заняли бы корабль.

Так я и решил. Ужас перед ураганом сменился мыслью, что мы могли применить его себе в угоду. Воспользоваться ураганом, удрать от испанцев. Я сказал пару слов на ухо Адевале, и мой новый друг, кивнув, начал рассказывать о плане остальным.

Они будут ожидать несогласованной, хаотичной атаки из-под главного люка квартердека.

Так пусть они заплатят за то, что недооценили нас.

Направив несколько людей к подножию лестницы, чтобы они шумели, как будто готовились напасть, я повел остальных к корме, куда мы пробились через лазарет, и затем крадучись поднялись по лестнице к галеона.

В следующее мгновение мы вышли на главную палубу, и, как я и говорил, испанские солдаты стояли спиной к нам, нацелив мушкеты на люк шканцев и ни о чем не подозревая.

Их глупости хватило не только на то, чтобы повернуться к нам спиной, но и на то, чтобы взять мушкеты в ближний бой, и за эту глупость они заплатились жизнями. На какое-то мгновение квартердек превратился в поле боя. Мы безжалостно теснили испанцев, используя преимущество нашей внезапной атаки, до тех пор, пока испанцы не попадали к нашим ногам, умирающие или уже мертвые, а те, кто выжил, не выбросились за борт в панике.

Несмотря на то, что паруса были спущены, корабль тряхнуло очередным порывом ветра. Мы видели, как на остальных кораблях флота солдаты раздавали пики и мушкеты, готовясь атаковать нас.

Нам нужно было судно пошустрее, и Адевале положил глаз на одно из них, ведя группу через сходню к причальной стенке. Солдаты на пристани встретили свою смерть от их клинков. Раздались выстрелы мушкетов, кто-то из наших упал, но мы уже бежали к прекрасному галеону - который скоро должен был стать моим.

Небо потемнело. Что ж, подходящий фон для битвы и ужасное предзнаменование.

Ветер усиливался, наступая на нас все новыми порывами. Испанские солдаты были в панике из-за надвигающегося шторма и побега узников, из-за бессилия перед лицом обоих.

Битва была яростной и кровавой, но короткой, и вскоре галеон был нашим. На момент я задумался, не захочет ли Адевале взять на себя командование кораблем. У него было на это полное право - он

освободил меня, он повел атаку, которая помогла нам захватить судно. Если бы он захотел взять на себя командование, я бы с уважением отнесся к его решению, нашел бы себе новую команду и отправился бы восвояси.

Но нет. Адевале хотел отправиться со мной в качестве квартирмейстера.

Я был благодарен ему. Не только потому, что он был готов служить вместе со мной, но и потому, что он не решил отправиться куда-либо еще. В лице Адевале у меня был верный квартирмейстер, который никогда не поднимет бунт - если, конечно, я буду честным и справедливым капитаном.

Я знал это тогда, в начале нашей дружбы, я знаю это и сейчас, после всех лет нашего партнерства.

(Но потом случилась чертова Обсерватория).

Ветер наполнил поднятые паруса, и мы пустились в путь. Боковой ветер потрепал нас на выходе из гавани. Я оглянулся и увидел, как ливень и ветер треплют остальные корабли флота. Поначалу их мачты раскачивало из стороны в сторону, как маятники, затем, когда ветер перерос в самый настоящий шторм, мачты начали ломаться. Без поднятых парусов они ничего не могли поделать, и на душе стало хорошо от одного вида того, как ураган превратил флот в щепки.

Воздух становился холоднее. Я видел, как облака сгущались и закрывали собой свет солнца. И тогда нас хлестнуло ветром, дождем и брызгами моря. Вокруг нас поднимались волны, одна выше другой, самые настоящие горы с шапками из морской пены, и каждая

из них готова была утопить нас, перебрасывая нас из одного морского каньона в другой.

Кур смыло за борт. Люди цеплялись за двери кают. Я слышал крики неудачливых матросов, которых выбросило с корабля. Фонари галеона погасли. Все люки и двери захлопнулись. Лишь самые умелые и смелые из команды осмеливались как-то передвигаться по кораблю.

Фок-мачта треснула, и я опасался за бизань-мачту и грот-мачту, но, хвала Богу, они выстояли, и я молча поблагодарил судьбу за то, что она предоставила нам такой шустрый корабль.

Небо по-прежнему было затянуто тучами. То здесь, то там сквозь облака пробивались лучи солнца, будто солнце старалось вырваться из плена облаков. Погода, кажется, над нами издевалась. Но мы плыли дальше; трое из нас пытались совладать со штурвалом, остальные цеплялись за снасти, будто бы пытались управлять огромным воздушным змеем. Мы отчаянно пытались держаться впереди шторма. Замедлить ход означало бы поражение. Поражение означало бы смерть.

Но мы не погибли. Не в тот день. За нашими спинами флот разнесло в щепки в порту, уцелели лишь мы. Освобожденные пленники и люди, которые у нас были - та еще команда, если честно - присягнули на верность мне и Адевалу и согласились, что мы должны отправиться прямиком в Нассау. Наконец-то я плыл в Нассау. Наконец-то я увижу Эдварда и Бенджамина и воссоединюсь с пиратской республикой, по которой я так скучал.

Я с нетерпением ждал момента, когда смогу
показать им свой корабль. Свой новый корабль. "*Галку*".

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

Сентябрь 1715 года.

- Ты назвал свой бриг именем птицы?

На любого другого я бы наставил пистолет или, может, извлек скрытый клинок и заставил взять свои слова обратно. Но это был Эдвард Тэтч. Еще не Черная Борода, о нет. Он еще не отпустил растительность на лице, которая даст ему более известное имя, но уже обладал дерзостью, которая была его отличительным признаком в такой же степени, как и зажженные фитили, которые он вдевал в заплетенную бороду.

Там был и Бенджамин. Он сидел с Эдвардом под парусиновым навесом "Старой Эвери" - таверны на холме, сверху воззиравшей на порт, одно из моих любимейших мест во всем мире и первый порт захода по прибытии в Нассау - Нассау, который едва ли изменился: распростертый голубой океан за гаванью, пойманные корабли, мусорившие берега, с английскими флагами на мачтах, пальмы, хижины. Огромный форт Нассау возвышался над нами, с флагом, на котором изображался череп, развевавшийся на брize с востока. Я солгал. Он изменился. Он стал более шумным, нежели прежде. Примерно девять сотен мужчин и женщин расположились в этом месте, как я узнал, и семь сотен из них были пиратами.

Эдвард и Бенджамин планировали налеты и пили, пили и планировали налеты, один черт.

Неподалеку в одиночку сидел еще один пират, которого звали Джеймсом Киддом. Поговаривали, что он был сыном Уильяма Кидда. Но пока мое внимание было сконцентрировано на моих прежних товарищах -

оба встали, чтобы поприветствовать меня. Здесь не было места формальностям, никто не настаивал на вежливости и приличиях, которые сковывали остальной мир. Нет, меня поприветствовали, как подобало пиратам - крепкими медвежьими объятиями Бенджамина и Эдварда, карой Багамских островов, но на самом деле они скорее были мягкими старыми медведями, у которых проступили слезы радости на глазах при виде старого друга.

- Боже, как я рад тебя видеть, - сказал Бенджамин.

- Садись, выпей с нами.

Эдвард покосился на Адевале.

- Эй, Кенуей. А это кто?

- Адевале, старший рулевой "Галки".

И тогда-то Эдвард и сострил насчет названия "Галки". Никто из них еще не упомянул робу, в которой я был, но, возможно, мне еще предстояло услышать об этом. После приветствия настал момент, когда оба бросили на меня долгие, испытующие взгляды, и я задумался: смотрели ли они на мои одежды с тем же удивлением, что и на изменения во мне, потому что, когда мы встретились впервые, я был простым мальчишкой. Но я вырос из беспомощного и надменного подростка, блудного сына, страдающего от любви, но ненадежного мужа в кого-то другого - в мужчину, закаленного сражениями, который уже не был столь беспечен со своими чувствами, не так волен с эмоциями, беспристрастный во многих отношениях. Теперь я был человеком, страсти которого были запрятаны очень глубоко.

Возможно, мои друзья увидели это. Возможно, они взяли на заметку то, что мальчик превратился в мужчину.

Я сказал им, что искал людей для экипажа моего корабля.

- Ну, - сказал Эдвард, - тут найдется подходящий народ, но будь осторожен. Две недели назад сюда прибыл корабль, битком набитый моряками короля, учиняли тут беспорядки и болтались, будто это их дом.

У меня возникло плохое предчувствие. Это была работа Вудса Роджерса? Он отправил сюда разведывательный отряд? Или тому было другое объяснение? Тамплиеры. Может, меня искали? Или кого-то другого? Значит, ставки выросли. Мне ли не знать? Уж я-то сделал больше, чем требовалось, чтобы поднять их.

Набирая людей в команду корабля, я разузнал побольше о присутствии англичан на Багамах. Те, с кем говорили я и Адевале, рассказывали, будто по островам расхаживали солдаты в цветах короля. Британцы хотели, чтобы с нами было покончено; а как же иначе - мы были бельмом на глазу Его Величества, огромным грязным пятном на флаге королевского флота, но казалось, будто британцы взялись за нас с возросшим интересом. И вот, когда я вновь встретился в "Старой Эвери" с Эдвардом, Беном и присоединившимся к нам Джеймсом Киддом, я был уверен, что посторонние не услышат моих слов.

- Вы когда-нибудь слышали о месте под названием "Обсерватория"? - спросил я их.

Я много раз размышлял над этим. Стоило мне упомянуть об Обсерватории, как у Джеймса Кидда блеснули глаза. Я бросил на него взгляд. Он был молод - лет примерно девятнадцать-двадцать, пожалуй, немного младше меня и, как и я, немного сорвиголоу. Тэтч кивнул, как и Хорниголд, последний заговорил:

- Ага, - сказа он. - Слышал я об Обсерватории. Старая легенда, вроде Эльдорадо и Фонтана Молодости.

Я подвел их к столу, огляделся, нет ли поблизости шпионов короля, и разглядел на столе изображение, украденное из поместья Торреса. Оно было немного потрепано, но от этого оно не переставало быть изображением Обсерватории. Все трое мужчин уставились на него, кто-то с большим интересом, чем остальные, а кто-то явно попытался скрыть свой истинные интерес.

- Что тебе о ней известно? - спросил я у Джеймса.

- Говорят, это что-то вроде храма или гробницы. В нем спрятано какое-то сокровище.

- Черт бы меня побрал, - рявкнул Эдвард. - Ты что, предпочитаешь золоту бабкины сказки?

Тэтч бы не согласился принять участие в поиске Обсерватории. Я это знал с самого начала. Чёрт, да я знал это до того, как открыл рот. Он хотел сокровища, которые можно было бы взвесить, измерить по шкале; ему больше по душе были сундуки, полные восьмерок реалов, покрытые кровью предыдущих владельцев.

- Она стоит дороже любого золота, Тэтч. Да больше в десять тысяч раз, чем мы сможем содрать с любого испанского корабля.

Бен тоже смотрел с сомнением, и по правде говоря, единственным, кто прислушался ко мне, был Джеймс Кидд.

- Мы живем, грабя короля, чтобы кормить его нищих, парень, - напомнил Бен. Он ткнул запачканным, обветренным пальцем в изображение, что я украл. - Это - не богатство, это - выдумка.

- Но она озолотит нас на всю жизнь.

Какими бы достойнейшими людьми не были оба мои товарища - да они были лучшими, с кем мне доводилось плавать! - я проклинал узость их взглядов. Они говорили о двух-трех вылазках, которые прокормят нас на месяц, но у меня в голове была добыча, которая кормила бы нас всю жизнь! Не говоря о том, что она бы сделала меня джентльменом, состоятельным и многообещающим человеком.

- Все еще мечтаешь о той бабенке, что осталась в Бристоле? - спросил с насмешкой Бен, когда я упомянул Кэролайн. - Боже, забудь уже, парень. Наш дом в Нассау, а не в Англии.

Какое-то время я пытался убедить себя, что это была правда, и они говорили верно, и мне стоило сконцентрироваться на более материальных сокровищах. На протяжении дней, которые я провел за выпивкой, планированием налётов, осуществлением этих налётов, выпивкой за их успешное выполнение, у меня было полно времени поразмыслить о том, как иронично все это сложилось. Когда я со своими "дружками-тамплиерами" стоял у стола и думал, как они глупо витают в облаках, я тосковал по своим товарищам, по тому, как ясно они выражались и

свободно мыслили. Но здесь, в Нассау, ко мне оказались глухи, несмотря на то, что на первый взгляд казалось иначе, несмотря на то, что они говорили, и даже несмотря на символ черного флага, с которым меня представили в один залитый солнцем полдень.

- Мы не признаем здесь ничьи цвета, но восхваляем их отсутствие, - сказал Эдвард Тэтч, когда мы смотрели на "Галку" вдалеке, на борту которой стоял Адевале у флагштока. - Посему да будет Черный Флаг знаком ничего иного, кроме как твоей верности свободе человека. Этот - твой. Плавай под ним с честью.

Флаг мягко развевался на ветру, и я гордился - я гордился. Я был горд его значением и своим участием в нем. Я помог построить что-то стоящее, я боролся за свободу - истинную свободу. И все же глубоко в моем сердце зияла дыра, когда я думал о Кэролайн и о зле, которое причинили мне. Видишь ли, моя милая, я вернулся в Нассау другим. Что до тех страстей, запрятанных так глубоко, то я ожидал того дня, когда начну действовать по их зову.

* * *

В это время мне было над чем поразмыслить, в особенности об угрозе, нависшей над нашим образом жизни. Однажды ночью мы сидели у костра на берегу, якоря наших кораблей, "Бенджамин" и "Галки", были брошены в море.

- За республику пиратов, парни, - сказал Тэтч. - Нам дует попутный ветер, и мы свободны. До нас не могут дотянуться ни королевское духовенство, ни сборщики податей.

Копирование материала без указания переводчиков и источника запрещено

- На верность собратьям берега Нассау присягнуло около семисот человек. Неплохо, - сказал Джеймс Кидд. Он искоса посмотрел на меня, и я сделал вид, будто не заметил.

- Это так, - буркнул Тэтч, - но у нас нет крепкой защиты. Если бы король сейчас атаковал город, он бы раздавил нас.

Я принял от него бутылку рома, поднес к лунному свету, чтобы проверить, осталось ли там чего, и, удовлетворённый, отхлебнул.

- Тогда давайте найдём Обсерваторию, - предложил я. - Если она и вправду обладает такой мощью, как говорили эти тамплиеры, то мы станем несокрушимы.

Тэтч вздохнул и потянулся за бутылкой. Они уже наслушались от меня подобного.

- Только не начинай снова эту *ересь*, Кенуей. Это сказка для школьников. Я же имею в виду *настоящую* защиту. Украдем галеон и перетащим все пушки на один борт. Хорошее будет украшение для одного из наших доков.

Затем заговорил Адевале.

- Будет не так-то просто украсть целый испанский галеон. - Его голос звучал медленно, чётко, задумчиво. - Есть такой на примете?

- А есть, сэр, - возразил Тэтч пьяным голосом. - Я покажу вам. Та ещё штучка. Толстая и неуклюжая.

Вот так мы и преступили к атаке на испанский галеон. Конечно, я и представить тогда не мог, что мне снова предстоит наткнуться на своих старых друзей тамплиеров.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Март 1716 года

Мы задали курс примерно на юго-восток. Тэтч сказал, что он видел, как этот галеон скрывался близ южных берегов Багамских островов. Мы взяли "Галку" и, пока плыли, расспрашивали Джеймса Кидда о родителях.

- Значит, ублюдок Уильяма Кидда, да? - Тэтча этот вопрос интересовал больше остальных. - Эта байка, которую ты рассказываешь, правда?

Мы втроём стояли на кормовой палубе и передавали друг другу бинокль, будто это была кружка рома, стараясь разглядеть хоть что-нибудь сквозь пелену вечернего тумана, такого плотного, словно мы пытались смотреть сквозь молоко.

- Моя мать так говорила, - чопорно ответил Кидд. - Я - результат страстной ночи, сразу после которой Уильям оставил Лондон...

По его голосу было трудно сказать, задевал ли его этот вопрос. Он отличался. У Эдварда Тэтча, например, что было на уме, то и на языке. Он мог быть в один миг злым, в следующий - сердечным. Не имело значения, махал ли он кулаками или раздавал пьяные, ломающие кости медвежьих объятия, ты всегда знал, как Эдвард к тебе относился.

Кидд был другим. Какие бы карты он не держал в руках, он всегда скрывал их. Я припомнил недавний разговор с ним.

- Ты что, украл костюм у какого-то щеголя в Гаване? - спросил Джеймс.

- Нет, сэр, - ответил я. - Нашел его на трупе... который ходил и оскорблял меня в лицо за минуту до этого.

- А-а, - сказал он, и его лицо приняло какое-то непонятное выражение...

Тем не менее, когда мы, наконец, увидели галеон, который искали, Джеймс не смог скрыть своего энтузиазма.

- Этот корабль - чудовище, вы только взгляните на его размеры, - сказал Кидд, и Эдвард стал чистить перышки, мол, *я же говорил*.

- Именно, - предупредил он, - и мы не продержимся, если столкнемся с ним лицом к лицу. Слышал, Кенуей? Держи дистанцию, и мы ударим, когда нам улыбнется удача.

- Под покровом ночи, скорее всего, - сказал я, глядя в бинокль. Тэтч был прав. Она была прекрасна. Действительно достойное украшение нашему причалу, внушительная линия обороны сама по себе.

Мы позволили галеону отплыть к точке на краю горизонта, которая оказалась островом. Остров Инагуа, если я правильно помню карты, небольшая бухта обеспечивала идеальное место, чтобы ставить корабли на якорь, а изобильная флора и фауна делала остров идеальным для пополнения запасов.

Тэтч подтвердил это.

- Знаю я это место. Природная крепость, которой пользуется французский капитан по имени ДюКасс.

- *Жюльен ДюКасс?* - спросил я, не в силах скрыть удивление в голосе. - Тамплиер?

- С именем угадал, - отвлеченно ответил Эдвард. - Не знал, что у него есть титул.

- Я знаю этого человека, - мрачно ответил я, - и если он увидит мой корабль, он вспомнит, что видел его в Гаване. И он может задуматься, кто же сейчас управляет им. Я не могу так рисковать.

- Я не хочу терять галеон, - сказал Эдвард. - Давай-ка пораскинем мозгами и, может, подождем до наступления темноты, чтобы взять его на abordaj.

* * *

Позже я воспользовался возможностью обратиться к команде, забравшись на снасти и глядя на тех, кто собрался на главной палубе, с Эдвардом Тэтчем и Джеймсом Киддом в том числе, сверху вниз. Пока я висел там и ожидал, когда воцарится тишина, я задумался, испытывал ли Тэтч, глядя на меня, гордость за своего молодого протеже, за человека, которого он обучал пиратству. Я надеялся, что да.

- Джентльмены! Согласно нашим традициям, мы не совершаем безрассудных поступков по приказу одного безумца, но мы действуем по нашему общему безумию.

Они разразились смехом.

- Наше внимание привлек галеон с четырехугольными парусами, и мы хотим, чтобы он послужил на благо Нассау. Поэтому я предлагаю голосование... Все, кто хотят взять штурмом эту бухту и захватить корабль, топните и крикните "да"!

Моряки утвердительно подняли ор без единого звука несогласия среди них, и это радовало мое сердце.

- А те, кто против – пропищите "нет"!

Не раздалось ни единого "нет".

- И королевский парламент не был столь единодушен! - крикнул я, и моряки издали радостные возгласы. Я взглянул вниз на Джеймса Кидда и особенно на Эдварда Тэтча, и они одобрительно улыбнулись.

Вскоре после этого, когда мы заплыли в бухту, я подумал: мне нужно было, чтобы Жюльен ДюКасс был убит. Если он увидит "Галку" и, более того, если он увидит, что я сбежал, он доложит своим товарищам тамплиерам, где видел меня, а это было излишне. Особенно если я все еще лелеял надежду найти Обсерваторию, которую, что бы там мои друзья не говорили, я всё же лелеял. Я подумал над этим, поразмыслил над разными возможными решениями, и, в конце концов, сделал то, что должен был: прыгнул за борт.

Ну, не тут же, конечно, нет. Сначала я сказал Джеймсу и Тэтчу о своих планах и потом, когда мои друзья узнали о моих намерениях отправиться и удивить ДюКасса до главной атаки, я прыгнул за борт.

Я поплыл к берегу, на котором передвигался подобно ночному призраку. В это время я подумал о Дункане Уолполе и мысленно вернулся к вечеру, когда я вломился в поместье Торреса, надеясь, что эта ночь не закончится так же, как та.

Я миновал группы охранников ДюКасса, и мой ограниченный испанский позволил мне уловить кусочки разговоров - они жаловались на то, что им поручили найти припасы для лодки. К моменту, когда

я подошел к лагерю и скрылся в зарослях, наступила ночь. Я прислушался к разговору, доносившемуся из надстройки, и я узнал один их голосов: Жюльен ДюКасс.

Я уже знал, что у ДюКасса была усадьба на острове, в которой он, несомненно, любил отдохнуть, вернувшись после своих экспедиций по управлению миром. То, что он в ту ночь не направлялся туда, говорило, что это была простая вылазка для сбора припасов.

Была одна проблема. Внутри надстройки мой бывший собрат-тамплиер был окружен стражей. Они были суровыми охранниками, которые раздражались от приказов собирать припасы для корабля, не говоря о том, что им приходилось терпеть остроту языка Жюльена ДюКасса. Но они все же были стражниками. Я осмотрел лагерь. На противоположной стороне развели костер, который догорел почти до последних угольков. Недалеко от меня стояли ящики и бочки, и, переводя взгляд с них на костер, я понял, что их расположили так неспроста. Я не удивился, когда, заглянув внутрь, увидел там бочонки с порохом. Я потянулся к спине, где я держал пистолет, чтобы он просох. Разумеется, мой порох был мокрым, но теперь доступ к пороху открылся.

В центре лагеря находилось трое солдат. По идее, они стояли на страже, но фактически они о чем-то болтали, я не расслышал. Возможно, проклинали ДюКасса. Другие солдаты проходили мимо, увеличивая гору запасов: в основном то были дрова, щепки, анкерки для пресной воды, которую набрали у

ближайшего ручья. Держу пари, совсем не жаркое из дикой свиньи, на которое уповал ДюКасс.

Оставаясь в тених и следя одним глазом за передвижением людей, я подкрался к бочонкам и выдолбил в самом нижнем отверстии, достаточное большое, чтобы наполнить руки и создать дорожку из пороха, которую я стал прокладывать, передвигаясь по краю лагеря до тех пор, пока не приблизился к костру настолько близко, насколько хватало смелости. Моя пороховая полоса описывала полукруг, по которому я вернулся к бочонкам пороха. По другую сторону этого круга находилась надстройка, где сидел ДюКасс, напиваясь и мечтая о великих планах тамплиеров по захвату мира - и громко браня своих норовистых людей.

Итак, у меня был костёр. У меня также была дорожка пороха, которая шла от костра через заросли и бочонки. А ещё у меня были люди, готовые вот-вот взлететь на воздух, и Жюльен ДюКасс, ожидающий моей расплаты. И теперь всё, что мне оставалось сделать, это устроить всё так, чтобы никто из этих грубоватых вояк не увидел мой импровизированный фитиль до того, как взорвётся порох.

Крадучись, я обогнул костёр и затем подкинул светящийся уголёк на конец пороховой дорожки. Звук от этого показался мне столь громким в ночи, что я весь сжался и возблагодарил Бога за то, что солдаты производили так много шума. Пока огонь двигался от меня по линии пороха, я надеялся, что я невольно не повредил дорожку, надеялся, что я случайно не испортил порох чем-нибудь мокрым; я также надеялся,

что какому-нибудь солдату не взбредёт в голову явиться назад именно в этот момент...

Один всё же явился. Он нёс какую-то тару, может быть, с фруктами. Однако то ли запах, то ли шум предупредили его, и он остановился на краю поляны, уставившись себе под ноги, мимо которых как раз проскочил огонь по дорожке пороха.

Он поднял глаза и уже открыл было рот, чтобы позвать на помощь, когда я выхватил кинжал из-за пояса, замахнулся и бросил его. Спасибо Господу за все те полуденные часы, потраченные на порчу деревьев в Бристоле. Спасибо Господу, ибо нож пронзил солдата где-то выше ключицы - не слишком аккуратный бросок, но он всё же сделал своё дело - вместо того, чтобы поднять тревогу, солдат издал сдавленный, приглушённый звук и рухнул на колени, прижимая ладони к своей шее.

Шум падающего тела, грохочущей миски и катящихся по земле фруктов привлёк внимание людей на поляне, и те обернулись в поисках его источника. К моему удивлению они все были начеку, но всё это не имело значения, потому что, даже сняв мушкеты с плеч и услышав крик, они так и не сообразили, что их поразило.

Едва я успел отвернуться, зажать уши руками и пригнуться, как на поляне прогремел взрыв. Что-то ударило меня в спину. Что-то мягкое и влажное, о чём мне даже думать не хотелось. Вдалеке послышались крики. Я знал, люди придут сюда в любой момент, поэтому я развернулся и рванул через поляну, мимо взорванных изувеченных и расчленённых тел солдат (большинство из них были мертвы, однако некоторые

умоляли о смерти), продираясь через густой чёрный дым, застилавший поляну и заполнивший воздух угольками.

ДюКасс выскочил из палатки, ругаясь на французском и крича, чтобы хоть кто-нибудь потушил огонь. Кашляя и брызгая слюной, он замахал ладонью перед своим лицом, стремясь рассеять дым, задыхаясь от пылающей копоти и пристально всматриваясь в дымовую завесу.

И затем он увидел меня прямо перед собой.

Я знал, что он узнал меня, потому что "ты" было единственным словом, которое он успел произнести, прежде чем я всадил в него свой клинок.

Мой клинок не издал ни единого звука.

- Помнишь свой подарок, что ты дал мне? - Клинок издал лёгкий хлопающий звук, когда я извлёк его из груди ДюКасса. - Что ж, хороший ответ.

- Ты, сукин сын, - он закашлялся, кровь оросила его лицо. Вокруг нас, словно дьявольский снег, сыпали тлеющие хлопья сажи.

- Также смел, как мушкетное ядро, и почти также резок, - он говорил с трудом, так как жизнь покидала его.

- Сожалею, приятель, но я не могу рисковать и позволить тебе дать знать своим друзьям-тамплиерам, что я всё ещё тут ошиваюсь.

- Мне жаль тебя, буканьер. После всего, что ты видел, после всего того, что тебе показал наш Орден, ты всё ещё цепляешься за невежественную и бесцельную жизнь разбойника.

На его шее я углядел кое-что, чего раньше не замечал. Ключ на цепочке. Я дёрнул его, и он с лёгкостью оказался в моих пальцах.

- Что, мелкая кража - предел твоих амбиций? - издевался ДюКасс. - Неужели тебе не хватает ума, чтобы постичь широту наших идей? Отмена всех империй на земле! Свободный и открытый мир, без таких кровососов, как ты!

Он закрыл свои глаза, умирая. Последними его словами были: "Да гореть тебе в аду, который ты создашь своими руками".

Позади себя я услышал людей, прибывающих на поляну, значит, пора уходить. Вдалеке я мог ещё различить крики и звуки битвы, и я знал, что это явились члены моего экипажа, и что бухта с галеоном скоро будет за нами. Ночная работа была окончена. Пока я скрывался в зарослях, я размышлял над последними словами ДюКасса: *"Да гореть тебе в аду, который ты создашь своими руками"*.

Что ж, посмотрим, подумал я. Посмотрим.

